

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Удмуртский государственный университет»

На правах рукописи

Крылов Евгений Валерьевич

**Социально-политические факторы развития
археологической науки Татарской АССР в 1917 – конце 1940-х гг.**

Специальность 07.00.06 – Археология

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук,
профессор Голдина Р.Д.

Ижевск – 2012

Содержание

Введение	3
Глава I. Развитие археологической науки Татарской АССР в 1917 – конце 1920-х гг.	30
I.1. Методологические основы изучения внешних факторов развития отечественной науки первой трети XX в.	–
I.1.1. Теоретические аспекты социально-политической детерминированности науки	–
I.1.2. Политизация советской исторической науки	36
I.1.3. Социально-политические факторы развития советской археологии	43
I.2. Развитие казанской археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв.	47
I.3. Развитие казанской археологии в новых общественно-политических условиях 1920-х гг.	57
I.3.1. Институциональные изменения советской исторической и археологической науки	–
I.3.2. Создание системы советских археологических учреждений в Татарской АССР в 1920-е гг.	74
I.3.3. Становление научной интеллигенции и подготовка археологических кадров в Татарской АССР	99
I.3.4. Взаимоотношения казанских историков и археологов с партийно-государственными органами власти	120
I.3.5. Социальные условия жизни и научной деятельности казанских археологов в 1920-х гг.	126
Глава II. Развитие археологической науки Татарской АССР в 1930-е гг.	134
II.1. Общенаучная ситуация в советской исторической и археологической науке в 1930-е гг.	–
II.1.1. Общенаучная ситуация в советской исторической науке	135
II.1.2. Развитие советской археологической науки в 1930-е гг.	144
II.2. Развитие историко-археологических исследований в	153

Татарской АССР в 1930-е гг.	
II.2.1. Упадок массового краеведческого движения в – регионе	
II.2.2. Центральный музей Татарской АССР как центр археологических исследований региона	159
Глава III. Внешние факторы развития археологической науки	168
Татарской АССР в 1940-е гг.	
III.1. Изменения в социально-культурной сфере СССР в – предвоенные и военные годы	
III.2. Развитие археологических исследований в Татарской АССР в 1940-е гг.	171
III.3. Значение идеологических кампаний для разработки проблематики татарской исторической науки	179
Заключение	195
Список использованных источников и литературы	206
Список сокращений	237
Приложения	239

Введение

Актуальность диссертационного исследования. На современном этапе развития археологической науки большое значение приобретают историографические работы, посвященные влиянию различных государственных, политических, социальных структур на ход и изменение процесса эволюции науки, программирование научных результатов, их использование в социальной практике. Изучение опыта собственного формирования, содержания этапов развития науки позволяет определить направленность движения научной мысли, оценить достигнутые результаты и, опираясь от них, наметить новые исследовательские горизонты. Еще в 1912 г. профессор В.И. Вернадский писал, что история науки должна критически оцениваться каждым поколением ученых не только потому, что меняются представления о прошлом и появляются новые источники или новые приемы восстановления былого, но и потому, что «благодаря развитию современного знания, в прошлом получает значение одно и теряет другое... Надо знать прошлое, чтобы понимать и настоящее, и вечное, непреходящее»¹. Эти слова до сих пор остаются ценным методологическим ориентиром для любого ученого.

Исследование взаимодействия науки с другими институтами происходит в рамках актуальной для сегодняшнего научного сообщества проблемы самопознания, когда изучаются институциональные и организационные основы отечественной археологии, внутренние и внешние факторы, влияющие на направление и динамику научных исследований. Постоянный интерес к этим проблемам проявляется сегодня как у специалистов-историков науки, так и у широкой общественности.

История и историография археологической науки сегодня представляет собой самостоятельное направление, в рамках которого активно

¹ Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд. М.: Наука, 1988. С. 203.

разрабатываются проблемы, связанные с формированием и развитием научных направлений, становлением научных школ, изменением процесса научного мышления, деятельностью отдельных ученых. Ключевое место не только в рамках археологии, но и в гуманитарных, политических и социальных исследованиях занимает проблема изучения социально-политических факторов функционирования науки. Не теряют своей актуальности и по сей день слова отечественного историка Е.Н. Городецкого о том, что развитие науки требует изучения и ее организационных форм, определяемых конкретными социальными и политическими обстоятельствами². Помимо институциональных аспектов особый интерес у исследователей вызывают проблемы трансформации стиля научного мышления и этоса науки.

Особое место в самопознании науки занимает период становления и развития советской археологии в 1917 – 1940-е гг. Коренные преобразования затронули тогда все сферы общества, в том числе сферу науки. Последовавшее масштабное строительство научных учреждений, постановка принципиально новых задач перед советской археологией имели исключительное значение. Политика партийно-государственных органов по отношению к научному сообществу, исследовательским и образовательным институтам на протяжении этого времени претерпевала трансформацию. Особую актуальность имеет региональный аспект исследования предлагаемой темы. Такая знаковая черта современной науки, как ее интерес к локальному, связана с сегодняшней сменой историографических приоритетов – обращением к антропологически ориентированной социальной истории, активному использованию междисциплинарной

² Городецкий Е.Н. Историография как специальная отрасль знания // История СССР. 1974. № 4. С. 101.

методологии³. История отдельных регионов, отличающихся неповторимым своеобразием, но сливающихся в единое русло, все чаще определяет облик современного историописания. Социально-политические факторы развития археологической науки в многонациональной Татарской АССР, образованной в мае 1920 г., до сих пор далеки от полного освещения в рамках историографии археологии. А между тем, многочисленные научные учреждения, возникшие тогда, оказали определяющее воздействие на интеллектуальный уровень региона. Процесс взаимодействия науки с другими социально-политическими структурами общества был чрезвычайно сложным и многоплановым, и его изучение позволяет обобщить опыт советского этапа истории казанской археологии, составить целостное представление об общественно-политических процессах, месте научной интеллигенции в социокультурной сфере Татарстана.

Научно-теоретический аспект актуальности данной темы определяется сложностью механизма функционирования важнейших социальных институтов. Исследовательский подход к их рассмотрению сегодня далек от простого противопоставления этих феноменов. Наука уже не воспринимается как самостоятельное явление в обществе, функция которого состоит в том, чтобы критически анализировать и интерпретировать социальные институты (в том числе и власть), рационализировать отношения человека с окружающим миром. Она, как живой изменяющийся организм, выступает в качестве социальной силы, непосредственно включаясь в процессы социального и политического развития. Соответственно, достижения науки

³ См., напр.: Попова Т.К. К анализу региональной историографии: институциональный подход // Региональна історія України. Збірник наукових статей. Випуск 1. Київ, Інститут Історії України НАНУ, 2007. С. 47–66; Попова Т.К. Историографический процесс в региональном измерении: подходы и понятия // Історико-географічні дослідження в Україні: Зб. наук. пр. Ч. 7. Київ, Інститут Історії України НАНУ, 2004. С. 290–324; Хлынина Т.П. Историческая регионалистика: основные концепты и проблемы дисциплинарного роста // Былые годы. 2010. № 3 (17). С. 71–78; Шмидт С.О. Краеведение и региональная история в современной России // Методология региональных исторических исследований. Материалы международного семинара. СПб, 2000. С. 11–15; Корзун В.П., Рыженко В.Н. Регионоведческое направление в деятельности исторических кафедр провинциальных университетов России // Методология региональных исторических исследований. Материалы международного семинара. СПб., 2000. С. 35–37.

используются не только для разработки масштабных планов и программ социального и экономического развития, но и для поддержания стабильности политической системы, идеологических установок общества, сохранения существующей власти.

Актуальность вышеназванной темы также обусловлена рядом других обстоятельств. Во-первых, с каждым годом выявляются и открываются новые комплексы архивных документов и материалов, дающие представление о сложных взаимоотношениях советской власти с казанскими археологами и историками 1917 – конца 1940-х гг., а также об особенностях научной политики государства. Во-вторых, история взаимоотношений властных структур и науки в общегосударственном масштабе является достаточно частым объектом приложения исследовательского интереса в современной историографии, однако региональный ее аспект не получил достаточно полного и объективного освещения. В-третьих, историографические работы, раскрывающие содержание подобных тенденций и процессов, позволяют избежать проявляющихся сегодня тенденций политизации и идеализации прошлого, удревления истории, борьбы за «великих предков», которым подвержены ряд современных национальных историков⁴.

Объектом диссертационного исследования является археологическая наука Татарской АССР в 1917 – 1940-х гг.

Предмет изучения – многогранные аспекты взаимодействия казанской археологии с институтами государства и общества, включающие в себя проблемы взаимоотношений власти, партийно-государственных органов с научным сообществом казанских археологов и историков, реализацию

⁴ См. об этом: Орлова И.Б. Этноизация исторического знания в постсоветских государствах // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 126–135; Хлынина Т.П. «Воображаемые миры» национального прошлого: стратегии освоения и конструирования исторической реальности // Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 2004. С.180–193; Шнирельман В. Очарование седой древности: мифы о происхождении в современных школьных учебниках // Неприкосновенный запас. 2004. № 37. С. 79–87.

научной политики в организационных, управленческих и идеологических аспектах, а также основные направления социальной политики в отношении научной интеллигенции Татарской АССР. Проблемы внутринаучной жизни отечественной археологии, специфика развития исторической науки, философские и методологические дискуссии рассматриваются в данном исследовании исключительно для раскрытия вышеуказанных аспектов.

Хронологические рамки работы охватывают 1917 – конец 1940-х гг. Нижняя граница исследования обусловлена событиями 1917 г., которые в итоге привели к социальным, идеологическим и институциональным изменениям в развитии казанской археологии в последующее десятилетие. Среди историков науки распространена точка зрения о новом этапе в развитии отечественной археологии, начавшемся с 1917 г. Верхняя же граница очерчена изменениями условий функционирования местной науки, что связано с идеологическими кампаниями, утверждением официальной болгарской концепции происхождения татарского народа и внутринаучными факторами развития археологического знания. Время, ограниченное предметными рамками настоящего исследования, охватывает неоднородные в содержательном отношении этапы развития археологической науки Татарской АССР. Поэтому представляется целесообразным в ходе решения поставленных задач ограничить их следующими годами: 1) 1917 – конец 1920-х гг.; 2) 1930-е гг.; 3) 1940-е гг. Основанием для выделения этих этапов является изменение условий взаимодействия казанской археологии с социально-политическими институтами советского общества, что влекло за собой и изменения в научной деятельности ученых.

Степень научной разработанности. Теоретико-методологическим осмыслением и обобщением влияния экономических, правовых и идеологических институтов власти на социальный институт науки занимался достаточно широкий круг исследователей. Среди них можно отметить

И. Канта, Г. Гегеля, М. Вебера, Дж. Бернала, Р. Мертона, В. Виндельбанда, М. Полани, Э. Гуссерля, Э. Шиллза, М. Фуко, П. Бурдьё⁵.

В историографии изучения социально-политических факторов развития казанской археологии 1917 – конца 1940-х гг. можно выделить не только периоды и этапы исследовательской активности, но и узловые проблемы, степень изученности которых различна.

Хронологически можно условно выделить два качественно отличающихся друг от друга периода теоретического осмысления данной темы – советский и постсоветский. В свою очередь, советский период делится на два этапа: первый ограничен 1920-ми – первой половиной 1950-х гг., второй включает в себя работы, появившиеся во второй половине 1950-х – конце 1980-х гг. Подобная периодизация является традиционной и часто используется современными исследователями, которые изучают те или иные аспекты этой проблемы⁶.

Первый этап советской историографии (1920-е – первая половина 1950-х гг.) характеризуется преобладанием публикаций, в которых рассматриваются вопросы развития науки в историко-партийном аспекте с опорой на марксистско-ленинскую методологию. Авторами работ (в основном журнальных и газетных статей) были сами историки и археологи,

⁵ Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с.; Вебер М. О некоторых категориях «понимающей» социологии. Смысл «понимающей» социологии // Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.; Polanyi M. The Republic of Science: Its Political and Economic Theory // Minerva. 1962. Vol. I(1). Pp.54–74; Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: Издательство «Хранитель», 2006. 873 с.; Вайнгарт П. Момент истины для науки. Последствия «общества знания» для общества и наук // Российская наука и СМИ. Сборник статей международной интернет-конференции (5 ноября – 23 декабря 2003 года). М., 2004. С. 318–327; Бернал Дж. Наука в истории общества. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. 736 с.; Shils E. Science and scientists in the public arena // The American Scholar. 1987. № 65. P. 185–202; Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. 448 с.; Бурдьё П. Поле науки // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетея, 2005. С. 473–517.

⁶ См., напр.: Берлявский Л.Г. Власть и отечественная наука: формирование государственной политики 1917–1941 гг. Автореф. дисс... д.и.н. Ростов-на-Дону, 2004. С. 5.; Сюков А.В. Власть и наука в Среднем Поволжье в конце 1920-х – 1930-е гг. Автореф. дисс... к.и.н. Самара, 2009. С. 4.; Пропп О.В. Высшая школа Урала и власть в условиях нэпа: опыт взаимоотношений (1921–1925 гг.). Автореф. дисс. ... к.и.н. Екатеринбург, 2002. С. 3; Гижов В.А. Идеологические кампании 1946–1953 гг. в российской провинции (По материалам Саратовской и Куйбышевской областей). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. С. 4.

а также партийные и научные функционеры. В этих трудах четко прослеживается идеологический отпечаток и позитивные оценки роли советского государства и коммунистической партии в обновлении науки, постановке новых познавательных задач, воспитании кадров советской научной интеллигенции⁷.

Большинство историографических работ этого этапа приходится на 1920-е – 1930-е гг., когда появляются статьи Г.С. Губайдуллина «Что сделано в области социальных наук в Татарской республике в течение пяти лет», Н.Н. Фирсова «Изучение Татарии в историческом, археологическом и этнографическом отношении» и «Важнейшие перспективы научной работы по изучению Татарии», брошюры Н.-Б.З. Векслина «Изучение Татарстана за 10 лет (1920–1930)», П. Краснова «Научно-исследовательская работа в Татарстане за 10 лет (1920–1930 гг.)»⁸. В обзорных и зачастую описательных публикациях внимание исследователей заострено не только на развитии исторической и археологической науки в регионе, плодотворной деятельности отдельных ученых. Также рассмотрен ее институциональный аспект, организаторская деятельность партийных и исполнительных органов власти, в частности, роль Академцентра Наркомпроса ТАССР как «организатора и отчасти руководителя научной работы в Татарской республике».

⁷ Грабарь И.Э. Для чего нужно охранять и собирать сокровища искусства и старины. М., 1919. 32 с.; Городцов В.А. Охрана археологических памятников // Вопросы областного музейного дела по данным I конференции музейных работников Центрально-Промышленной области. Рязань, 1925. С. 113–114; Мещеряков В. Проблема сельской интеллигенции // Революция и культура. 1928. № 23–24. С. 34–41; Худяков М.Г. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933. 162 с.; Бауман К.Я. Положение и задачи советской науки // Вестник РАН. 1936. № 10. С. 20–26; Ферсман А.Е. Основные вопросы организации научной работы // Вестник РАН. 1936. № 10. С. 27–42; Губкин И.М. Как изучались и будут изучаться производительные силы // Вестник РАН. 1931. № 6. С. 1–14; Его же. Ленин и наука // Правда. 1937. 21 января; Волин Б. Интеллигенция советского народа // Под знаменем марксизма. 1938. № 10; Кафтанов С. О советской интеллигенции // Большевик. 1939. № 8; Оснос Ю. Из послеоктябрьской истории интеллигенции // Историк-марксист. 1940. № 8. С. 219–233.; Ярославский Е. Об интеллигенции прежде и теперь // Историк-марксист. 1939. № 1. С. 23–52; Задачи советских археологов в свете трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания и экономическим проблемам // СА. 1953. XVII. С. 9–22.

⁸ Губайдуллин Г.С. Что сделано в области социальных наук в Татарской республике в течение пяти лет // За 5 лет: к V годовщине провозглашения Татарской социалистической советской республики. Казань, 1925. С. 167–176; Фирсов Н.Н. Изучение Татарии в историческом, археологическом и этнографическом отношении // Новый Восток. М., 1928. Книга 20–21. С. 324–332; Его же. Важнейшие перспективы научной работы по изучению Татарии // Вестник научного Общества татароведения. 1925. № 3. С. 5–11; Векслин Н.-Б. Изучение Татарстана за 10 лет (1920–1930). Казань, 1930. 97 с.; Краснов П. Научно-исследовательская работа в Татарстане за 10 лет (1920–1930 гг.). Казань, 1930. 65 с.

Уже в этих работах появились первые попытки дать представление о деятельности научных учреждений республики: НИИ, вузов, краеведческих обществ, музеев, сплотившими вокруг себя коллективы казанских историков, археологов и этнографов. С ростом общественного интереса к прошлому татарского народа в 1920-е гг. актуальность приобрели отдельные статьи и краткие сообщения, обобщающие опыт исторических обществ, созданных в ТАССР в послереволюционные годы. Среди авторов необходимо отметить З. Мухсинова, И.Н. Бороздина, Л.К. Ильинского, М.К. Корбута, С. Арбатова, Г. Кудоярова⁹. В этот период организационно-управленческие, идеологические проблемы местного краеведения, часто находили отражение в публикациях Н.-Б.З. Векслина, Р.Ш. Тагирова, А.Н. Самойловича, Н.Н. Фирсова¹⁰. Определенные обобщения практики взаимодействия татарской научной интеллигенции, вузовской науки с политическими и идеологическими установками власти присутствуют в работах известного историка края М.К. Корбута¹¹.

С середины 1930-х гг. внимание исследователей к внешним факторам развития исторической и археологической науки Татарской АССР резко ослабевает, исчезают специальные публикации, посвященные развитию этих наук. Связано это с изменением отношения государства ко многим социальным институтам, их подчинением интересам политики и идеологии,

⁹ Мухсинов З. Дом Татарской культуры // Очерки по изучению местного края / Под ред. С. Сингалевича, Р.Тагирова. Казань, 1930. Т.1.С. 7–41; Бороздин И.Н. Пятидесятилетие Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете имени В.И. Ленина // Новый Восток. 1929. № 25. С. 371–373; Ильинский Л.К. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете // Краеведение. 1929. Т. 6. № 9. С. 529–534; Корбут М. Роль науки в социалистическом строительстве и научно-исследовательская работа в Татарстане за 10 лет. Казань, 1930; Бороздин И.Н. Из культурной жизни Татарской республики // Вестник Научного общества татароведения. 1930. № 9–10; Арбатов С. Общество изучения Татарстана на новых путях. Казань, 1930; Кудояров Г. Перспективы развития и реорганизации Восточно-Педагогического Института // Вестник педагогического общества Татарстана. Казань, 1930.

¹⁰ Векслин Н.-Б. Ближайшие задачи краеведческой работы в Татарии // Труд и хозяйство. 1929. № 1–2. С. 98–101; Тагиров Р.Ш. Из жизни Общества изучения Татарстана // Труд и хозяйство. 1929. № 1–2. С. 151–153; Самойлович А.Н. Краеведение в ТАССР // Краеведение. 1925. Т.2. № 12; Фирсов Н.Н. Восстановить краеведческую работу // Красная Татария. 1937. 28 июля.

¹¹ Корбут М.К. Казанский Государственный Университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05–1929/30. В 2 т. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1930; Корбут М.К. Об истории изучения Октябрьской революции в Татарстане // Каторга и ссылка. 1933. Кн. 4–5 (101–102). С 126–144.

организационной и кадровой перестройкой. В Татарской АССР кризис переживает историческое образование, многие казанские историки вынуждены приспосабливаться к изменившимся условиям жизни и научной деятельности. Несвобода научной мысли предопределила и специфику исследовательского процесса, тематику исторических работ.

Интерес к историографии науки активизировался в конце 1940-х гг., что связано с расширением научно-поисковых работ по изучению историко-культурного наследия татарского народа, ростом археологических исследований, накоплением фактического материала и необходимостью обобщения предшествующего опыта ученых¹². В публикациях казанского историка Х.Г. Гимади проявился отход от догматического отношения к деятельности опальных ученых – Н.Н. Фирсова, Али Рахима, Г.С. Губайдуллина, Г.Г. Ибрагимова.

Второй этап советской историографии (середина 1950-х – конец 1980-х гг.) характеризуется началом научного изучения проблемы социально-политической детерминированности археологической науки. В советской историографии публикации этого времени рассматривали политические факторы развития науки в одном ряду с экономическими, организационными, информационными, правовыми, складывающимися в процессе общественного производства и отражающими, каждый по-своему, социально-экономическую природу общества и достигнутый уровень развития науки¹³. Государственно-партийную политику в области советской исторической науки, включая такие вопросы, как ее организационное

¹² Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. Казань: Татар. кн. изд-во, 1954. 126 с.; Гимади Х.Г. Об изучении Татарской АССР за 40 лет (Краткий обзор) // Известия Казанского филиала АН СССР. Сер. гуманитарных наук. 1957. Вып.2. С.68–82; Гимади Х.Г. Изучение истории Татарии в Казанском филиале Академии наук СССР // Известия Казанского филиала Академии наук СССР. 1957. Юбилейный сборник. С. 155–161. Гимади Х.Г., Мухарямов М.Х. Советская Татария – детище Октября (популярный исторический очерк). Казань: Таткнигоиздат, 1957. 174 с.

¹³ Белов Е.А. Руководящая роль Коммунистической партии в развитии науки. М., 1957; Карпов М.М. Наука и развитие общества. М.: Госполитиздат, 1961. 118 с.; Бастракова М.С. Становление советской системы организации науки (1917–1922 гг.). М.: Наука, 1973. 294 с.; Беляев Е.А. Формирование и развитие сети научных учреждений СССР. М., 1979; Беляев Е.А. КПСС и организация науки в СССР. М., 1982. 141 с.; Лахтин Г.А. Организация советской науки: история и современность. М.: Наука. 1990. 213 с.

становление, подготовка кадров, проблематика исследований, изучали Г.Д. Алексеева, Л.В. Иванова, О.Л. Вайнштейн, М. Рейман¹⁴. Авторы не могли вырваться за рамки строгой схемы развития и достижения советских историков сводили к «активной и целенаправленной деятельности коммунистической партии и советского правительства». В 1960-е – 1980-е гг. в археологии появляются монографические исследования А.А. Формозова, В.Ф. Генинга, А.Д. Пряхина, статьи А.Л. Монгайта, в которых изучены этапы формирования, становления и развития археологической науки в СССР, исходя не только из ее собственных, внутренних законов, но и с учетом внешних обстоятельств¹⁵. Продолжали разрабатываться вопросы, связанные, пожалуй, с самой идеологизированной темой в отечественной историографии – взаимоотношениями власти и интеллигенции. Отметим монографические исследования С.А. Федюкина, В.Р. Лейкиной-Свирской, В.А. Ульяновской, А.В. Ушакова, Р.О. Карапетяна, О.Н. Знаменского¹⁶.

С середины 1960-х гг. появляются первые науковедческие работы, ставшие основой формирующейся самостоятельной отрасли научного знания – науковедения. Такие исследователи, как В.А. Дмитриенко, И.И. Лейман, Г.М. Добров, В.Ж. Келли, П.А. Рачков, Б.Г. Юдин, анализировали

¹⁴ Алексеева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука (1917–1923 гг.). М., 1968. 300 с.; Алексеева Г.Д., Желтова Г.И. Становление и развитие советской системы научно-исторических учреждений (20–30-е годы). Ташкент: Фан, 1977. 136 с.; Иванова Л.В. У истоков советской исторической науки (подготовка кадров ученых-марксистов, 1917–1929 гг.). М.: Мысль, 1968. 195 с.; Вайнштейн О.Л. Становление советской исторической науки (20-е годы) // ВИ. 1966. № 7. С. 32–47; Рейман М. Перестройка и изучение советской истории // ВИ. 1989. № 12. С. 145–158.

¹⁵ Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М.: АН СССР, 1961. 128 с.; Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х гг.). Киев: Наукова думка, 1982. 226 с.; Пряхин А.Д. История советской археологии (1917–середина 30-х гг.). Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1986. 286 с.; Монгайт А.Л. Возникновение и первые шаги советской археологии // История СССР. 1963. № 4. С. 75–94.

¹⁶ Федюкин С.А. Привлечение буржуазной интеллигенции к социалистическому строительству в СССР. М., 1960. 86 с.; Федюкин С.А. Октябрьская революция и интеллигенция. М.: Знание, 1968. 48 с. Федюкин С.А. Великий Октябрь и интеллигенция. М.: Нака, 1972. 470 с.; Федюкин С.А. Партия и интеллигенция. М.: Политиздат, 1983. 238 с.; Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция 1900–1917 гг. М.: Мысль, 1981. 285 с.; Ульяновская, В.А. Формирование научной интеллигенции в СССР. 1917–1937. М., 1966. 216 с.; Ушаков А.В. Революционное движение демократической интеллигенции в России в 1895–1904 гг. М., 1976; Ушаков А.В. Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. М., 1985; Карапетян Р.О. Становление и развитие интеллигенции как особого социального слоя. М., 1974; Березовская Л.Г. Партия большевиков и демократическая интеллигенция в России. М., 1983; Знаменский О.Н. Интеллигенция накануне Великого Октября. Л.: Наука, 1988. 352 с.

закономерности функционирования науки как социального института, выделяли внутренние и внешние цели ее развития¹⁷.

В рамках региональной историографии этого этапа внимание исследователей привлекал довольно широкий спектр вопросов развития исторической и археологической науки в Татарской АССР. Взаимодействие государственно-партийных органов с научными учреждениями и отдельными учеными изучалось в характерном для этого времени ключе. Сюда необходимо включить статьи обобщающего плана, освещающие основные вехи развития татарской исторической науки: М.К. Мухарямова, А.Л. Литвина, З.И. Гильманова, И.А. Георгиевской, Р.У. Амирханова, З.Г. Гариповой, Г.Л. Файзрахманова¹⁸. Обширный свод работ посвящен научным обществам, краеведческим центрам и вузам ТАССР исследуемого периода (К.Р. Синицына, Б.Ф. Султанбеков, В.П. Сидоров, И.М. Абдрашитова)¹⁹. Развитие казанской археологии было объектом исследовательского интереса у известных археологов края – А.М. Ефимовой,

¹⁷ Дмитриенко В.А. Методологические проблемы науковедения. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. 176 с.; Лейман И.И. Наука как социальный институт. Л.: Наука, 1971. 180 с.; Добров Г.М., Коренной А.А. Наука: информация и управление (информационные проблемы управления наукой). М.: Изд-во «Советское радио», 1977. 256 с.; Добров, Г. М. Наука о науке: начала науковедения. 3-е изд., доп. и перераб. Киев: Наукова думка, 1989. 301 с.; Келле В.Ж. Наука как компонент социальной системы. М.: Наука, 1988. 199 с.; Рачков П.А. Науковедение. Проблемы, структура, элементы. М.: МГУ, 1974. 241 с.; Юдин Б.Г. Методологический анализ как направление изучения науки. М.: Наука, 1986. 264 с.

¹⁸ Амирханов Р.У., Гарипова З.Г. Некоторые проблемы становления гуманитарных наук в Татарии в 20–30-е годы и развитие национальной культуры // Великий Октябрь и некоторые вопросы формирования татарской социалистической нации. Казань, 1989. С. 81–96; Мухарямов М.К., Литвин А.Л. Историки Татарии и их труды // Коммунист Татарии. 1967. № 2. С. 16–22; Мухарямов М.К., Гильманов З.И. Основные итоги изучения на современном этапе истории татарского народа // Исследования по историографии Татарии. Казань, 1978. С. 37–45; Гильманов З.И., Георгиевская И.А., Кузьмин В.В. Некоторые итоги изучения истории Татарии советского периода за 50 лет // Развитие филологических и исторических наук в Татарии. Казань, 1969. С. 91–103; Файзрахманов Г.Л. Развитие гуманитарных исследований в сороковые – восьмидесятые годы (К 50-летию Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР) // Великий Октябрь и некоторые вопросы формирования татарской социалистической нации. Казань, 1989. С. 96–122.

¹⁹ Синицына К.Р. Роль научных и краеведческих обществ в музейном строительстве в Татарии 20-х – 30-х годов // Сборник научных трудов Госмузея Татарской АССР. Казань, 1965. Вып.2. С. 103–118; Султанбеков Б.Ф., Сидоров В.П. Из истории Казанского педагогического института (1918–1919 гг.) // Ученые записки Казанского педагогического института. Вопросы историографии и источниковедения. Казань, 1969. Вып.71. Сб.4. С. 343–348; Абдрашитова И.М. Вестник научного общества татароведения (1925–1930) // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. 1970. Вып. 80. Сб.4. С. 204–213; Абдрашитова И.М. Из истории Научного общества татароведения (1923 – 1929 гг.) // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Вып. 150. Сб. 7. Казань, 1975. С. 101–111; Абдрашитова И.М. Из истории создания Общества изучения Татарстана (1928–1930 гг.) // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Вып. 145. Сб. VI. Казань, 1975. С. 63–72.

А.Х. Халикова²⁰. Приуроченные к юбилейным датам, они рисовали общую картину состояния научно-исследовательских работ в республике, деятельность научных обществ, вузов и отдельных историков и археологов. Определенный интерес вызывают диссертации, анализирующие роль местных партийных структур в формировании кадров советской интеллигенции, ее идеологическом завоевании и воспитании (С.В. Морозова, О.Л. Малышева и др.)²¹. В этом отношении, естественно, основным инструментом в руках Татарского ОК ВКП(б) была система образования, претерпевшая коренные изменения в кадрах, целях и содержании учебного процесса.

В целом, первый период истории изучения темы характеризуется эволюцией исследовательского интереса в сторону расширения научного кругозора, ее проблематики и аспектов при сохранении принятых методологических подходов. Причем сам исследовательский поиск ученых, изучающих данную проблему, зависел не только от внутринаучных, но и от внешних факторов (политические установки, разрешенная или запрещенная тематика работ и т.д.).

Во втором, постсоветском, периоде историографии рассматриваемой темы на фоне кардинальных перемен жизни общества в науке наметились тенденции методологического и организационного плюрализма, вырос научный интерес к различным аспектам проблемы, расширился круг изучаемых проблем. Характерной чертой этого времени становится возросший уровень научной коммуникации, широкое обсуждение в среде историков и археологов злободневных вопросов и тем. Для того чтобы

²⁰ Ефимова А.М. Археологическое изучение Татарии за годы Советской власти. Казань, 1961. 24 с.; Халиков А.Х. Археологические исследования края за 50 лет // Развитие филологических и исторических наук в Татарии. Казань, 1969. С 123–132; Халиков А.Х. Археология в ИЯЛИ КФАН СССР // 50 лет поисков и открытий. Казань: Татарское книжное изд-во, 1989. С. 149–173.

²¹ Морозова С.В. Деятельность КПСС по формированию советской интеллигенции в период строительства социализма (на материалах рабочих факультетов Татарской АССР). Автореф. дисс. ... к.и.н. Казань, 1974; Малышева О.Л. Борьба партийной организации Татарии за идеологическое завоевание высшей школы в период социалистического строительства (1917–1927 гг.). Автореф. дисс.... к.и.н. Челябинск, 1985. 21 с.

упорядочить всю обширную историографию этого периода, необходимо выделить несколько направлений в освоении данной темы:

- 1) историко-научные исследования, рассматривающие общие закономерности взаимодействия власти и науки;
- 2) работы в рамках формирующейся междисциплинарной отрасли научного знания – интеллигентоведения;
- 3) публикации по истории организации науки, изучающие институциональные аспекты;
- 4) научные работы, посвященные отдельным персоналиям;
- 5) литература по социальной истории науки.

Региональная историография, конкретизируя познание на местном фактическом материале, проходит «красной нитью» сквозь выделенные направления.

В 1990-е – 2000-е гг. тема внешних факторов развития науки становится объектом специальных историко-научных исследований А.С. Ахиезера, А.С. Кравца, В.Ю. Соколова, Н.Е. Колосова, Л.Г. Берлявского, Д.А. Александрова, Ю.Н. Афанасьева, Г.А. Бордюгова, В.А. Козлова, А.С. Сониной, Л.В. Чесновой, В.Д. Соловья и др.²². Особое место занимает фундаментальная коллективная монография «Наука и

²² Ахиезер А.С. Идеология – предмет науки, наука – элемент идеологии // *Общественные науки и современность*. 1991. № 1. С. 83–89; Кравец А.С. Наука и идеология // *Общественные науки и современность*. 1992. № 6. С. 114–122; Соколов В.Ю. История и политика: (К вопросу о содержании и характере дискуссий советских историков 1920-х – начала 1930-х гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. 202 с.; Соколов В.Ю. История в отсутствие человека: некоторые особенности развития отечественной историографии в 1920–30-е гг. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1994. 254 с.; Колосов Н.Е. Советская историография: марксизм и тоталитаризм // *Одиссей. Человек в истории*. 1992. М.: Круг, 1994. С. 51–68; Берлявский Л.Г. Власть и отечественная наука (1917–1941 гг.). Ростов-на-Дону, 2004. 359 с.; Берлявский Л.Г. Власть и отечественная наука: формирование государственной политики (1917–1941 гг.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 46 с.; Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // *Советская историография*. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т., 1996. С. 7–41; Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: Субъективные заметки по истории советского общества. М.: Политиздат, 1992. 332 с.; Сонин А.С. ВАК СССР в послевоенные годы: наука, идеология, политика // *ВИЕТ*. 2004. № 1. С. 18–63; Чеснова Л.В. Наука и власть в Советской России (1918 – начало 1930-х гг.) // *Институт истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова РАН. Годичная научная конференция 1998 г. М., 1999*. С. 279–282; Соловей В.Д. Историческая наука и политика в СССР. 20–30-е годы // *Историческое значение НЭПа. Сборник научных трудов*. М., 1990. С. 149–166.

кризисы»²³. В ней на основе обширного фактологического материала с выделением периодизации рассматривается специфика взаимодействия науки, общества и власти, которое сопровождалось репрессиями в отношении научного сообщества, трансформацией институциональной системы науки, изменениями общественного статуса ученых, тематики исследований и т.д. В региональном разрезе появляются работы А.В. Зайцева, А.Ш. Кабировой, О.В. Пропп, А.В. Сюкова, на местном материале рассматривающие этапы становления национальной исторической науки и делающие вывод о многофакторном и противоречивом характере взаимоотношений власти и научного сообщества²⁴. Отдельные аспекты, оказавшие серьезное влияние на науку и культуру (механизмы и каналы взаимодействий, идеологические кампании) рассматривают в своих трудах В.А. Гижов, И.В. Филипчук, О.В. Козлов, С.А. Дианов, Д.В. Хаминов²⁵.

В рамках археологии появляются исследования, где история науки рассматривается на широком историческом фоне, в контексте событий, происходивших в сфере политики, экономики. На страницах работ А.А. Формозова, Г.С. Лебедева, Л.С. Клейна, Н.И. Платоновой, подробно освещены сюжеты, связанные с взаимоотношениями археологии и

²³ Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. 1040 с.

²⁴ Зайцев А.В. Развитие исторической науки в Татарстане в 20–30-е годы XX века. Автореф. дисс... к.и.н. Казань, 1999. 31 с.; Кабирова А.Ш. Историография советского периода истории Татарстана (1917 – 1950-е гг.). Казань, 2008. 176 с.; Пропп О.В. Высшая школа Урала и власть в условиях нэпа: опыт взаимоотношений (1921 – 1925 гг.). Автореф. дисс. ... к.и.н. Екатеринбург, 2002. 24 с.; Сюков А.В. Власть и наука в Среднем Поволжье в конце 1920-х – 1930-е гг. Автореферат дисс... к.и.н. Самара, 2009. 22 с.

²⁵ Гижов В.А. Идеологические кампании 1946–1953 гг. в российской провинции (По материалам Саратовской и Куйбышевской областей). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. 22 с.; Филипчук И.В. Взаимоотношения местных органов власти и творческой интеллигенции в 1946–1948 гг. (на примере Горьковской области) // Интеллигенция и власть: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: материалы международной научно-практической конференции 1–2 апреля 2011 года. Пенза–Липецк–Ереван: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. С. 177–179; Его же. Общественно-политическое развитие Горьковской области в 1946 – 1960 гг. Автореф. дисс... к.и.н. Нижний Новгород, 2011. 26 с.; Козлов О. В. Взаимодействие власти и общества в процессе создания советской системы управления народным образованием и культурой в российской провинции в 1917 – 1922 гг. (На материалах Западного региона РСФСР): дис. ... докт. ист. наук. Смоленск, 2001; Дианов С.А. Практики взаимодействия местных органов Главлита и партийных комитетов ВКП(б) на Урале в 1920–1930-е годы // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12 (227). История. Вып. 45. С. 40–46; Хаминов Д.В. Общественно-политическая жизнь и идеологические кампании на историко-филологическом факультете Томского государственного университета во второй половине 1940-х – 1950-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347 (июнь). С. 88–91.

археологов с властью в новых условиях, дореволюционная и послереволюционная традиция исследования, специфика советского образа науки²⁶.

В рамках интеллигентоведения за этот период времени следует отметить обширный круг работ, авторами которых являются И.Е. Казанин, В.А. Волков, М.В. Куликова, Л.А. Коган, О.В. Милаева, М.Ю. Сорокина, Ю.И. Кривоносов и др.²⁷. В Татарстане взаимоотношения ученых, профессорско-преподавательского состава с новой властью большевиков, вопросы политико-идеологического климата того времени сегодня изучают

²⁶ Формозов А.А. Археология и идеология (20–30-е гг.) // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 70–82; Его же. К столетнему юбилею В.И. Равдоникаса // РА. 1996. № 3. С. 197–202; Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб: Изд-во СПбГУ. 1992. 464 с.; Клейн Л.С. Феномен советской археологии. С-Пб.: Фарн, 1993. 128 с.; Платонова Н.И. Российская Академия истории материальной культуры. Этапы становления // СА. 1989. № 4. С. 5–16; Её же. Русская археология на исходе 1920-х гг. // Проблемы истории отечественной археологии. С-Пб.: Изд-во СПбГУ, 1993. С. 8–9; Её же. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.

²⁷ Казанин И.Е. Власть и интеллигенция в России после Октября: Некоторые аспекты репрессивной политики в контексте междисциплинарного подхода // Генезис, становление и деятельность русской интеллигенции: междисциплинарный подход: тезисы докл. Международной научно-практич. конф. Иваново: ИвГУ, 2000. С. 19–21; Его же. Власть и научно-педагогическая интеллигенция в России (1918–1922) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения: научно-теор. журнал. Волгоград: ВолГУ, 2003. Вып. 8. С. 20–32; Его же. Политика властвующей элиты по отношению к русской интеллигенции: история и перспективы общественно-политической трансформации // Государство, общество, личность в России в условиях трансформации и смен парадигм социального развития в XX в.: материалы Всероссийской научной конф. Чебоксары: Чувашский гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2003. С.41–46; Голуб Ю.Г., Баринев Д.Б. Судьбы российской художественной интеллигенции в условиях сталинского режима. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002. 192 с.; Емтыль З.Я. Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX в. – начала 30-х гг. XX в. Краснодар: Издательский Дом-Юг, 2010. С. 18–66; Её же. Политический курс советской власти в отношении старой интеллигенции (1917–20-е гг. XX в.) // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 234–238; Милаева О.В. Модернизация кадрового научного потенциала в системе высших учебных заведений в 1930-е годы // Интеллигенция и власть: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: материалы международной научно-практической конференции 1–2 апреля 2011 года. Пенза–Липецк–Ереван: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. С. 14–21; Сорокина М.Ю. Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. Материалы научной конференции. СПб: Нестор, 1997. С. 248–254; Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура: «под колпаком» у власти // ВИЕТ. 1994. № 2. С. 65–75; Коган Л.А. Выслать за границу безжалостно (Новое об изгнании духовной элиты) // Вопросы философии. 1993. № 9. С. 61–84; Кривоносов Ю.И. Партийные органы и формирование кадровой политики в сфере науки (двадцатые – восьмидесятые годы XX века) // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2003 г. М.: Диполь-Т, 2003. С.173–176.

А.Ш. Кабирова, Г.М. Мустафина, Б.Ф. Султанбеков, Р.Б. Хаплекхамитов, И.Б. Сидорова, А.В. Сюков и др.²⁸.

Изучению проблем казанской научной интеллигенции 1920-х – 1940-х гг., таких как изменение ее статуса, состава, социально-бытовых условий существования и профессиональной деятельности, посвящены работы современных исследователей О.А. Хабибрахмановой, К.А. Руденко, А.Ш. Кабировой²⁹.

Институциональные аспекты развития исторической и археологической науки на местном материале становятся объектом исследовательского интереса А.Ш. Кабировой, А.З. Хакимовой, К.Р. Синициной, Г.М. Латыповой, Г.А. Валеевой, А.Г. Галямовой, И.Р. Каримова, Н.М. Малова, К.Д. Зулкарнеева. В этих работах показана организующая и идеологическая роль советских партийно-государственных

²⁸ Кабирова А.Ш. Воздействие власти на деятельность татарской гуманитарной интеллигенции в 1941–1945 гг. // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа: материалы научной конференции. Казань: Изд-во «Матбугат йорты», 2000. С. 128–138; Мустафина Г.М. Сотрудничество преподавателей кафедры отечественной истории КГПИ с Госмузеем ТАССР // Вестник ТГГПУ. 2008. № 3 (14). С. 29–30; Султанбеков Б.Ф. Расстрелян как террорист (по страницам следственного дела историка Михаила Худякова) // Эхо веков. Гасырлар авазы. 2002. № 1/2. С. 107–125; Хаплекхамитов Р.Б. Первые годы постсталинского периода в Татарстане: взаимоотношения власти и творческой интеллигенции // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 1. С. 136–140; Сидорова И.Б. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете: основные этапы истории // Краеведческие среды. Вып. 4. Материалы заседаний, прошедших в Нац иональном музее РТ в 2003 г. Казань: РИЦ «Школа», 2004. С. 6–69; Ее же. Поступают «сведения о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете...» (ОАИЭ в первые годы Советской власти. 1917–1924 гг.) // Эхо веков. Гасырлар авазы. 2003. № 3/4 (32/33). С. 65–81; Сюков А.В. Идеино-политические взгляды научной интеллигенции Среднего Поволжья в 1930-е годы // Интеллигенция и власть: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: материалы международной научно-практической конференции 1–2 апреля 2011 года. Пенза–Липецк–Ереван: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. С. 173–176.

²⁹ Хабибрахманова О.А. Научная интеллигенция 20–30-х годов XX века: изменение состава, трансформация идентичности // Ученые записки Казанского государственного университета. 2010. Том 152. Кн. 3. Ч. 2. С. 122–129; Руденко К.А. Казанские археологи во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов: личности, научное творчество и модели поведения (к постановке проблемы) // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 356–361; Кабирова А.Ш. Влияние властных структур на массовое сознание населения в Татарстане в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Научный Татарстан. 2009. № 2. С. 159–167.

органов власти в становлении краеведческого движения, музейного строительства, в организации археологических исследований ТАССР³⁰.

Отдельного внимания заслуживают обобщающие монографические исследования К.А. Руденко, А.В. Зайцева, А.Ш. Кабировой, посвященные истории исторической и археологической науки в соединении с социально-политическими факторами, повлиявшими на интеллектуальные процессы развития этих наук³¹.

В биографических экскурсах ряда казанских исследователей можно почерпнуть сведения о непростых судьбах казанских историков и археологов в условиях идеологического давления на науку, ограничения творческой свободы, об их отношениях с властью и ее институтами³². Обстоятельному

³⁰ Кабирова А.Ш. Историография советского периода истории Татарстана (1917 – 1950-е гг.). Казань, 2008. 176 с.; Хакимова А.З. Историко-краеведческие исследования в Татарстане в 20-е годы XX века // Ученые записки Казанского государственного университета. 2010. Том 152. Кн. 3. Ч. 2. С. 139–145; Хакимова А.З. Роль краеведческой работы в изучении и популяризации историко-культурного наследия Татарстана в 1920–2000-е гг. Автореф. дисс. к.и.н. Казань, 2011. 28 с.; Сеницына К.Р. Полвека музеев Казани и Татарии. Очерки истории 1917–1967 годов. Казань, 2002. 280 с.; Латыпова Г.М. Народный комиссариат просвещения ТАССР в 1920-е гг.: организация, структура, деятельность. Автореф. дисс.... к.и.н. Казань, 2011. 28 с.; Валеева Г.А. Деятельность кантонных краеведческих организации в Татарии в 20-е годы XX в. // Вестник ТГГПУ. 2008. № 3 (14). С. 18–20; Галямова А.Г. Переосмысливая советский период в истории татарского народа // Научный Татарстан. 1998. № 3. С. 58–61; Каримов И.Р. Из истории организационного становления академической науки в Татарстане // Из истории Татарстана и татарского народа. Сб-к статей молодых ученых и аспирантов Института татарской энциклопедии АН РТ. Казань, 2003. С. 144–158; Малов Н.М. Советская археология в Саратовском государственном университете (1918–1940 гг.): организационное становление, развитие и репрессии // Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Научная книга, 2006. Вып. 4. С. 4–28; Зулкарнеев К.Д. Первая Всетатарская краеведческая конференция и ее роль в учреждении «Общества изучения Татарстана» // Вестник ТГГПУ. 2010. № 4(22). С. 117–120.

³¹ Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. Историография и история изучения (X – XX вв.). Казань, 2008. 264 с.; Зайцев А.В. Исторические учреждения Республики Татарстан в 20–30-е годы XX века. Казань, 1998. 122 с.; Кабирова А.Ш. Историография советского периода истории Татарстана (1917 – 1950-е гг.). Казань, 2008. 176 с.

³² Байрамова Ф.А. Роль М. Г. Худякова в исследовании истории и культуры народов Среднего Поволжья. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 205 с.; Измайлова С.Ю. А.М. Ефимова и ее роль в истории создания исторических экспозиций Национального музея РТ // Краеведческие чтения. Выпуск 3: Материалы заседаний, прошедших в Национальном музее РТ в 2002–2003 гг. Казань: РИЦ «Школа», 2003. С. 13–19; Ситдинов А.Г. Н.Ф. Калинин – исследователь Болгара // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет археологического изучения: итоги и перспективы. Тезисы науч. конф. Болгар, 1998. С. 13–16; Ситдинов А.Г., Старостин П.Н. Николай Филиппович Калинин, 1888 – 1959. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. 24 с.; Кузьминых С.В. Виктор Федорович Смолин, 1890–1932. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. 32 с.; Смирнов К.А. А.П. Смирнов и исследование Булгарского городища в период строительства Кубышевской ГЭС // Татарская археология. 1999. № 1–2. С. 5–9; Федоров-Давыдов Г.А. Памяти Алексея Петровича Смирнова // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 3–6.

изучению жизненного пути и научной деятельности казанских археологов 1920-х – 1940-х гг. посвящены исследования К.А. Руденко³³.

Таким образом, несмотря на наличие обширного массива историографических работ, в самых разнообразных аспектах рассматривающих проблему взаимоотношений власти и археологической науки, комплексного исследования в рамках региональной историографии по истории археологической науки до сих пор не было проведено.

Цель диссертационного исследования состоит в комплексном изучении социально-политических факторов развития археологической науки Татарской АССР в 1917 – конце 1940-х гг. Для реализации заявленной цели автором определены следующие **задачи**:

- рассмотреть теоретические аспекты социально-политической детерминированности археологической науки, выявить параметры ее взаимодействия с трансформирующимися социальными и политическими институтами советского общества и проследить процесс развития науки в новых общественно-политических условиях с 1917 по конец 1920-х гг.;
- определить основные особенности развития науки в условиях модернизации советского общества 1930-х гг.;
- изучить специфику взаимодействия казанской археологической науки с социально-политическими институтами советского общества предвоенного, военного и послевоенного времени 1940-х гг.

Источниковая база исследования. В работе использовано значительное количество опубликованных и неопубликованных источников. Большое значение имеют архивные источники, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Это делопроизводственная документация

³³ Руденко К.А. Археология XX века: две жизни – две судьбы: О.С. Хованская и А.М. Ефимова. Казань: Изд-во МОиНТ РТ, 2010. 176 с.; Его же. Письма военных лет профессора А.П. Смирнова (1942 год) // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2011. № 3(34). С. 133–135; Его же. В плену времени [Электронный ресурс] // Тартария.Ру – родовые поместья. URL: <http://www.tartaria.ru/Archive/kalendar/kalendar09.aspx> (дата обращения 18.11.2011); Его же. Научное наследие А.М. Ефимовой // Краеведческие чтения. Выпуск 3: Материалы заседаний, прошедших в Национальном музее РТ в 2002–2003 гг. Казань: РИЦ «Школа», 2003. С. 4–13.

научных и образовательных учреждений республики, сосредоточенная в фондах региональных архивов – Национального архива РТ (НА РТ) и Центрального государственного архива историко-политической документации РТ (ЦГА ИПД РТ) в г. Казани. Важными для диссертационного исследования оказались материалы ЦГА ИПД РТ, содержащиеся в фонде 15 – Татарский областной комитет (Обком) ВКП(б). В описях 1–6 содержатся отчеты, протоколы пленумов, докладные записки об организационно-партийной и идеологической работе. Материалы данного фонда позволяют выявить государственно-партийную политику по отношению к различным направлениям общественно-политической жизни ТАССР. В фонде 7571 – ИЯЛИ КФАН СССР – содержатся протоколы партсобраний, научных конференций, планов научно-исследовательских работы института, позволяющие выявить атмосферу внутри научного сообщества и проанализировать его отклики на действия властей.

Источниковой базой послужили и фонды научных и образовательных учреждений Татарской АССР, сосредоточенные в НА РТ, и позволяющие на основании анализа уставов, протоколов собраний, планов, финансовых документов и отчетов научно-исследовательской работы, получить представление об организационном этапе становления региональной археологической науки в 1920-е гг. Во-первых, фонд Р–1337 – Казанский университет – содержит документы, касающиеся планов реорганизации историко-филологического факультета, списки профессорско-преподавательского состава. Во-вторых, фонд Р–1339 – Северо-Восточный археологический и этнографический институт – позволяет проанализировать постановления, резолюции и протоколы общих собраний института, переписку учебного заведения с Наркомпросом, преподавателями. В-третьих, фонд Р–439 – Дом татарской культуры – содержит протоколы заседаний Президиума организации, отчеты, производственные планы и расходные сметы на проведение научных изысканий. В-четвертых, в фонде Р–447 –

Общество изучения Татарстана – особую ценность для работы представляют научные отчеты археологических экспедиций, планы научно-исследовательских работ и протоколы оргкомитета Общества. В-пятых, определенный источниковый материал содержит фонд Р-2021 – Казанский губернский музей – отчеты о деятельности музея, его переписка с государственными органами власти.

В число опубликованных источников входят:

1) законодательные источники – нормативно-правовые и исполнительные документы государственных и партийных органов власти. Сюда можно включить постановления ЦК ВКП(б), Татарского обкома ВКП(б), постановления и декреты Совнаркома РСФСР, резолюции и постановления съездов ВКП(б)³⁴. Большое количество официальных документов содержится в сборниках «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986 гг.)», «Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг.»,

³⁴ Постановление Совнаркома РСФСР о рационализации сети научно-исследовательских учреждений РСФСР от 29 октября 1931 г. // Организация советской науки в 1926–1932 гг. Сборник документов. Л.: Наука, 1974. С. 50–52; Постановление Татарского областного комитета ВКП(б) «О состоянии работы по составлению «Очерков по истории Татарской АССР» от 21 апреля 1946 г. // Эхо веков. Гасырлар авазы, № 3/4, 1996. С. 112–114; Постановление Татарского областного комитета ВКП(б) «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» от 6 октября 1944 г. // Там же. С. 101–104; Постановление ЦК ВКП(б) «О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т.7 (1938–1945). М.: Политиздат, 1985. С. 506–512; Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации» от 27 января 1945 г. // Там же. С. 539–543; Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» от 9 августа 1944 г. // Там же. С. 513–520; Декрет СНК «О Народном комиссариате по просвещению (Положение)» от 11 февраля 1921 г. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л.: Наука, 1968. С. 38–40; Из постановления XIII Всероссийского съезда Советов по докладу А. В. Луначарского «Состояние народного просвещения в РСФСР» об укреплении связи науки с производством и внесении в работу элементов плановости от 16 апреля 1927 г. // Организация советской науки в 1926–1932 гг. Сборник документов. Л.: Наука, 1974. С. 24–25; Из резолюции VI съезда заведующих отделами народного образования по докладу А. В. Луначарского «XV съезд Компартии и очередные задачи народного образования об улучшении организации научной работы» от 10 мая 1928 г. // Организация советской науки в 1926–1932 гг. Сборник документов. Л.: Наука, 1974. С. 137–138; Положение о Государственном ученом совете от 15 марта 1923 г. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л.: Наука, 1968. С. 41–43; Восемнадцатый съезд ВКП(б). Москва. 10–21 марта 1939 г. Резолюции съезда // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т.7 (1938–1945). М.: Политиздат, 1985. С. 49–108.

«Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925)», «Организация советской науки (1926–1932)».³⁵ Этот вид источников помогает изучить нормативную сторону взаимоотношений власти и науки, и в целом реконструировать сложный процесс преобразований, которые пережили научные и образовательные учреждения Татарской АССР в этот период.

2) Выступления партийных и государственных деятелей, а также видных советских учёных, посвященные вопросам преобразования научной сферы³⁶.

3) Программные документы исторической и археологической науки, формулирующие основные цели и направления исследований³⁷.

4) Материалы периодической печати тоже содержат ценную информацию о взаимоотношениях власти и науки в исследуемый период. В газете «Красная Татария», журналах «Вестник Научного общества татароведения», «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете» содержатся статьи местных функционеров, ученых, краеведов, пытавшихся проанализировать процессы научного изучения прошлого татарского народа.

³⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК в 15 т. / сост. А.Г. Егоров, К.М. Боголюбов; Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. Под ред. А. Н. Яковлева. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. 872 с.; Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л.: Наука, 1968. 420 с.; Организация советской науки (1926–1932). Сборник документов. Л.: Наука, 1974. 408 с.

³⁶ Из доклада Ф.Н. Петрова на I Всероссийском съезде научных работников о перспективах деятельности Главнауки от 27 ноября 1923 г. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л.: Наука, 1968. С. 46–51; Обращение народного комиссара по просвещению А.В. Луначарского ко всем учащимся // Культурное строительство в РСФСР 1917–1927. Т.1. Документы и материалы 1917–1920. М., 1983. С. 71–89; Из доклада заместителя наркома просвещения В.Н. Яковлевой на собрании ячейки ВКП(б) Наркомпроса о необходимости усилить отражение задач социалистического строительства в научной и музейной деятельности от 22 мая 1929 г. // Организация советской науки в 1926–1932 гг. Сборник документов. Л.: Наука, 1974. С. 141; Бухарин Н.И. Ленинизм и проблема культурной революции // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С.368–390; Ярославский Е. Об интеллигенции прежде и теперь // Историк-марксист. 1939. № 1. С. 23–52.

³⁷ Наши задачи в области археологических исследований в связи с решениями ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР об учебниках по истории // СА. 1937. Вып. II. С. 1–15; Всесоюзное археологическое совещание // Вестник АН СССР. 1945. № 4. С. 88–96; О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // ВИ. 1949. № 2. С.3–13; Задачи советских археологов в свете трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания и экономическим проблемам // СА. 1953. XVII. С. 9–22.

Использование достаточно широкого спектра исторических источников позволило комплексно осветить тему исследования.

Теоретико-методологическая основа исследования. При исследовательском подходе к науке как к социальному институту, который развивается во взаимодействии с другими феноменами, необходимо комплексное изучение внутренних (смена парадигм, существование научных школ, исследовательская проблематика, научные коммуникации) и внешних (функции науки в обществе, влияние политики и идеологии) факторов. Поэтому качественное исследование по данной тематике является системным, опирается на междисциплинарный подход, синтезирующий возможности смежных наук. Системно-исторический метод анализа процессов взаимодействия власти и науки, применяемый в исследовании, рассматривает эти феномены как целостные и взаимосвязанные системы. В целом они представляют собой неотъемлемые составляющие общества, как сложной системы политических, экономических, социальных и духовных отношений.

В основу изучения представленной проблемы положены принципы научной объективности и историзма. Эти принципы предполагают глубокое и всестороннее изучение общественно-политических явлений, рассмотрение особенностей их развития в указанный период, их объективную оценку на основе полных и максимально точных фактографических данных.

В работе над диссертацией использовался также сравнительно-исторический метод, который позволил сопоставить социально-политические условия развития исторической и археологической науки как в целом по стране, так и в региональном разрезе. Использованный в работе историко-генетический метод состоит в последовательном раскрытии свойств, изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического развития, что позволяет наиболее полно и объективно воспроизвести реальную историю

объекта³⁸. Данный метод позволил определить основные тенденции и последовательность формирования государственной политики в сфере науки, охарактеризовать ее организационно-управленческий аспект.

Суть проблемно-хронологического метода изучения данной темы составили более узкие аспекты, касающиеся научной политики государства, исследовательских традиций археологов, функционирования научных учреждений края, репрессий в отношении ученых, исследовательской проблематики и т.д. Кроме того, использование проблемно-хронологического метода позволило выстроить в хронологическом порядке содержание каждого из параграфов, что дало возможность показать динамику развития изучаемых социальных институтов.

Применение совокупности перечисленных методов дало возможность объективно оценить динамику во взаимоотношениях власти и археологической науки Татарской АССР в изучаемый период.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно представляет собой одну из первых попыток комплексного анализа совокупности социально-политических факторов развития археологической науки Татарской АССР в 1917 – конце 1940-х гг. При этом на основе обширного круга источников рассмотрены недостаточно изученные аспекты темы: роль местных партийных и государственных органов в формировании системы научных учреждений Татарской АССР, влияние власти на изменение направлений научных поисков, значение идеологических кампаний 1940-х гг. в развитии исторической и археологической науки Татарской АССР. Также изучены общие принципы и особенности формирования местной системы научных учреждений и вузов, показана эволюция исследовательского интереса к проблемам истории края под влиянием внешних факторов, рассмотрено содержание политики формирования научной интеллигенции на новой организационной и

³⁸ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. С. 184–185.

идеологической основе. В научный оборот введены ранее неопубликованные источники, содержащиеся в различных архивах Республики Татарстан.

Научно-практическая значимость. Фактический материал исследования, а также полученные выводы и обобщения, могут быть использованы специалистами при составлении курсов лекций по истории отечественной археологии, при изучении истории конкретных научных учреждений республики, а также в краеведческой работе. Помимо этого основные результаты работы могут быть применены при разработке учебников, обобщающих трудов и монографий по политической истории СССР и Татарстана, социологии науки.

Апробация результатов исследования. Основные положения работы обсуждались на заседаниях кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского государственного университета. Различные аспекты проблемы отражены в докладах на всероссийских и региональных конференциях «Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов» (2003), «VII-я научно-практическая конференция преподавателей и сотрудников УдГУ, посвященная 245-летию г. Ижевска» (2005), «Общественно-политическая мысль в России: традиции и новации» (2006), «Политология–XXI век: традиции отечественной политической науки и современность» (2011).

Положения, выносимые на защиту:

1. Влияние государственно-партийных органов Татарской АССР, подчинявшихся директивным указаниям из центра, на археологическую науку проявлялась в материально-ресурсном обеспечении, определении институциональной структуры, выборе научной проблематики. Подобная модель взаимоотношений власти и науки исходила из идеологии социальной полезности науки, ее определяющего значения для экономического, социально-политического развития общества

2. На протяжении 1920-х – 1930-х гг. отношение местной власти к немногочисленным представителям казанских археологов, как и в целом политика по отношению к научной интеллигенции, претерпевала трансформацию, сменяясь от лояльности и поощрения комплексного историко-краеведческого изучения края до жесткой регламентации, идеологической нагрузки и вытеснения из различных научно-образовательных учреждений Татарской АССР.

3. Несмотря на демократизацию высшей школы республики и существовавшие планы подготовки археологов, местная наука приток новых кадров стала ощущать лишь в конце 1930-х гг. Связано это с кризисом исторического образования и профессиональной науки, сужением образовательных задач новых вузов республики до подготовки учителей школ, недостатком финансирования научных исследований (экспедиций, разведок, экспозиций), а также, в целом, активным вмешательством государственно-партийных структур в деятельность вузов и науки.

4. На протяжении 1920-х гг. складывается региональная централизованная система управления исторической и археологической наукой, которая характеризовалась всесторонним контролем партийных и государственных органов за деятельностью научных учреждений. Причем заметный вклад в деятельность координирующего органа Наркомпроса Татарской АССР – Академцентра – внесли казанские историки и археологи.

5. В 1920-х гг. государство поддерживало рост археологического интереса со стороны местных научных и краеведческих обществ к изучению исторического прошлого края, что было в русле общесоюзных тенденций развития науки. С изменением государственных задач по развитию конкретных отраслей народного хозяйства региона организационное многообразие местной археологии (научные и краеведческие общества, НИИ, музеи) в начале 1930-х гг. сужается до единичных структур, где ученые могли продолжать свои изыскания.

6. Содержание внутринаучных и социально-политических факторов развития археологии в Татарской АССР в 1940-е гг. изменяется. Появилось новое научно-исследовательское учреждение – ИЯЛИ КФАН СССР, благодаря взаимодействию столичных и местных археологов расширился ареал исследуемых памятников, актуализировались этногенетические реконструкции происхождения татарского народа. При этом существовали объективные условия, связанные с тенденциями предшествующих десятилетий и ограничивающие познавательные возможности казанских археологов и историков. Идеологический нажим на ученых после выхода постановления от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», практика согласования научных планов с партийными органами власти Татарской АССР являлись факторами влияния власти на историческую науку и результаты ее научного познания, однако на археологических изысканиях они сказались несущественным образом.

Структура диссертации обусловлена задачами исследования. Работа состоит из введения с обоснованием исследовательской программы, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений.

Глава I. Развитие археологической науки Татарской АССР в 1917 – конце 1920-х гг.

При изучении становления и развития советской археологической науки в Татарской АССР в 1917 – конце 1920-х гг. необходимо методологически обосновать внешесоциальные (или «внешние») факторы ее функционирования.

I.1. Методологические основы изучения внешних факторов развития отечественной науки первой трети XX в.

I.1.1. Теоретические аспекты социально-политической детерминированности науки. Наука как социальный институт и как культурная традиция изучается в рамках различных подходов – аксиологического, институционального, коммуникативного, деятельностного – за каждым из них стоит определенная историографическая традиция. Распространенное сегодня институциональное понимание науки исходит из веберовского определения социального института как формы общественного объединения, в котором поведение индивидов «в значительной степени рационально упорядочено в своих средствах и целях принятыми установлениями» и регламентировано аппаратом принуждения³⁹. Наука, как и другие институты, вплетена в социальное взаимодействие причем целерационального типа, и находится в тесных отношениях с государством и правом – частными проявлениями феномена власти.

В современной социологии науки социальный институт определяется как устойчивая форма организации общественной жизни и совместной деятельности людей, включающая в себя нормативно регулируемую

³⁹ Вебер М. О некоторых категориях «понимающей» социологии. Смысл «понимающей» социологии // Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. С. 536–537.

совокупность лиц и учреждений, наделенных властью и материальными средствами для осуществления социальных функций, управления и властвования. И выделяются следующие признаки:

- 1) определенный круг субъектов, вступающих в процессе деятельности в отношения, приобретающие устойчивый характер;
- 2) определенная (формализованная) организация;
- 3) наличие специфических социальных норм и предписаний, регулирующих поведение людей в рамках социального института;
- 4) наличие социально значимых функций института, интегрирующих его в социальную систему и обеспечивающих его участие в процессе интеграции последней⁴⁰.

Все вышеперечисленные признаки относятся и к характеристике институционального каркаса науки. При этом расширив эту категорию за счет нормативистского содержания (институты как «правила игры»⁴¹), можно включить в сферу исследовательского интереса не только организационные формы и внутреннюю структуру науки, но и совокупность нормативно-ценностно обусловленных ролей и статусов, предназначенных для удовлетворения определенных социальных потребностей ученых, а также проследить взаимосвязь с другими социальными институтами. Это объединение людей, обладающее своей структурой и иерархией, выполняет определенные функции в рамках социальной целостности и внутренне связано специфическими традициями, нормами и ценностями. Благодаря этим и другим особенностям (в частности, научный поиск, процедуры накопления, передачи и развития научных знаний) наука всегда выделялась в

⁴⁰ Юсуфов М.М. Концептуализация понятия «социальный институт» в современной социологии [Электронный ресурс] // Электронная версия журнала «Историческая и социально-образовательная мысль». 2011. № 4. URL: <http://www.hist-edu.ru/hist/book8/usufov.pdf> (дата обращения: 06.12.11); Лейман И.И. Наука как социальный институт. Л.: Наука, 1971. С. 20.

⁴¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 17.

обществе, а некоторые философы предпочитали даже использовать метафору «научной республики»⁴².

В целом можно отметить, что в конце XIX – начале XX в. в Российской империи сложились объективные предпосылки для формирования науки в качестве социального института, профессионализации знания (научные школы, ученые с мировым именем, развитая система коммуникаций между учеными, связь научных исследований с производством) и роста ее общественного значения.

Однако этот процесс нельзя считать завершившимся. В качестве основных причин, историки науки называют доминирование государства в развитии отечественной науки, бюрократическое сдерживание ее организационного роста, недостаточный уровень материально-технической базы, антинаучные настроения в различных слоях общества, кризис ценностных ориентаций ученых⁴³. Как здесь не вспомнить слова Н.А. Бердяева о том, что «сама наука и научный дух не привились у нас, были восприняты не широкими массами интеллигенции, а лишь немногими. Ученые никогда не пользовались у нас особенным уважением и популярностью, и, если они были политическими индифферентистами, то сама наука их считалась не настоящей»⁴⁴?!

В «Записке о нуждах просвещения», адресованной правящим кругам и всей общественности, подписанной в 1905 г. видными учеными, среди которых выделялись В.И. Вернадский, С.С. Ольденбург, А.Н. Веселовский, обращалось внимание на тяжелое положение отечественного образования и науки. Ученые и преподаватели, не свободные от административного

⁴² Polanyi M. The Republic of Science: Its Political and Economic Theory // Minerva. 1962. Vol. I(1). Pp.54–74.

⁴³ Авдулов А.Н. Процесс институционализации науки в России и его особенности // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2001. № 4. С. 28; Александров Д.А. Наука и кризисы XX века: Россия, Германия и США между двумя мировыми войнами // Наука и безопасность России: историко-научные, методологические и историко-технические аспекты. М.: Наука, 2000. С. 296; Волобуев П.В. Русская наука накануне Октябрьской революции // ВИЕТ. 1987. № 3. С. 12, 13, 16; Юдин Б.Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования: наука и тоталитарная власть. 1993. № 3. С.93.

⁴⁴ Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. М.: Канон, 1998. С 183.

воздействия и чиновничьего диктата, в некоторых случаях были вынуждены оставлять свою деятельность. Это в свою очередь влияло на снижение профессионального и нравственного уровня представителей научного сообщества, вело к потере уважения и доверия к учителям. В конечном итоге ограничение автономии сказывалось на самосознании, установках и ценностях научных коллективов (то, что американский социолог Р. Мертон называл этосом науки⁴⁵). В конце «Записки...» авторы приходят к жесткому выводу о том, что «академическая свобода несовместима с современным государственным строем России»⁴⁶. О скептическом отношении к царской власти внутри научного сообщества свидетельствуют и слова академика В.Н. Ипатьева, высказанные им в 1918 г. по поводу власти большевиков: «мы, интеллигенты, представляющие тонкую прослойку в толще масс, не имея за собой никакой опоры, не должны в настоящее время делать каких-либо выступлений и еще более усложнять и без того тяжелое положение..., и при царском режиме многие из нас не сочувствовали самодержавному правлению, но это не мешало нам честно выполнять наш долг перед страной и продуктивно работать»⁴⁷.

В то же время, наука, как открытая система, постоянно оказывает влияние на окружающую среду и одновременно находится под непрерывным воздействием с ее стороны⁴⁸. Институциональный подход к науке уже сам по себе предполагает ее тесную связь с социокультурной системой. Помимо внутренних факторов (типы познавательной деятельности, накопление фактов, научные интересы, коммуникации, гомеостазис) на развитие науки влияют идеологические, социально-политические условия, действующие за пределами научного сообщества и которые различными исследователями

⁴⁵ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: Издательство «Хранитель», 2006. С. 755.

⁴⁶ Записка 342-х ученых // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2005. № 6. С. 88–89.

⁴⁷ Ипатьев В.П. Жизнь одного химика. Воспоминания. Т. II (1917–1930). Нью-Йорк, 1945. С. 48.

⁴⁸ Лейман И.И. Наука как социальный институт. Л.: Наука, 1971. С. 23.

названы по-разному: «внешние цели» у В.А. Дмитриенко, «внешние участники» у И.И. Леймана, «политизирующие факторы» у Г.С. Лебедева, «внешнесоциальные факторы» у Т.И. Оконниковой⁴⁹. Постоянное выполнение наукой явного либо опосредованного социального заказа обуславливает ее идеологические функции в обществе. Отвечая на идеологические потребности общества, наука предстает как инструмент политики, а с другой стороны, является одним из акторов на политической арене, будучи одной из заинтересованных сторон или рекрутированной другими акторами для поддержки их специфических интересов⁵⁰.

Проведение и интенсивность научных исследований, формирование научных направлений зависят от тех социальных и финансовых ресурсов, которые выделяются на самом высоком уровне политической власти, и от решений которой зависят организационные основы науки, система профессиональной подготовки и переподготовки кадров. И такое государственное регулирование предстает здесь в качестве одной из форм научно-технической политики государства наряду с доктриной невмешательства и автономии научного сообщества⁵¹. Причем государственная власть по самой своей природе тяготеет к расширению сферы своего контроля. В противовес этому научное сообщество в равной степени заинтересовано как в спонсорстве централизованной государственной власти, так и в сохранении своей автономии по отношению к ней. Однако поддерживать баланс финансовой обеспеченности исследований и организационной самостоятельности достаточно сложно. И,

⁴⁹ Дмитриенко А.В. Методологические проблемы науковедения. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. С. 152–153; Лейман И.И. Наука как социальный институт. Л.: Наука, 1971. С. 22; Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб: Изд-во СПбГУ. 1992. С. 423–427; Оконникова Т.И. Формирование научных традиций в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. – конец 40-х гг. XX в). Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет». 2002. С. 73–79.

⁵⁰ Вайнгарт П. Момент истины для науки. Последствия «общества знания» для общества и наук // Российская наука и СМИ. Сборник статей международной интернет-конференции (5 ноября – 23 декабря 2003 года). М., 2004. С. 322.

⁵¹ Schott T. Science, Technology, Education and Economy in Centers and Peripheries [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Университета Торонто (Канада), 2001. URL: http://www.utoronto.ca/ethnicstudies/schott_paper.pdf (дата обращения 25.10.2011 г.).

как отмечают ряд отечественных и зарубежных авторов, наука в первой половине XX в. оказалась перед лицом потери своей автономии⁵².

Идеология, как система взглядов и представлений, дающих то или иное истолкование окружающей человека социальной реальности, имеет особенно большое влияние на социальные науки, и при этом является важнейшим компонентом социально-политической и интеллектуальной атмосферы, в которой развивается наука⁵³. Подобные факторы непосредственно влияют не на содержание научного знания, а на жизнедеятельность ученых, на институциональную сторону функционирования науки, и лишь через данные опосредующие звенья эти факторы влияют на развитие собственно научного знания⁵⁴.

По мнению М.Д. Ахундова и Л.Б. Баженова, идеология, влияющая не столько на нормы поведения или на мировоззрение ученых, сколько на объективное содержание науки, приводит к феномену «идеологизированной науки». Он связан с «включением ценностных установок самого различного толка (философских, нравственных, религиозных, политических и т. д.) в структуру («тело») науки, при котором подавляется (ограничивается, изгоняется, деформируется) сама ее основа — объективное содержание», и соответственно, наука начинает обслуживать идеологическую схему, те ценности, которые в данной идеологии почитаются за основные (религиозные, расовые, классовые)⁵⁵. Здесь в большей степени представляется, что науке с самого начала своего существования присущ конфликт, который известный философ Б.Г. Юдин назвал

⁵² Кордонский С. Кризисы науки и научная мифология // Отечественные записки. 2002. № 7. С. 75; Сокулер З.А. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб. РХГИ, 2001. С. 201, 203; Баранец Н.Г., Ершова О.В., Кудряшова Е.В. Значение власти для выработки норм в научном сообществе // Власть. 2011. № 7. С. 56.

⁵³ Замошкин Ю.А. Взаимоотношение идеологии и науки // Социологические проблемы науки. М, 1974. С. 87.

⁵⁴ Elkana Y. A programmatic attempt at an anthropology of knowledge // Sciences and cultures. L., 1981. P. 14.

⁵⁵ Ахундов М.Д., Баженов Л.Б. У истоков идеологизированной науки // Природа. 1989. № 2. С. 91, 98.

институциональным⁵⁶. Он заключается в противоречии между необходимостью поддерживать и укреплять собственную автономию как социального института и необходимостью выполнять определенный набор социальных функций в обществе и государстве, которые все расширяются и усложняются.

Причем степень влияния внешних стимулов для каждого типа науки различна. Понятие «наука вообще» – не более чем абстракция, речь здесь идет о конкретных видах научных дисциплин. Социогуманитарные науки в целом более чувствительны к воздействию внешнего социального контекста и более гибко реагируют на его изменения, что проявляется в их большей подверженности идеологизации и в большей зависимости от существующего в той или иной стране социально-политического порядка. Любые изменения в обществе, в политическом руководстве страны влияли на творчество историков и археологов.

Соответствие между нормативно-ценностными системами науки и общества никогда не бывает полным, поэтому проявляются институциональные конфликты и напряжения. По сути, социальные цели науки в гносеологическом плане представляют собой результат отражения проблемной ситуации, в данном случае той, в которой оказывается наука в общей социальной структуре общества на конкретном этапе исторического развития⁵⁷.

1.1.2. Политизация советской исторической науки. Ситуация, в которой оказалась историческая наука после 1917 г., была сложной. В 1917 г., как красноречиво воскликнул Гамлет, «пала связь времен»⁵⁸. Государство и общество оказались зажаты в тисках экономического, социально-

⁵⁶ Юдин Б.Г. Методологический анализ как направление изучения науки. М.: Наука, 1986. С. 183–193; Его же. История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования. 1993. № 3. С. 91–94.

⁵⁷ Дмитриенко В.А. Методологические проблемы науковедения. Томск, 1977. С. 153.

⁵⁸ Шекспир У. Гамлет. Трагедия в 5 актах. Перевод А. Кронеберга // Шекспир У. «Гамлет» в русских переводах XIX – XX вв. М.: «Интербук», 1994. С. 200.

политического кризиса, поэтому прежние отношения социальных институтов пересматривались и переоценивались. Для его разрешения мобилизовались все ресурсы, в том числе и наука. Причем данные взаимоотношения отечественной исторической науки с обществом и государством были подвержены достаточно быстрым и заметным изменениям. Роль советского государства в отношении исторической науки проявилась не только в материально-ресурсном обеспечении, определении институциональной структуры и этоса науки, подготовке кадров и формулировании исследовательских приоритетов, но также во влиянии на методологию, теорию и тематику исследований.

Важнейшим фактором воздействия на историческую науку стала формирующаяся коммунистическая идеология с популярными в России начала XX в. идеями социальной справедливости и равенства, товарищества и коллективизма. При этом историческая наука рассматривалась как элемент государственной политики и ей обеспечивалась государственная поддержка лишь в той степени, в тех границах, в которых она была способна выполнять соответствующие инструментальные функции⁵⁹. Не случайно данную взаимосвязь обнаружил еще в 1930-е гг. американский социолог науки Р.К. Мертон, заметивший, что утилитарные соображения развития науки выходят на передний план тогда, когда государство испытывает заинтересованность в тех направлениях, в которых должны вестись значимые с точки зрения практической пользы научные исследования. И этот акцент на утилитарность, по мнению социолога, «требуется неунничтожимого минимума интереса к науке, которую можно призвать на службу государству и промышленности»⁶⁰. Так и советское государство не могло безучастно относиться к вопросу о том, как происходит организация научной мысли в стране, стремясь поставить под контроль творческую активность ученых,

⁵⁹ Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Отечественная история. М., 1996. № 5. С. 154.

⁶⁰ Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: Издательство «Хранитель», 2006. С. 754.

организовав их на «коллективные изыскания в разных отраслях науки под углом не индивидуальных, а общественных запросов»⁶¹.

Подобная особенность исторической науки, проявляющаяся в ее тесной связи с политической конъюнктурой, связана с заинтересованностью политиков в исторических аргументах, их обращению к истории для решения своих прагматических задач. Как справедливо отмечал японский советолог Т. Ито, для многих политических элит характерно осознание того, что контролирующий прошлое – контролирует настоящее и тот, кто имеет власть над временем, имеет власть над людьми⁶². Утилитарное значение научного знания, единство теории и практики неоднократно впоследствии отмечали ученые-марксисты. В частности, некоторые из них писали: «сейчас мы должны особенно подчеркнуть действенную функцию каждой научной дисциплины, значение ее как формы изменения мира, подчеркнуть служебное, утилитарное значение каждой научной дисциплины в практике рабочего класса»⁶³. Причем такой «функционалистский подход» к науке и культуре применялся не только по отношению к гуманитарной интеллигенции, но и к профессиональным группам, связанным с естественными науками, техникой и административным управлением, которые должны были служить «пролетариату» так, как они якобы прежде служили «капиталу».

Если свести все эти тенденции как внутри научного сообщества, так и в системе государственных мероприятий (финансирование, планирование и контроль) по развитию научных исследований, то в историографы предлагают воспользоваться обобщающим понятием «идеология науки», представляющей собой форму общественного самосознания научного сообщества, в которой выражаются общие взгляды ученых на общественную

⁶¹ Из доклада Ф.Н. Петрова на I Всероссийском съезде научных работников о перспективах деятельности Главнауки от 27 ноября 1923 г. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л.: Наука, 1968. С. 47.

⁶² Ito T. Preface // Facing Up to the Past: Soviet Historiography under Perestroika. Edited by Takayuki Ito. Sapporo, Japan: Slavic Research Center, Hokkaido University, 1989. P. 5.

⁶³ Алавердов К. Практика яфетидологов и современность // Революция и язык. М., 1931. № 1. С. 55.

ценность их труда, роль науки в жизни общества. Это неотъемлемый атрибут науки как социального института. Сюда также относятся представления об общезначимых для научного сообщества стандартах и нормах научной деятельности (этос науки), о стратегических программах развития науки, о взаимоотношении науки с государственными и другими институтами общества (Приложение 1. Схема 1)⁶⁴.

В первой трети XX в. на первый план была выдвинута идеология социальной полезности науки, ее определяющего значения для экономического, социально-политического развития общества. В советском государстве развитие науки ставилось в зависимость от насущных задач восстановления и развития экономики, на что указывал в 1921 г. В.И. Ленин, когда говорил, что без помощи лучших русских специалистов и ученых «ни о каком действительно социалистическом фундаменте нашей экономической жизни не может быть и речи»⁶⁵. Поэтому выработка государственных решений в области науки и ее организации, были неотъемлемой частью программы правящей партии, связанной с осуществлением планов индустриализации и модернизации народного хозяйства. Через создание «индустрии» науки советское руководство рассчитывало в условиях ограниченных ресурсов с наибольшим эффектом и в кратчайшие сроки удовлетворить нужды государства и общества. В дальнейшем это привело к формированию политики, основанной на оптимальной социально-экономической эффективности науки на различных ее уровнях (ориентационном, организационном, мотивационном, психо-гигиеническом по Э.В. Нечаеву⁶⁶).

⁶⁴ Кравец А.С. Наука и идеология // Общественные науки и современность. 1992. № 6. С. 114.

⁶⁵ Ленин В.И. Доклад о продовольственном налоге. X Всероссийская конференция РКП (б) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1970. Т. 43 (Март – июнь 1921). С. 306.

⁶⁶ Нечаев Э.В. Принципы управления научными организациями // Социальные факторы деятельности научных организаций. М., 1980. С. 22.

При этом стоит отметить, что советская научная политика в 1930-х – 1940-х гг. была популярна далеко за пределами СССР. В частности, убежденным сторонником социалистической организации науки был английский физик Дж. Бернал, считавший возможным «планировать науку на коллективной, а не на сугубо индивидуальной основе», а также обращавший внимание на проблему «необходимости урегулировать и объединить вопросы, выдвигаемые, с одной стороны, социальными и экономическими потребностями, с другой — присущим науке ходом развития»⁶⁷.

Универсальность государственного интереса по отношению к науке порождает различные виды управления научными процессами, от которых, в свою очередь, зависят восприимчивость и сопротивление со стороны сообщества ученых:

1) заинтересованность в решении конкретных проблем, стоящих перед обществом и являющихся важными для государственных интересов. В этом случае государственные органы власти вмешиваются во внутреннюю структуру научных процессов, поскольку предполагается, что внутренние закономерности науки, определяющие выбор проблематики исследований могут воспринять сильное внешнее воздействие со стороны политической власти.

2) Ориентация на внутренние потребности науки (например, поощрение научного самоуправления, фундаментальных исследований). Здесь ценность процесса научного познания выступает на первый план в политических решениях.

3) Финансирование исследований, от результатов которых ожидается подкрепление законности политических решений. Как отмечал в 1980-х гг. американский социолог Э. Шиллз, «[научные] советники выбираются не потому, что члены парламенты или государственные чиновники нуждаются в

⁶⁷ Бернал Дж. Наука в истории общества. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. С. 20.

их советах, а потому, что они, вероятно, нуждаются в их авторитете для поддержки проводимой ими политики»⁶⁸.

В последнем случае осуществляя политическое влияние над таким социальным институтом как наука, политическая власть (дисциплинарная власть, говоря словами М. Фуко) стремится быть эффективной, рациональной, функционировать непрерывно и влиять на все процессы, происходящие в обществе⁶⁹. И чтобы оправдать свое существование, политическая власть, во-первых, вынуждена доказывать, что функционирование различных социальных структур не может протекать само собой. Во-вторых, политическая власть должна постоянно демонстрировать свою эффективность и при этом маскировать масштабы и формы своего контроля. Концепция дисциплинарной власти М. Фуко показывает, что власть не только управляет готовым объектом, но и формирует свой объект. Применительно к науке это означает, что государство не просто финансирует науку, как отдельный институт, но и активно формирует его⁷⁰.

Данная тенденция взаимоотношений власти и науки особенно заметна в кризисные периоды развития общества, когда исторические знания и трактовки включаются в массовое политическое сознание, структурируются в идеологические процессы, влияя не только на их содержание, но и на психологию, позиции, поведение различных групп населения⁷¹. Модель взаимоотношения власти и науки, при которой государство стремилось использовать ученых для получения знаний, для развития своей экономической и военной мощи, для идеологического оправдания проводимой политики, характерна для периодов, требовавших максимальной мобилизации ресурсов. Подобная «политическая активизация», с точки зрения некоторых

⁶⁸ Shils E. Science and scientists in the public arena // The American Scholar. 1987. № 65. P. 188.

⁶⁹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. С. 194.

⁷⁰ Сокулер З.А. Указ. соч. С. 166.

⁷¹ Алексеева Г.Д. История. Идеология. Политика (20–30-е гг.) // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 91.

исследователей, приносит пользу научному знанию, поскольку побуждает ученых искать выход из сложившейся ситуации, объяснять происходящие процессы, оценивать пройденный обществом путь и привлекать исторический опыт для поиска возможного выхода из кризиса⁷². Понятно, что давление идеологии не останавливает развития науки, хотя придает ему специфический характер. Безусловно, наблюдается однозначное влияние на движение научной мысли, когда затрудняются или полностью запрещаются те научные исследования и проекты, исходные установки и ожидаемая отдача которых противоречат официальной идеологии, ее отдельным положениям, не согласуются с ними. С другой стороны, по словам Н.А. Косолапова, сама идеология представляет собой не что иное, как макросоциальную и макровременную гипотезу, а опыт ее реализации – способ верификации такой гипотезы, а поэтому для общественных наук это своего рода путь познания⁷³.

Политизация исторической мысли охватывала все стороны и направления деятельности историков: исследовательский поиск, разработка проблематики, публикация исследований, содержание трудов, научно-популяризаторская и культурно-просветительская работа⁷⁴. Изменения коснулись практически всех сторон жизни историко-научного сообщества. Наиболее глубокими и широкомасштабными, как представляется, эти изменения были в организационных формах науки, практике историописания (точке зрения на исторический процесс, проблематике и подборе персонажей историко-научных исследований, языке историописания), а также в процессе воспроизводства исторических знаний. Политические установки и проблематика исследований спускались сверху партийными органами, а историкам предписывалось реализовывать их в своих исторических

⁷² Коэн. С. Переосмысливая советский опыт (Политика и история с 1917 г.). Vermont, 1986. С. 19.

⁷³ Косолапов Н.А. Мечты гуманитария, или Индикатор зрелости общества? (О социальном заказе на общественные науки) // Общественные науки и современность. 2004. № 5. С. 39.

⁷⁴ Алексеева Г.Д. История. Идеология. Политика. С. 139.

изысканиях через научное объяснение социальных процессов далекого и близкого прошлого России⁷⁵.

С возникновением поддерживаемого государством стратегически программного социального исследования появляются новые формы знания, которые больше не вписываются в традиционную триаду «фундаментальные исследования – прикладные исследования – коммерчески ориентированные разработки», а представляют собой изменение полученных в науке опытных знаний в знания, необходимые для принятия решений⁷⁶. Г.Д. Алексеева даже делает неоднозначный вывод о том, что историческая наука, как и все российское общество, были превращены в закрытую, замкнутую систему, постепенно терявшую свои потенциальные возможности для развития, для обновления и реформирования⁷⁷.

I.1.3. Социально-политические факторы развития советской археологии. В советское время взаимодействие археологической науки с трансформирующимися социальными и политическими институтами общества имело ряд характерных особенностей. Во-первых, специфика археологических исследований, в которых значительное место занимает источниковедческий материал, такова, что у ученых первое время существовала возможность ограничиться публикацией результатов раскопок отдельных памятников, избегая социологических и исторических интерпретаций. Именно это приводило ко второму обстоятельству, касающемуся вынужденной «миграции» историков в далекие от политики области науки – древнюю историю, археологию, этнографию – там они были освобождены от жесткого идеологического контроля. В частности, поэтому в

⁷⁵ Алексеева Г.Д. История. Идеология. Политика. С. 88.

⁷⁶ Бехманн Г., Горохов В.Г. Изменение роли науки в обществе: поиск новых идеалов в научной системе Германии // Вестник РАН. 2010. Т. 80. № 3. С. 260.

⁷⁷ Алексеева Г.Д. Предисловие // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 11.

1920-е продолжались традиции дореволюционной русской археологии, хотя наметились и новые направления в ее развитии⁷⁸.

Подобную форму пассивного сопротивления идеологическому диктату новые теоретики науки называли «болезнью вещеведения», а саму науку в терминологии тех лет именовали «третьестепенным, беспризорным участком научного фронта», где работали ученые из буржуазной или аристократической среды⁷⁹. При этом, по их мнению, отказ от объяснения и установления закономерности явлений на основе археологического материала «выгоднее и проще, т.е. социально безопаснее изучать самую вещь, а не общественные явления, отражаемые вещами», а само вещеведение – «уютнее и спокойнее, оно не грозит революцией и социальными бурями»⁸⁰. Советское прошлое преподносит немало примеров различных моделей поведения ученых-археологов, когда те были вынуждены оставить занятия наукой, замыкались в узком круге специальных тем, открыто шли вразрез общепринятой точке зрения и наоборот присоединялись к официальным погромам и травле ученых⁸¹. Развиваясь в тесной связи с исторической наукой, археология имела свою специфическую особенность. Она заключалась в некоторой опосредованности взаимоотношений с существующей властью, касающихся оценки и выполнения целевых установок самим научным сообществом. Не случайно в партийных СМИ тех лет выделяется мысль о закрытости сообщества археологов, о том, что вопросы критики они решали «по-семейному», не вынося их за пределы ученых советов, мало выступая в печати. Отмечалась кастовая замкнутость археологического сообщества и недостаточная работа по популяризации

⁷⁸ Формозов А.А. Археология и идеология (20–30-е годы) // Вопросы философии. 1993. № 2. С. 73; Оконникова Т.И. Указ. соч. С. 82–83.

⁷⁹ Быковский С.Н. О классовых корнях старой археологии // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. № 9–10. С. 4; Равдоникас В.И. О применении метода диалектического материализма к истории доклассового общества // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. № 9–10. С. 5.

⁸⁰ Быковский С.Н. О классовых корнях старой археологии. С. 5.

⁸¹ См. об этом: Формозов А.А. Человек и наука: из записей археолога. М.: Знак, 2005. С. 147–160; Его же. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // РА. 1998. № 3. С. 191–206.

таких знаний, которые бы «давали в руки историков, преподавателей и учащихся важные факты отечественной истории»⁸². Такая замкнутость, замалчивание своих ошибок, по мнению партийных функционеров, не позволяло оценить объем вреда, причиненного науке различными заблуждениями (наподобие школы М.Н. Покровского, теории Н.Я. Марра)⁸³. Свою роль в этом сыграло и отношение к археологии как к несамостоятельной, вспомогательной науке. А вот с точки зрения контроля за деятельностью ученых, идеологического и методологического единообразия науки взаимоотношения власти и археологов не отличались от общих тенденций.

Таким образом, конкретизируя исследуемые параметры взаимодействия археологической науки с другими институтами советского общества, необходимо в данной работе сосредоточить внимание на следующих социально-политических факторах, которые оказали большое влияние на развитие науки, деятельность представителей научного сообщества археологов и историков в 1917 – конце 1940-х гг.:

- 1) Государственная идеология и научная политика:
 - а) изменение проблематики и методологии исследований;
 - б) организационная перестройка археологических учреждений.
- 2) Взаимоотношения партийно-государственных органов власти с научными учреждениями и отдельными учеными, ведущими исследования по местной археологии и истории;
- 3) Подготовка кадров для археологической науки:
 - а) организация системы археологического образования.
- 4) Социальная политика в отношении научной интеллигенции:
 - а) социальные условия интеллектуального труда;

⁸² Задачи советских археологов в свете трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания и экономическим проблемам // СА. 1953. XVII. С. 11, 13.

⁸³ Максимов Л. О журнале «Вопросы истории» // Большевик. 1952. № 13. С. 60 –70; Задачи советских археологов в свете трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания и экономическим проблемам // СА. 1953. XVII. С. 9–22.

б) обеспечение научных работников и преподавателей вузов денежным довольствием, продуктами, товарами широкого потребления.

5) Общественный интерес к местной истории:

а) интерес к изучению истории местного края и рост краеведческого движения.

Говоря о взаимодействии науки и политики, важно сказать, что археология не может развиваться в «башне из слоновой кости», дистанцируясь от политической сферы общества. Привнесение политической проблематики в науку наиболее явно проявилось еще в конце XIX в. со становлением этнологической парадигмы, которая, по мнению Н.И. Платоновой, была неотделима от политизации археологии и привела к активному перерождению представлений самих ученых об археологическом материале как источнике по истории Отечества — в источники для обоснования государственных и политических притязаний государства⁸⁴. Об этом пишет и Г.С. Лебедев, утверждая, что реализация этнологической парадигмы в начале XX в. проходила в условиях жестокой классовой, политической, идейной борьбы⁸⁵. Археологическая наука, которая дает основной материал для освещения вопросов этногенеза, этнической истории и этнокультурных контактов различных народов, в значительной степени подвержена влиянию политических установок.

Советское государство с помощью ученых систематизировало и контролировало написание этнической истории не только русского, как доминирующего, народа, но и представителей других национальностей. Это касается и изучения истории татар. Проблема формулирования концепций исторического прошлого этого народа очень тесно переплеталась с распространением коммунистической идеологии, государственным

⁸⁴ Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 89–90.

⁸⁵ Лебедев Г.С. История отечественной археологии. С. 124.

контролем и планированием деятельности историко-научного сообщества Татарской АССР. Особенно яркий пример политизации науки, характерный для конца XX в., представляет собой этническая история народов бывших советских автономий. Нужды политики и этнического самосознания способствовали тому, что основными темами исследований стали поиск исторических корней, удревнение истории собственного народа, воспевание реальных и мифических героев⁸⁶.

I.2. Развитие казанской археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв.

В результате пробуждения познавательного интереса к древностям Казанской губернии в первой половине XIX в. как со стороны местного населения, так и центральных государственных и научных учреждений Российской империи закладываются предпосылки к формированию профессиональной археологии.

На протяжении XIX в. здесь действовали объединения ученых и исследователей, государственные учреждения, собиравшие сведения об археологических памятниках и принимавшие деятельное участие в практическом освоении отечественных древностей. Как и в целом по стране, здесь формируются первые контуры институциональной инфраструктуры археологической науки.

Первичным сбором и учетом археологических сведений на местах плодотворно занимались губернские статистические комитеты, возникшие во второй четверти XIX в. с целью сбора и обработки сведений статистико-

⁸⁶ См., напр.: Орлова И.Б. Этнизация исторического знания в постсоветских государствах // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 126–135; Хлынина Т.П. «Воображаемые миры» национального прошлого: стратегии освоения и конструирования исторической реальности // Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 2004. С. 180–193; Шнирельман В. Очарование седой древности: мифы о происхождении в современных школьных учебниках // Неприкосновенный запас. 2004. № 37. С. 79–87.

экономического и демографического характера. Благодаря взаимодействию министерства внутренних дел с Императорской археологической комиссией, созданной в 1859 г. как организационный и научный центр отечественной археологии, в 1861 г. были проведены преобразования в деятельности статистических комитетов. Основной их задачей стало изучение быта, производительных сил и местных потребностей губернии. Весь круг работ разделен на обязательные и необязательные. Они могли позволить себе, выражаясь словами историка, члена Московского археологического общества Н.П. Бочарова, такую роскошь как археологические исследования, издание научных трудов⁸⁷.

В циркуляре №63 министерства по Центральному статистическому комитету от 27 апреля 1863 г. «О доставлении сведений о памятниках, древностей российских, к отечественной истории и жизни народов относящихся» перечислены обстоятельства, затрудняющие археологические исследования – незначительный состав членов самой комиссии и равнодушие общества к памятникам древности. В официальном документе признавалось полезным участие губернских и областных статкомитетов в собирании сведений об отечественных древностях но «в такой мере, чтобы труды эти не отвлекали комитетов от главных служебных занятий»⁸⁸. Их возможности позволяли «на первое время... ограничиться собиранием необходимейших материалов для археологических карт, посредством нанесения на губернские и областные карты пунктов, замечательных в археологическом отношении», и, кроме того, документ предписывал предложить губернским статкомитетам «пригласить членов его, особенно имеющих постоянное пребывание в уездах, приводить в известность, по мере возможности, наличные в губернии

⁸⁷ Бочаров Н. Об участии Губернских статистических комитетов в разработке отечественной археологии // Труды I Археологического съезда. Т. I. М., 1871. С. 125.

⁸⁸ Циркуляр Министерства внутренних дел по Центральному статистическому комитету от 27 апреля 1863 г. «О доставлении сведений о памятниках, древностей российских, к отечественной истории и жизни народов относящихся» // Охрана культурного наследия России XVII — XX вв. Хрестоматия. Том 1. М., 2000. С. 201.

памятники древности, и сведения об этом доставлять чрез Комитет в императорскую Археологическую комиссию»⁸⁹.

Одним из первых научных обществ, занимавшихся археологическими изысканиями, было Общество естествоиспытателей при Казанском университете (КОЕ, 1869 г.). Отдельным направлением в его работе значились археологические исследования, которые осуществлялись в рамках секции антропологии и этнографии. Правда, они рассматривались как часть естественнонаучных изысканий с применением соответствующих методов в интерпретации материала и реконструкции образа жизни древних людей (использование географических, геологических данных, анализ остеологического, палеозоологического и палеоботанического материала). Работы членов Общества А.А. Штукенберга, Н.Ф. Высоцкого, П.И. Кротова стали фундаментом научной систематизации и классификации археологических памятников каменного, бронзового веков, эпохи средневековья⁹⁰.

Интересным направлением научного поиска со второй трети XIX в. была деятельность коллекционеров дворянского происхождения, создававших крупные археологические, этнографические и нумизматические собрания местного характера. Их коллекционирование носило исследовательский характер, многие из них были университетскими учеными, которые на протяжении второй половины XIX в. занимались публикацией найденных материалов. Среди них выделялись коллекции А.Ф. Лихачева, А.А. Штукенберга, В.И. Заусайлова, Н.Ф. Катанова, материалы частного археологического музея Н.Ф. Высоцкого. Многочисленные находки из коллекции А.Ф. Лихачева стали основой «лихачевского» отдела открытого в 1895 г. Казанского городского научно-промышленного музея. Он наряду с музеем ОАИЭ не только обладали

⁸⁹ Циркуляр Министерства внутренних дел.... С. 201.

⁹⁰ Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. С. 83.

ценным собранием естественноисторических, археологических, этнографических коллекций, но и вели активную научно-собираТЕЛЬскую деятельность, организуя экспедиции в уезды Казанской губернии.

Кроме того во второй половине XIX в. формируется ряд взаимосвязанных обстоятельств, которые дали мощный импульс развитию местной археологии. Во-первых, реформы 1860-х гг. привели к демократизации образования и науки, стимулировали общественный подъем, а также активизировали исследовательскую деятельность местных образованных кругов по изучению исторического прошлого народов края.

Во-вторых, немаловажное значение в археологических и краеведческих изысканиях представителей местной интеллигенции имели столичные ученые и научные организации. Ярким примером их мобилизующей роли является деятельность Московского Археологического общества (МАО), которое стало инициатором и организатором Всероссийских археологических съездов во многих городах и регионах страны. Как форма научной коммуникации, съезды не только способствовали продуктивному общению археологов, краеведов, коллекционеров между собой по различным теоретическим и методологическим вопросам науки, методике полевых исследований. Они предлагали еще и целую программу развития местной археологии: составление перспективных тем изучения древнего прошлого региона, систематизация найденного археологического материала, публикации работ по нему, выставочно-экспозиционная деятельность, составление археологических карт, характеристика археологических памятников⁹¹. Помимо прочего съезды выводили исследования местных ученых на более высокий научный уровень, приобщая их к новым идеям, традициям, методам научного поиска.

Проведение IV Археологического съезда в Казани в 1877 г. стимулировало интерес местных образованных кругов к археологическим

⁹¹ Лебедев Г.С. История отечественной археологии. С. 160; Оконникова Т.И. Указ. соч. С. 43–44.

изысканиям. Были подготовлены и опубликованы фундаментальные работы С.М. Шпилевского, Е.Т. Соловьева, И.А. Износкова, Н.И. Золотницкого и др., основанные на анализе большого массива разнообразных источников и представляющие собой пионерские исследования археологических, этнографических памятников Казани и Казанской губернии⁹². Как отмечал в 1882 г. екатеринбургский археолог М.В. Малахов, «казанский съезд достиг своей цели – общество заинтересовалось археологическими вопросами»⁹³. Определенный импульс получила экспедиционная деятельность (экспедиции 1879–1880 гг. под началом П.А. Пономарева, Н.П. Загоскина), публикация исторических источников, в 1882 г. впервые была организована выставка музейных коллекций, которая вызвала большой интерес у местной общественности⁹⁴.

Соответственно, организационная структура также претерпевала изменения. Проведение IV Археологического съезда стимулировало появление в 1878 г. при Казанском университете Общества археологии, истории и этнографии, объединившего значительные научные силы в деле изучения истории не только местных народов через «поиск и приведение в известность уже собранных археологических, исторических и этнографических сведений и материалов, хранящихся в местных собраниях и у частных лиц», проведение экспедиций, выставок, публикацию научных исследований⁹⁵. Научная деятельность членов ОАИЭ носила краеведческий характер, сочетая в себе полевые исследования с анализом найденных вещей и просветительскую работу с организацией археолого-этнографических выставок, образовательных экскурсий. Помимо этого отдельными

⁹² Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877; Соловьев Е.Т. Археологическая карта Казанской губернии. Казань, 1877; Заринский П.Г. Очерки древней Казани, преимущественно XVI в., с планом Казани. Казань, 1877; Износков И.А., Золотницкий Н.И. Опыт этнографической карты Казанской губернии. Казань, 1877. 239 с.

⁹³ Малахов М.В. К антропологии Вятского края // Известия Русского географического общества. СПб., 1882. Т. XVIII. Вып. 4. С. 200.

⁹⁴ Синицына К.Р. Полвека музеев Казани и Татарии. Очерки истории 1917 – 1967 годов. Казань, 2002. С. 32.

⁹⁵ Устав Общества // Известия ОАИЭ. Казань, 1878. Т. I. С. 7.

направлениями в рамках Общества была охрана археологических памятников и выпуск Известий ОАИЭ⁹⁶.

С 1880 г. при научном обществе действовал музей, который сосредоточил значительный археологический фонд, который пополнялся из года в год, особенно интенсивно с 1891 г., когда функции экспертизы археологических находок были переданы ОАИЭ. Однако существовавшие проблемы с учетом и систематизацией этих материалов, непрекращающиеся разговоры об объединении с городским музеем, неудовлетворительные условия хранения коллекций из-за отсутствия постоянного помещения, делали невозможным планомерную работу с археологическими коллекциями⁹⁷. Говоря о развитии музейного дела в дореволюционной Казани, в которой действовали музей ОАИЭ, городской музей и музей отечествоведения, современные исследователи выделяют отдельный период, ограниченный концом XIX в. – 1917 г.⁹⁸. В это время комплектование фондов, их изучение, экспонирование и публикация происходили в музеях на различном уровне.

Археологические исследования в начале XX в. развиваются в рамках ОАИЭ. С постепенным накоплением археологических описаний отдельных местностей становится актуальной идея составления более полной археологической карты губернии и проведения систематических исследований здесь. На это в конце XIX в. указывал еще П.А. Пономарев, считая, что целенаправленное изучение губернии является более значимым, чем научные исследования широкого характера за ее пределами. В 1907 г. член ОАИЭ профессор Н.Ф. Высоцкий предложил Совету Общества план актуальных проблем, призванных оживить жизнь организации. Он включал в себя следующие положения:

⁹⁶ Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. С. 88–89.

⁹⁷ Подробнее см.: И это всё пройдет... Судьба и время: русские интеллигенты в начале XX в. Переписка Нестора Мемноновича Петровского и Сергея Ивановича Порфирьева (1899–1921 гг.). Казань, 2012. С. 27–45; Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. С. 92–93.

⁹⁸ Сеницына К.Р. Полвека музеев... С. 34.

- 1) формулировка научных проблем, «решение которых наиболее желательно в настоящее время» с составлением программы их изучения;
- 2) составление археологической карты Казанской губернии;
- 3) охрана памятников древности края;
- 4) систематические раскопки (начиная с Болгара и Биляра);
- 5) издание научно-популярных брошюр по истории, археологии и этнографии местного края;
- 6) чтение публичных лекций и выставочная деятельность⁹⁹.

По итогам общего собрания ОАИЭ от 28 октября 1907 г. были учреждены две комиссии – организационная, призванная разработать меры по оживлению деятельности Общества, и комиссия для составления археологической и этнографической карт Казанской губернии во главе с геологом, профессором П.И. Кротовым. Именно он указал на неопределенность понятия «болгарская культура» и необходимость проведения подробных и систематических раскопок¹⁰⁰. В 1910 г. в министерство народного просвещения была подана заявка на бюджетное финансирование полевых исследований на Болгарском городище на сумму в 500 руб., и в 1912 г. она была удовлетворена на срок в 4 года¹⁰¹.

Примечательно, что в дореволюционное время казанская археологическая наука столкнулась с проблемой недостатка кадров для научных изысканий. В некоторые годы приходилось привлекать к полевым работам археологов со стороны, либо ученых смежных специальностей. В переписке двух членов ОАИЭ Н.М. Петровского и С.И. Порфирьева, опубликованной благодаря стараниям современного казанского исследователя К.А. Руденко, упоминается данный факт. В письме

⁹⁹ Протоколы Общества археологии, истории и этнографии с докладами об ученых трудах В.В. Латышева // Известия ОАИЭ. 1908. Т. 23. Вып. 6. С. 32–34.

¹⁰⁰ Сидорова И.Б. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете: основные этапы истории // Краеведческие среды. Вып. 4. Материалы заседаний, прошедших в Национальном музее РТ в 2003 г. Казань: РИЦ «Школа», 2004. С. 41.

¹⁰¹ Протоколы Общества археологии, истории и этнографии // Известия ОАИЭ. 1911. Т. 26. Вып. 6. С. 71.

С.И. Порфирьеву от 5 июля 1914 г. Н.М. Петровский сокрушался о том, «что же делать, если в университетском, с позволения сказать, городе не хватает ни одного опытного копателя, знакомого с Болгарами?»¹⁰². Поэтому приходилось прибегать к помощи нальчикского преподавателя С.И. Покровского, геолога П.И. Кротова, антрополога и этнографа М.М. Хомякова.

Археологические исследования проводились и на Билярском городище. Здесь ведущим исследователем был казанский археолог П.А. Пономарев (1847–1919), который начиная с 1879 г. регулярно проводил раскопки болгарских и золотоордынских городищ¹⁰³.

В середине 1910-х гг. начинается профессиональная деятельность молодых археологов М.Г. Худякова, В.Ф. Смолина. Уроженец Малмыжа, выходец из обеспеченной русской купеческой семьи М.Г. Худяков еще был студентом историко-филологического факультета Казанского университета (1913–1918), когда его стали привлекать к раскопкам Болгарского городища¹⁰⁴. Студент не только продемонстрировал хорошее знание методики раскопок, но и участвовал в написании отчета, опубликовал небольшую заметку о китайском фарфоре в Известиях ОАИЭ.

В.Ф. Смолин в 1909 г. поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, а через два года был направлен на продолжение учебы в Германию в Лейпцигский университет (до 1913 г.), а затем в Галльский. Однако начавшаяся Первая мировая война прервала его планы и вынудила вернуться в Казань, где ученый участвовал в археологических изысканиях ОАИЭ на Болгарском городище.

В целом период второй половины XIX – начала XX вв. в истории казанской археологии характеризуется противоречивыми тенденциями,

¹⁰² И это всё пройдет... Судьба и время... С. 219–220.

¹⁰³ См. об этом: Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. С. 37–38.

¹⁰⁴ Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. С. 20; Сидорова И.Б. Общество археологии, истории и этнографии... С. 42.

которые сказались на ее последующем развитии. Прежде всего следует отметить факторы, способствующие становлению и развитию дореволюционной местной археологии. Во-первых, открытие в 1804 г. Императорского Казанского университета, ставшего центром научной жизни края и средоточием востоковедческих исследований, привело к появлению целого пласта представителей местной интеллигенции, интересовавшихся археологическими памятниками и находками. Во-вторых, общественные реформы 1860-х гг. дали импульс развитию казанской археологии, активизировали научную деятельность образованных кругов губернии, способствовали становлению институциональной структуры местной науки (КОЕ, ОАИЭ, музеи). В-третьих, активное участие в формировании казанской археологии принимали центральные учреждения – государственные органы в виде статистических комитетов, министерств; общественные организации, представленные Археологической комиссией, МАО. В-четвертых, проведение в Казани в 1878 г. IV археологического съезда способствовало не только организационному оформлению местной науки, но и привлекло внимание столичных и местных археологов к разработке перспективных направлений исследования древней и средневековой истории края. В это время каналы научной коммуникации становятся разнообразнее, начинают выполнять функции консолидации ученых по единой проблематике, сохранения и передачи их научных идей¹⁰⁵. В-пятых, благодаря познавательной активности местных археологов были выделены приоритетные направления исследований: составление археологической карты губернии; изучение памятников «болгарской культуры»; городская археология Казани; популяризация идей об археологическом прошлом края через публикацию работ, публичные лекции, организацию выставок; охрана памятников истории и культуры.

¹⁰⁵ Ванюшева К.В. Коммуникативные практики в истории отечественной археологии (XVIII – конец 80-х гг. XX в.) // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 3. С. 94–95.

Однако при этом существовал ряд тенденций, которые тормозили развитие казанской археологии, и одновременно выступали в качестве ее характерных особенностей. Во-первых, это долгое отсутствие четкой программы археологического изучения края, и как следствие, бессистемность изысканий, которые определялись личными интересами отдельных ученых. Некоторое упорядочивание археологических исследований происходит лишь на последнем этапе развития дореволюционной казанской археологии, которые отдельные исследователи, используя различные критерии, ограничивают началом XX в. – 1917 г.¹⁰⁶. Во-вторых, отсутствие системы подготовки археологов (на историко-филологическом факультете отсутствовала кафедра археологии) сказывалось на преемственности в разработке научных проблем. Как следствие, замедляется изучение некоторых периодов истории края¹⁰⁷.

В частности, на этот счет археолог М.Г. Худяков писал в 1935 г.: «в период между революцией 1905 г. и Октябрьской революцией изучение неолитических древностей в Среднем Поволжье почти прекращается. Старое поколение археологов, работавшее в Казани в 80-х гг., сошло со сцены, не подготовивши смены: давно умер А.Ф. Лихачев, сошли в могилу А.А. Штукенберг, В.И. Заусайлов, П.И. Кротов. Те археологи, которые оставались в живых, сосредоточили свои научные интересы на других эпохах и на иных вопросах...»¹⁰⁸. Смена поколений казанских археологов и совпавшие с ней война и революции, не могли не сказаться на научных изысканиях, объем которых в предреволюционные годы резко сокращается.

¹⁰⁶ Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. С. 37–38; Сидорова И.Б. Общество археологии, истории и этнографии... С. 31–46.

¹⁰⁷ Оконникова Т.И. Указ. соч. С. 55.

¹⁰⁸ Худяков М.Г. Очерк истории первобытного общества на территории Марийской области (Введение в историю народа мари) // Известия ГАИМК. М. – Л., 1935. Вып. 141. С. 54.

I.3. Развитие казанской археологии в новых общественно-политических условиях 1920-х гг.

Переломные 1917 и 1918 гг. непосредственным образом отразились на судьбе казанской археологической науки, выдвинув на передний план социально-политические факторы ее развития. Изучение этой специфики невозможно без познания основных тенденций, характерных для отечественной исторической и археологической науки. Они касаются идеологических, институциональных, социальных моментов.

I.3.1. Институциональные изменения советской исторической и археологической науки. Октябрьская революция 1917 г. по своим последствиям имела огромное значение для отечественной науки. Она изменила не только политический режим, но и сложившуюся систему организации научных исследований, дала начало новому законодательству о науке, привела к изменению социально-правового статуса и положения ученого в обществе.

Социально-политические факторы развития казанской археологии в новых исторических условиях необходимо рассматривать в контексте институциональных изменений советской исторической и археологической науки первого послереволюционного десятилетия. Они происходили как на уровне государственной научной политики, так и на уровне развития структуры самих научных организаций. Любые институциональные изменения, определяющие развитие социальных институтов, по мнению Д. Норта, вообще являются ключом к пониманию исторических перемен¹⁰⁹.

Сам процесс институционализации науки вообще и археологической, в частности, в новых условиях существования советского государства можно рассматривать с трех сторон:

¹⁰⁹ Норт Д. Указ. соч. С. 17.

1) через создание различных организационных форм науки, ее внутренней дифференциации и специализации;

2) через формирование системы ценностей и норм, регулирующих деятельность ученых (этос науки), обеспечивающих их интеграцию и кооперацию в новых социально-политических условиях;

3) через интеграцию науки в политическую, социальную и культурную системы общества, которая при этом оставляет возможность относительной автономии науки по отношению к обществу и государству.

Устройство науки как института не могло не зависеть от остальных общественных институтов и общественно-политических отношений в целом, и поэтому те изменения, которые происходили на всем протяжении 1920-х гг. в исторической и археологической науке, были продиктованы сменой политической власти и трансформацией политической системы общества.

В 1920-е гг. отношения отечественной науки с властью претерпевали большие изменения: власть не могла обойтись без ученых, но и не довольствовалась прежними формами взаимодействия с ними. Политико-управленческий аппарат в лице большевиков стремился использовать науку для реорганизации экономики, создания мощного военно-промышленного потенциала, построения новых форм общественной жизни, легитимации политической власти, идеологического оправдания своей политики¹¹⁰.

Несомненно, фактор активного государственного вмешательства стал определяющим в существовании исторической науки XX в. В первые годы советской власти произошло существенное изменение в структурах и формах организации исторической науки. Однако вряд ли правильным будет сводить достижения исторической и археологической науки только к процессам институционализации. Важно учитывать, произошло изменение места и роли

¹¹⁰ Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии // Науковедение. 1999. № 1. С. 130.

науки как таковой в обществе, что превратило ее в инструмент социалистических преобразований, полностью зависящий от государства.

В истории советской исторической науки время на протяжении 1920-х и вплоть до середины 1930-х гг. традиционно рассматривается как первый период развития, организационного становления, создания специальных исторических учреждений, «консолидации новых кадров историков-марксистов», утверждения новой методологии. Сам процесс организации советской исторической науки охватывает промежуток 1917 – конец 1920-х гг., что совпадает с периодизацией развития науки рядом исследователей¹¹¹. Выделение этого периода в становлении советской археологии с описанием общенаучной ситуации в науке представлено в работах В.Ф. Генинга, А.Д. Пряхина, Г.С. Лебедева и других ученых¹¹² (Приложение 2. Таблица 1). Все представленные системы согласуются с периодизацией развития исторической науки и обусловлены конкретно-историческими условиями развития советского государства. Емкую характеристику развития советской науки 1920–1940-х гг. дал В.П. Филатов, выделив в нем три этапа. По его словам, на первом этапе, ученые, разделяя общие материальные тяготы гражданской войны и военного коммунизма, подвергались дополнительному давлению как представители буржуазного сословия. Второй этап развития науки в период НЭП назван относительно благополучным, сопровождавшимся идейным плюрализмом и активизацией научного творчества исследователей. Наконец, третий этап – время «великого

¹¹¹ Соловей В.Д. Историческая наука и политика в СССР. 20–30-е годы // Историческое значение НЭПа: Сборник трудов. М., 1990. С. 149–150; Шеуджен Э.А. Историография: История исторической науки. Курс лекций. Майкоп, 1999. С. 189; Гришанин П.И. Проблема структуризации советской исторической науки на примере изучения историографии гражданской войны и белого движения (1917–1922 гг.) // Aus Sibirien – 2008. Научно-инф. сборник. Тюмень, 2008. С. 52; Лахтин Г.А. Организация советской науки: история и современность. М.: Наука, 1990. С. 6.

¹¹² См., напр.: Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х гг.). Киев: Наукова Думка, 1982. 226 с.; Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 464 с.; Монгайт А.Л. Возникновение и первые шаги советской археологии // История СССР. 1963. № 4. С. 75–94; Пряхин А.Д. История советской археологии (1917 – середина 1930-х гг.). Воронеж, 1986. 284 с.; Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 316 с.

перелома», когда наука оказалась под жестким идеологическим прессом, который лишил ее автономного развития и систематически подавлял свободу научной деятельности¹¹³. В этих условиях неравной борьбы научного сообщества с властью за свободу научного творчества, отечественная наука сумела сохранить свои традиции и потенциал.

После 1917 г. начался процесс формирования новых структур и принципов управления наукой, включая и историю, в которой эти процессы протекали более интенсивно, чем в других отраслях знания¹¹⁴. К середине 1920-х гг. в составе высших органов ВКП(б) стали формироваться структуры, ориентированные на регулирование научной деятельности в стране, выстраивавшие взаимоотношения с вузовской и академической наукой, а также различными научными обществами. Институционализация самой отечественной науки по западным образцам (в частности, университетская модель по немецкому прототипу) была прервана. С этого момента развитие шло в двух направлениях. Во-первых, ликвидировались дореволюционные научные учреждения, сложившаяся система высшего образования, вытеснялись так называемые «буржуазные» ученые. Во-вторых, создавались новые академические центры, научно-исследовательские институты, которые открывали возможности для формирования научных коллективов и налаживания профессиональной, организованной и управляемой исследовательской деятельности. В советской историографии эти направления развития науки были сведены в три первоочередные задачи советского правительства:

- 1) определение наличной материальной базы научного строительства;
- 2) восстановление работы прежних научно-исследовательских учреждений;

¹¹³ Филатов В.П. Наука и научное сообщество в период «культурной революции» // Научный прогресс: когнитивные и социальные аспекты. М., 1993. С. 239–240.

¹¹⁴ См. об этом: Соловей В.Д. Историческая наука и политика... С.149–166.

3) создание сети новых научных институтов, которые отвечали бы требованиям народного хозяйства¹¹⁵.

В принципе, подобных направлений было больше – власть варьировала способы воздействия на науку, которые современный отечественный философ Э.И. Колчинский разделил на 6 видов:

- 1) избавление от неудобных по тем или иным соображениям ученых;
- 2) привлечение на свою сторону тех ученых, которые ей необходимы по политическим или сугубо практическим соображениям;
- 3) воспитание новых ученых, близких властям в социально-политическом плане;
- 4) сокращение или трансформация неудобных научных институтов;
- 5) создание новых институтов;
- 6) формирование «идеологически корректной науки», отличающейся от мировой¹¹⁶.

Организационная перестройка затронула те научные учреждения, которые, с точки зрения советской власти, «оказались непригодными для решения новых задач в силу ограниченности своей традиционной проблематики». Это были те научные центры, в проблематике которых темы обществоведения занимали очень небольшое место, «теряясь среди далеких от жизни исследований, посвященных античной или средневековой истории, классической и восточной филологии, византиноведению»¹¹⁷.

Советское государство через Наркомпрос и партийные органы старалось контролировать все стороны научной жизни¹¹⁸. Оно определяло и утверждало планы работ, финансирование, подбирало и назначало

¹¹⁵ Онос Ю. Из истории советской науки (1917–1920 гг.) // Исторический журнал. 1943. № 5–6. С. 23.

¹¹⁶ Колчинский Э.И. Наука и кризисы в XX веке: некоторые результаты сравнительного анализа // Политическая концептология. М., 2009. № 2. С. 38.

¹¹⁷ Бахракова М.С. Становление советской системы организации науки (1917–1922). М.: Наука, 1973. С. 147.

¹¹⁸ Декрет СНК «О Народном комиссариате по просвещению (Положение)» от 11 февраля 1921 г. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л.: Наука, 1968. С. 38–40.

руководящие кадры, принимало отчеты, устанавливало штатное расписание, оклады, систему оплаты труда, звания и степени. Особенно четко это проявилось в конце 1920-х гг. Таким образом, управление наукой в целом было частью общего государственного управления (Приложение 1. Схема 2–4).

Сформировавшиеся в начале 1920-х гг. партийные структуры стали заметно влиять на все стороны и аспекты развития исторической науки. В частности, всю свою деятельность в сфере реорганизации преподавания общественных наук Наркомпрос проводил в тесном взаимодействии с агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б). Это касалось также и изменения проблемно-тематической структуры исследований в соответствии с практикой социалистических преобразований.

Содействие Наркомпроса научным исследованием в рамках подконтрольных научных обществ было неотъемлемой частью плана развития экономики страны. Соответственно, власть стремится поставить под контроль разворачивающиеся движения по изучению истории, материальной культуры различных областей страны. Общее руководство и объединение «растущего и приобретающего все большее значение в деле изучения страны краеведческого движения», согласно вышедшему 25 января 1927 г. Постановлению Совета народных комиссаров РСФСР, было закреплено за Наркомпросом¹¹⁹. Основной механизм работы заключался в планировании научных исследований, их согласование с профильными наркоматами, создание «ассоциаций родственных по задачам и работам научных учреждений», постоянный контроль через совещания, конференции и съезды¹²⁰.

Отдельно ставился вопрос о партийной принадлежности ученых и преподавателей. Уже к концу 1920-х гг. среди научных работников социально-

¹¹⁹ НА РГ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 2. Л. 37.

¹²⁰ Там же. Л. 37об.

экономических специальностей было больше всего членов партии, что подтверждает чувствительность социогуманитарной науки к воздействию внешнего социального контекста (Приложение 2. Таблица 2). Ко второй пятилетке в плане по кадрам в качестве основной задачи ставилось увеличение количества членов партии среди научных работников до 75%, «особенно в тех отраслях знания, которые имеют актуальное значение». В центре и в регионах особо велся учет и контроль партийной принадлежности преподавателей социально-экономических дисциплин — как особо перспективных в трансляции новой методологии и государственной идеологии.

Особенности советской политической системы предопределили важное место партийных органов в структуре информационного взаимодействия с населением страны, в целом, и наукой, в частности. О положении дел в науке и научном сообществе информация поступала главным образом по трем каналам:

- 1) от партийных органов;
- 2) от государственных органов и научных организаций;
- 3) от частных лиц.

В качестве информаторов по «партийной линии» выступали секретари обкомов и горкомов, информаторы отделов ЦК на местах. Сбором такого рода информации в партии занимались, как правило, два отдела — пропаганды и агитации, а также организационно-инструкторский¹²¹. Важными источниками информации для обкомов партии были партийные ячейки в научно-исследовательских и образовательных учреждениях. В дальнейшем это сыграет свою роль в идеологическом и политическом контроле над наукой.

¹²¹ Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 1999. С. 9.

На новой организационной основе происходило разделение научно-исследовательской работы и преподавания. Некоторые исследователи усматривают его причины в необходимости контролировать процесс преподавания в высших учебных заведениях. Преподаватели участвовали в подготовке новых кадров, оказывали влияние на молодые поколения, и тем самым несли особую политическую функцию и ответственность¹²². Развитие высшей школы концентрировалось на образовательных функциях, хотя научно-исследовательская деятельность продолжала развиваться.

Особое внимание власти было уделено кадровому вопросу. Постепенно к концу 1920-х гг. главным критерием при отборе кандидатов на административно-научные, академические должности становилось отношение к власти. Особой заботой партаппарата в 1930-е гг. стало увеличение партийной прослойки в составе научных кадров. Основной задачей кадровой политики партии было недопущение инакомыслия как в области политики и идеологии, так и в научной деятельности.

В организационном становлении советской археологии происходили аналогичные изменения, что и в исторической науке в целом. В это время прослеживается тенденция к централизации археологических учреждений, что, с одной стороны, содействовало планированию и координации полевых исследований, а с другой, облегчало контроль государственных и партийных органов над научными коллективами¹²³. 1920–1930-е гг. выделены историками науки как период перестройки археологической науки, когда марксизм становится теоретическим фундаментом археологии. При этом внутри данного этапа можно выделить периоды появления и обострения противоречий между археологией и политической властью. В середине 1920-х гг. финансирование археологических работ, дополнявших собой комплексное экономическое обследование регионов (которое исходило из

¹²² Александров Д.А. Наука и кризисы... С. 306.

¹²³ Оконникова Т.И. Указ. соч. С. 80.

практической задачи изучения производительных сил СССР), стало формальным поводом вмешательства плановых органов в развитие археологической науки.

После гражданской войны в российских регионах довольно быстро оживилось краеведческое движение, в рамках которого возобновился интерес к археологическим памятникам и их исследованию. Во многих городах продолжали функционировать различные научные сообщества, комиссии, краеведческие музеи.

Функции центрального археологического учреждения Советской России выполняла Государственная Академия истории материальной культуры (ГАИМК), которую возглавил академик Н.Я. Марр. Идея соединения археологических исследований в едином центре была не нова и обсуждалась в научных кругах еще до революции¹²⁴. Объединение историков, археологов, этнографов, антропологов, лингвистов в рамках одной организационной структуры способствовало развитию археологической науки в русле исторического знания. В 1924 г. на базе Московского университета был создан научно-исследовательский Институт археологии и искусствознания, вошедший в состав Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Перестройка структуры археологической науки была инициирована отнюдь не «сверху», а подготовлена внутри научного сообщества. Развитие науки шло под влиянием внутринаучных факторов, внутренних потребностей самой науки. До середины 1920-х гг. Наркомпрос скорее санкционировал, нежели реально направлял процесс преобразования археологических научно-исследовательских и музейных структур. В росте исследовательского интереса к историческому прошлому и многообразии организационных форм научного познания и коммуникаций власти видели «невероятную хаотичность», «неорганизованность людей науки и самой науки». В одном из первых отчетов научного отдела Наркомпроса прямо говорилось о

¹²⁴ Платонова Н.И. Российская Академия истории материальной культуры. Этапы становления // СА. 1989. № 4. С. 7.

параллелизме работы, кружковщине, которые являются отличительными признаками почти во всех отраслях научного знания и научного труда¹²⁵. В дальнейшем научный отдел все большие усилия стал направлять на осуществление организационной функции. Однако разнообразие объектов управления в сочетании с нехваткой квалифицированных специалистов в управляющем органе предопределяли формальный характер руководства с преобладанием административно-хозяйственных функций¹²⁶.

Перестройка Наркомпроса 1921–1922 гг. несколько видоизменила структуру управления подведомственной сетью научных учреждений (Приложение 1. Схема 4). Теперь она включала в себя три элемента – Академцентр и подчиненные ему Государственный ученый совет и Главное управление научных и научно-художественных учреждений (Главнаука). Что касается функций новых структур, то Академцентр основной задачей имел общетеоретическое руководство культурным строительством и предопределял политику в сфере науки, Государственный ученый совет изучал необходимость создания новых институтов и направлений работ¹²⁷, а Главнаука осуществляла оперативное управление, финансирование и координацию работ, организационное построение учреждений науки¹²⁸.

Таким образом в советской России складывалась жесткая централизованная ведомственно-отраслевая система организации и управления наукой. Одновременно с этим существовало институциональное разнообразие науки, включавшей в себя три главных сектора – академический, отраслевой и вузовский. Причем, сформированные в дореволюционное время научные общества, несмотря на многочисленность, в конце 1920-х гг. постепенно теряют свое значение. Такое многообразие форм организации науки, по мнению Э.И. Колчинского, позволяло ученым

¹²⁵ Информация Комиссариата по просвещению СКСО о деятельности его Научного отдела // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л.: Наука, 1968. С. 28.

¹²⁶ Лахтин Г.А. Указ. соч. С. 20.

¹²⁷ Положение о Государственном ученом совете от 15 марта 1923 г. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л.: Наука, 1968. С. 41.

¹²⁸ Лахтин Г.А. Указ. соч. С. 22.

иметь множественные источники доходов и финансирования собственных проектов¹²⁹. Однако данное утверждение в большей степени справедливо для столичных городов. Провинциальные ученые еще долгое время испытывали материальные трудности не только в финансировании научных разработок, но и в оплате своего труда, что привело к повсеместному оттоку научных кадров из провинциальных учебных и научных заведений в сферы производства, обслуживания, административные органы¹³⁰. И только в Москве и Ленинграде состав ученых и преподавателей оставался относительно стабильным.

Помимо археологических учреждений в стране продолжали свою деятельность более десятка крупнейших столичных музеев, имевших археологические секции и отделы, а также свыше 200 провинциальных краеведческих музеев, деятельность которых после гражданской войны активизировалась. В это время со всей отчетливостью проявляется стремление к развитию археологии на местах. Археологические коллекции разнообразных эпох через музеи обретали общекультурный смысл. Именно здесь в 1920-е гг. наблюдался процесс концентрации и сохранения исторического знания на местном локальном уровне. Особенность состояла и в том, что для этого и предшествующего времени было характерно единство музейной и научной деятельности.

Принятая на Всероссийской музейной конференции в Петрограде в 1919 г. стратегия музейного строительства ставила своей целью создать единую сеть музеев Советской России, подчиненную государственному руководству и контролируруемую со стороны общественности, и при этом музеи должны были стать не только культурно-просветительскими, но и научными центрами. Отечественный этнограф Л.Я. Штернберг в 1925 г.

¹²⁹ Колчинский Э.И. Создание сети научно-исследовательских учреждений // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 478.

¹³⁰ Хабибрахманова О.А. Научная интеллигенция 20–30-х годов XX века: изменение состава, трансформация идентичности // Ученые записки Казанского государственного университета. 2010. Том 152. Кн. 3. Ч. 2. С. 125.

писал: «вместе с тем Музей выполняет функции самостоятельного исследовательского института. Задача его работников не только хранить и научно обрабатывать накопившиеся в Музее материалы, но экспедиционным путем собирать новые материалы путем стационарного всестороннего изучения необследованных народностей, как в пределах СССР, так и во всех частях света»¹³¹. Да и с точки зрения развития научных коммуникаций, музеи выступали инициаторами проведения археологических конференций и совещаний. В целом государственная политика 1920-х гг. в области музейного и краеведческого движения определялась рядом факторов:

- 1) тяжелой социально-экономической ситуацией в стране;
- 2) кризисом политической власти;
- 3) стремлением государственных органов управления сохранить идейно-политический контроль над общественными институтами;
- 4) потребностью восстановить экономический потенциал через инициирование гражданской активности¹³².

В подобных условиях государство предоставило общественности возможность создавать объединения научно-технического и культурно-просветительского характера, а также начало оказывать широкую поддержку краеведческому и музейному делу. Тем более что развитие массового краеведческого движения способствовало популяризации научных знаний, оно воспринималось как форма вовлечения в научно-исследовательскую работу широких кругов масс населения. Перед музеями и краеведческими обществами все более широко ставилась задача проведения культурно-просветительной и воспитательной работы¹³³. В какой-то мере, здесь нашел отражение революционный романтизм, вера в сознательность народа, его

¹³¹ Штернберг Л.Я. Этнографический музей Академии наук СССР // Огонек. Специальный номер. 1925. С. 15.

¹³² Смирнова М.А. Краеведческое движение на Европейском Севере России в 1921–1937 гг. Автореф. дисс... ученой степ. к.и.н. Архангельск, 2011. С. 15.

¹³³ Пряхин А.Д. Указ. соч. С. 30.

участие в решении научных комплексных задач изучения территории. Тем более в экстремальных условиях экономической разрухи, социального кризиса, отсутствия средств для развития науки власти были вынуждены искать внеэкономические способы включения творческих сил в реализацию хозяйственных нужд страны с минимальными материальными затратами¹³⁴. В частности, XIII Всероссийский съезд Советов весной 1927 г. обращал внимание центральных исполнительных комитетов автономных республик, краевых, областных и губернских исполкомов на необходимость «усилить содействие органам краеведения и шире использовать в деле строительства края их работу»¹³⁵. Государство придавало большое значение усилению «научно-исследовательской работы местных музеев, в частности национальных, с целью получить в них научную базу для политико-просветительной работы на местах». В качестве конкретных организационных мер предусматривалась:

а) организация новых и улучшение существующих научно-исследовательских институтов краеведения и объединение вокруг них научно-исследовательской работы в крае (области, губернии);

б) отправка центральных научных экспедиций для работы в направлении изучения производительных сил регионов, увязывая план их работы с местными, в том числе и археологическими, экспедициями¹³⁶.

Основными институтами, занимающимися краеведением, продолжали оставаться музеи, архивы, библиотеки, научно-просветительские общества. Во многих провинциальных городах к ним добавляются новые центры

¹³⁴ Рубан Н.И. Становление краеведения на Дальнем Востоке России [Электронный ресурс] // Сайт Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова. URL: <http://hkm.ru/wp-content/uploads/2011/04/ruban7.pdf> (дата обращения: 12.12.2011 г.).

¹³⁵ Из постановления XIII Всероссийского съезда Советов по докладу А. В. Луначарского «Состояние народного просвещения в РСФСР» об укреплении связи науки с производством и внесении в работу элементов плановости от 16 апреля 1927 г. // Организация советской науки в 1926–1932 гг. Сборник документов. Л.: Наука, 1974. С. 25.

¹³⁶ Из резолюции VI съезда заведующих отделами народного образования по докладу А. В. Луначарского «XV съезд Компартии и очередные задачи народного образования об улучшении организации научной работы» от 10 мая 1928 г. // Организация советской науки в 1926–1932 гг. Сборник документов. Л.: Наука, 1974. С. 137–138.

изучения местного края в виде различных бюро, домов, краеведческих комиссий. Их численность за первое послереволюционное десятилетие, названное в литературе «золотым десятилетием краеведения», увеличилось в 10 раз¹³⁷. В целях общего направления и координации действий различных региональных организаций в 1922 г. было создано Центральное Бюро Краеведения (ЦБК), которое действовало до 1925 г. при Российской академии наук, а после – перешло в ведение Главного управления наукой Наркомпроса¹³⁸. Этот академический центр обеспечивал методологическую и концептуальную основу советского краеведения, осуществлял руководство и координацию разветвленной системой местных организаций на краевом, губернском, волостном и уездном уровнях. Создавались многочисленные краеведческие музеи, издавались общероссийские журналы и газеты, посвященные истории того или иного региона, краеведы работали в местных советах консультантами по вопросам экономики, этнографии, археологии и географии, что было актуально в период становления дееспособных администраций на местах.

Таким образом, процессы профессионализации краеведческого движения, получившие развитие в начале XX в., были закреплены целенаправленной государственной культурной политикой, ориентированной на вовлечение максимально большего числа населения в краеведческую деятельность и придание ей характера массового общественного движения. И если в начале XX в. в стране преобладал общественный характер добровольных краеведческих обществ, то в 1920-е гг. создается централизованная система научных археологических учреждений, государственных и региональных музеев. Расширился социальный состав движения, специалисты получили возможность совершенствовать свои профессиональные навыки в рамках различных организационных структур.

¹³⁷ Краеведение за 10 лет Советской власти // Известия Центрального бюро краеведения. 1927. № 8. С. 266.

¹³⁸ Соболев В.С. Академия Наук и краеведческое движение // Вестник РАН. 2000. Т.70. № 6. С. 537.

При этом политические реалии вынуждали ученых, не смирившихся с существующей властью (историков, археологов, антиковедов), мигрировать в краеведение, чтобы сохраниться не только профессионально, но и физически. Тем более что активная научная и издательская деятельность ЦБК привлекала представителей академической науки возможностью публикации своих статей обобщающего и аналитического характера, информационного обмена на краеведческих конференциях различного масштаба. Это была для них неповторимая и спасительная «экологическая ниша»¹³⁹. В тоже время в качестве организаторов региональных музеев выступали представители «старой интеллигенции», которые не только осознавали необратимость утраты ценных памятников, целых пластов «уходящей» культуры, но и способствовали их сохранению. Во многом благодаря им характерной чертой музейного строительства в первое десятилетие явилось развитие сети музеев в национальных республиках СССР.

Задачи, которые стояли перед краеведческим движением в национальных республиках, были достаточно широкими. В сентябре 1928 г. на Первой татарской краеведческой конференции перед местными краеведами и научными обществами изучения края были поставлены задачи организации экспедиций, совместной научной работы с местными вузами и обществами, создании новых кадров профессиональных работников¹⁴⁰.

Однако уже в конце 1920-х гг. государственная культурная политика в отношении музейного дела и краеведения меняется. Наряду с организационными изменениями в ЦБК, сокращением государственного финансирования краеведческих обществ, активизировались попытки внести в краеведческое движение политику и идеологию, что прежде всего отвечало потребностям модернизации советской экономики первых двух пятилеток.

¹³⁹ Размустова Т.О. Музеи и эволюция российского краеведения // Экология культуры: инф. бюллетень. Архангельск., 2004. № 3. С. 47.

¹⁴⁰ Векслин Н.-Б. 3. Цели и задачи краеведческой работы в условиях Татарской республики // Спутник делегата конференции. Казань, 1928. С. 25.

Конец 1920-х гг. традиционно выступает временной границей, условно разделяющей два этапа в развитии советского краеведения.

Одновременно с развитием науки началось построение системы археологического образования. Подготовка кадров археологов осуществлялась в рамках созданных при университетах факультетов общественных наук. В регионах вузы стали центрами подготовки археологов, там складывались серьезные научные коллективы. Именно выпускники тех лет своей дальнейшей деятельностью определили структуру, проблематику, основные направления формирующейся советской археологической науки¹⁴¹. Однако по сравнению с другими науками (в частности, биологией, химией, медициной, философией), обновление кадров здесь происходило менее интенсивно.

В целом можно сказать, что в 1920-е гг. традиции дореволюционной русской археологии были продолжены, однако смена политической власти в России создала предпосылки для перехода к новому качественному этапу в развитии науки, который некоторые исследователи методологически соотносили с категориями «парадигма», «основания науки», «научные направления», «познавательная традиция»¹⁴². Причем следует отметить, отечественными исследователями уже неоднократно в конце XX в. предпринимались попытки увязать изменения социально-политической обстановки в стране с внутренней логикой развития археологии, рассуждая о «смене парадигм», трансформации научных концепций одна в другую, а иногда описывая историю науки как противостояние и взаимодополнение научных платформ¹⁴³.

¹⁴¹ Лебедев Г.С. История отечественной археологии. С. 425.

¹⁴² См., напр.: Генинг В.Ф. Проблемные ситуации и научные революции в археологии // Проблемная ситуация в современной археологии. Киев, 1988. С. 26–84; Оконникова Т.И. Указ. соч. С. 14; Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. С. 251.

¹⁴³ См., напр.: Клейн Л. С. Парадигмы и периоды в истории отечественной археологии // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 173–183; Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1991. 464 с.; Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб. : Нестор-История, 2010. 316 с.

В конце 1920-х гг. в ходе централизации управления, формирования плано-директивной экономики и укрепления режима личной власти И.В.Сталина, сопровождавшихся репрессиями, складывались новые установки в идеологической сфере науки, основанные на марксистской философии исторического материализма. Типы познавательной деятельности и формы познавательного общения внутри научного сообщества испытывали сильное воздействие внешесоциальных факторов (мировоззренческое знание, общественные потребности)¹⁴⁴. Неуклонно растет внимание к разработке методологических проблем науки, начавшийся, по мнению А.Д. Пряхина во второй половине 1920-х гг.¹⁴⁵ Поиски новых методов и призывы к социологическим исследованиям вкупе с расширяющимися масштабами археологических раскопок привели в конце 1920-х гг. к проблемной ситуации в рамках археологии. Ее начало было положено в середине 1920-х гг. аспирантами социологической секции при Институте археологии и искусствознания А.Я. Брюсовым, А.В. Арциховским, С.В. Киселевым и А.П. Смирновым, которые предприняли первые попытки социологических разработок на конкретном археологическом материале. Исследователи применили марксистские социологические построения для реконструкции экономики и социальной структуры древнего общества по археологическим источникам. В качестве способа достижения этой цели ими предлагался «метод восхождения», который понимался как восхождение «от орудий производства к производственным отношениям и от производственных отношений к гражданскому быту»¹⁴⁶. Именно эта группа в последующем стала инициатором методологических дискуссий 1930-х гг.

Таким образом, оценивая взаимодействие власти и науки 1920-х – начала 1930-х гг., стоит подчеркнуть его противоречивый характер. Создание

¹⁴⁴ Оконникова Т.И. Указ. соч. С. 19–20.

¹⁴⁵ Пряхин А.Д. Указ. соч. С. 8, 45–50.

¹⁴⁶ Арциховский А.В. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий // Труды Секции социологии РАНИОН. Вып. I. М., 1927 С. 123; Его же. Новые методы в археологии // Историк-марксист. Т. 14. М., 1929. С. 137; См. об этом: Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. С. 107.

новых научно-исследовательских учреждений, управленческих структур, оживление интереса к изучению прошлого обеспечивало успешное развитие науки. Однако огосударствление, идеологизация, жесткое планирование и бюрократизация управления сыграли негативную роль в этих процессах. Период, когда государство, стремившееся к контролю всей материальной и духовной деятельности, не вторгалось в «творческую мастерскую» науки был очень коротким¹⁴⁷.

Для исторической и археологической науки 1920-е гг. оказались важным периодом, в рамках которого, с одной стороны, научная жизнь протекала напряженно и плодотворно, а с другой стороны шло формирование социального заказа, который носил идеологический характер. Суть подобного заказа состояла в мобилизации идей, концепций и методологии общественных наук в целом на подтверждение того, что принятый порядок вещей не просто законен, справедлив и разумен, но и отвечает всем требованиям и положениям современной советской науки.

I.3.2. Создание системы советских археологических учреждений в Татарской АССР в 1920-е гг. Развитие археологических исследований в Среднем Поволжье в 1920-е гг. было связано с ростом археологического интереса со стороны местных научных и краеведческих обществ. Региональная археология к моменту событий 1917 г. развивалась в рамках различных структур – при вузах, музеях, в научных и краеведческих обществах. Причем государство на первых порах поддерживало эту увлеченность, способствуя в рамках политики коренизации подготовке национальных кадров для работы в управленческих, хозяйственных, просветительских структурах.

Насколько усилилась роль внешних факторов в развитии науки в целом, свидетельствует то, что региональные органы управления наукой

¹⁴⁷ Чеснова Л.В. Наука и власть в Советской России (1918 – начало 1930-х гг.) // Институт истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова РАН. Годичная научная конференция 1998 г. М., 1999. С. 281.

были составной частью строго централизованной и иерархичной системы управления и подчинялись директивным указаниям из центра. Местные органы власти занимались конкретными практическими проблемами научных учреждений, которые можно было решить на месте или во взаимодействии с центральными органами. Особенно важна была роль местных государственных органов на этапе организации новых научных учреждений.

Организирующим элементом в развитии научных исследований, в том числе в рамках исторической и археологической науки, был Наркомпрос ТАССР, при котором в 1920 г. возник научный отдел. Перед ним была поставлена сложная задача организации всей научной деятельности республики, включая изучение ее природно-географических, социально-экономических, этнографических и исторических особенностей. Научный отдел был разделен на подотделы:

- 1) физико-математических наук;
- 2) естественных наук;
- 3) социальных наук;
- 4) историко-филологических наук;
- 5) археологических и этнографических наук;
- 6) прикладных наук;
- 7) восточной культуры;
- 8) редакционный;
- 9) переводческий;
- 10) научных экспедиций и съездов¹⁴⁸.

Таким образом, деятельность Наркомпроса ТАССР организационно охватывала всю систему наук с выделением в качестве отдельного блока научных коммуникаций (конференции, публикации, переводы). В

¹⁴⁸ Фаттахова Г.А., Валеев Р.К. Академический центр Татарии: 1920-е годы. Казань: Татарское книжное издательство, 2002. С. 12.

дальнейшем научный отдел эволюционирует в сторону расширения собственных полномочий, кадрового состава и финансирования. Это привело к консолидации решаемых задач в новом органе Наркомпроса ТАССР – Академическом центре. По своей структуре и задачам он представлял собой региональный национальный научный центр Татарской АССР. Перед ним ставились общие задачи:

- 1) разработка общего плана народного просвещения по проектам;
- 2) разработка планов и программ деятельности научных учреждений и программ преподавания во всех учебных заведениях ТАССР;
- 3) непосредственное руководство учреждениями, ставящими научные, теоретические и художественно-академические задачи;
- 4) разработка планов и проектов по организации научных экспедиций, исследований и созыв научных конференций¹⁴⁹.

Реализация задач Академцентра проходила в тесном взаимодействии с партийной организацией Татарской АССР, в структуре которой существовал отдел школ и науки. Областная партийная организация принимала непосредственное участие в изменении направленности учебного процесса. Она утверждала преподавателей для чтения лекций по общественным наукам, участвовала в составлении идеологически-выдержанных программ и учебных планов, удерживала под постоянным контролем деятельность предметных комиссий, в которых была сконцентрирована основная программно-методическая работа. Они играли большую роль в жизни вузов того времени, осуществляя и кадровую работу в профессорско-преподавательской среде¹⁵⁰. В руководящие органы вузов вводились коммунисты, ректорами избирались известные ученые и общественные деятели. К середине 1920-х гг. был создан советский аппарат управления высшими учебными заведениями, и партийная организация Татарии

¹⁴⁹ Фаттахова Г.А., Валеев Р.К. Указ. соч. С. 15.

¹⁵⁰ Ульяновская В.А. Формирование научной интеллигенции в СССР (1917 – 1937 гг.). М.: Наука, 1966. С. 117.

получила реальную возможность осуществлять руководство всеми сторонами жизни высшей школы и научных учреждений¹⁵¹.

Развитие археологических исследований в Среднем Поволжье в 1920-е гг. было связано с ростом археологического интереса со стороны местных научных и краеведческих обществ. Все научные кадры историков и археологов были привлечены к краеведческой деятельности. Причем государство на первых порах поддерживало эту увлеченность, способствуя в рамках политики коренизации подготовке национальных кадров для работы в управленческих, хозяйственных, просветительских структурах.

Вплоть до 1931 г. в Казани продолжало работу Общество археологии, истории и этнографии, основанное еще в 1878 г. В период 1918–1920 гг., когда научная деятельность казанских вузов и научных обществ была приостановлена, именно ОАИЭ смогло поддержать научную мысль казанских исследователей, практически полностью обновив состав Совета взамен эмигрировавших ученых. Так или иначе, новые исторические условия знаменовали собой новый этап в истории ОАИЭ, хотя современные казанские исследователи расходятся в количестве этапов советской истории «ученого братства»¹⁵².

Важным направлением практической деятельности Общества стало сохранение историко-культурных и научных ценностей от угрозы расхищения и уничтожения. Кроме того, среди членов Общества в то время появилось понимание необходимости решения порожденных временем новых целей и задач. Одну из них ОАИЭ видело в активизации исследований истории культуры народов ТАССР. Изменилась и научная тематика – больше

¹⁵¹ Малышева О.Л. Борьба партийной организации Татарии за идеологическое завоевание высшей школы в период социалистического строительства (1917–1927 гг.). Автореф. дисс... уч. степ. к.и.н. Челябинск, 1985. С. 10.

¹⁵² И.Б. Сидорова выделяет отдельно 2 этапа: 1917 – октябрь 1924 г.; октябрь 1924 г. – начало 1931 г.: Сидорова И.Б. Общество археологии, истории и этнографии... С. 7; К.А. Руденко говорит об одном этапе – 1919 – 1931 гг.: Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. С. 101–105.

внимания ученые стали уделять вопросам социально-экономического развития ТАССР, истории народного и революционного движения¹⁵³.

За некоторым перерывом, вызванным событиями гражданской войны, возобновляются археологические изыскания в основном разведочного характера. В 1923 г. был разработан проект двухгодичных археологических курсов и экспедиции для изучения городищ Билярска, Суvara, составлен пятилетний план работ по археологии, истории и этнографии, который, к сожалению, не получил финансирования. Одновременно с этим В.Ф. Смолин, И.Н. Бороздин и В.В. Егеров предприняли археологическую поездку в Болгары, а затем В.Ф. Смолин самостоятельно исследовал Елабужское Чертово городище¹⁵⁴. Позже, во второй половине 1920-х гг. члены ОАИЭ по поручению Академического центра Наркомпроса ТАССР принимали участие в историко-этнографических исследованиях в кантонах Татарии, раскопках старой Казани, ремонте Болгарских памятников.

Члены Общества принимали участие в создании и деятельности других научных и образовательных учреждений, в частности, Северо-Восточного археологического и этнографического института, Академического центра Наркомпроса ТАССР и подотчетных ему научных обществ.

По словам А.В. Зайцева, члены ОАИЭ пытались сохранить основной принцип своей деятельности – независимость науки от политики. Их позицию можно рассматривать как проявление скрытого пассивного сопротивления официально-правительственной политике¹⁵⁵. Это сказалось на исследовательской активности, которая в начале 1920-х гг. снижается, что заметно по количеству публикаций в «Известиях ОАИЭ» (Приложение 2. Рисунок 1). В советской историографии в качестве причины указывалось на

¹⁵³ Фирсов Н.Н. Изучение Татарии в историческом, археологическом и этнографическом отношении // Новый Восток. М., 1928. Книга 20–21. С. 329; Зайцев А.В. Исторические учреждения Республики Татарстан в 20–30-е годы XX века. Казань, 1998. С. 75–76; Сидорова И.Б. Общество археологии, истории и этнографии... С. 60–62.

¹⁵⁴ Сидорова И.Б. Общество археологии, истории и этнографии... С. 55.

¹⁵⁵ Зайцев А.В. Исторические учреждения... С. 73.

«прямое непризнание некоторыми руководителями и членами общества новых задач, возникших перед научными историческими исследованиями после социалистической революции»¹⁵⁶.

Однако скрытое противостояние достигло кульминации в сентябре 1924 г., когда в отношении председателя К.В. Харламповича и других членов Общества (в том числе и В.Ф. Смолина) началось следствие по обвинению в контрреволюционной деятельности и привнесении в науку элементов рутины, отсталых идей. Среди допрашиваемых были М.Г. Худяков, Н.И. Воробьев, Н.Н. Фирсов¹⁵⁷. Следствие выдвигало конкретные обвинения:

- 1) использование «Известий ОАИЭ» «с явным внедрением в массы ненужных и вредных с пролетарской точки зрения идей христианства, отсталости, консерватизма»;
- 2) «использование легальных возможностей с целью воспрепятствования изъятию церковных ценностей под предлогом «охраны старины и искусства»¹⁵⁸.

К.В. Харламповича по итогам следствия приговорили к административной высылке за пределы ТАССР на три года, а других членов ОАИЭ оставили на свободе, хотя и дали им негативную характеристику. Например, в заключительном акте по данному следственному делу № 130 профессор В.Ф. Смолин был назван «кадествующим элементом, резко расходящимся с начинаниями соввласти». При этом данное дело было необходимо для Татотдела ОГПУ, как отмечали его сотрудники, в целях устрашения местного научного сообщества, так как «окажет известное моральное влияние на остающуюся в Татареспублике старую профессуру и, наконец, еще более выдвинет в глазах реакционной интеллигенции

¹⁵⁶ Ермолаев И.П., Шамов Г.Ф. Вопросы истории местного края периода феодализма в трудах ученых Татарии (20-е – начало 30-х годов XX в.) // Некоторые вопросы отечественной истории в трудах В.И. Ленина. Казань: Издательство КГУ, 1971. С. 139.

¹⁵⁷ Сидорова И.Б. Поступают «сведения о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете...» (ОАИЭ в первые годы Советской власти. 1917—1924 гг.) // Эхо веков. Гасырлар авазы. 2003. № 3/4 (32/33). С. 72.

¹⁵⁸ Цит. по: Сидорова И.Б. Поступают «сведения... С. 72.

авторитетность и безапелляционность органов ОГПУ, расправляющихся со своими врагами твердо и решительно»¹⁵⁹. По словам отечественного популяризатора науки М.А. Поповского в этом-то и состояла работа органов ОГПУ – «чтобы запугать, деморализовать, духовно раздавить всю массу научных работников... Средства для этого годились любые»¹⁶⁰.

Не последнюю роль в окончательном приговоре по делу казанских ученых сыграли признательные показания М.Г. Худякова, который охарактеризовал ОАИЭ как миссионерскую организацию «и, по существу, это Общество в лице Совета должно было бы именоваться Обществом не при Казанском университете, а при Духовной академии»¹⁶¹. «Чистосердечное признание» М.Г. Худяков повторил и в решающий момент своей жизни – в сентябре 1936 г., когда его и других археологов ГАИМК С.Н. Быковского, Ф.В. Кипарисова, В.С. Адрианова арестовали за «активное участие в контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации» и подготовку «террористических актов над т. Кировым в 1932–34 гг. и тов. Ждановым в 1935–36 гг.»¹⁶². И 19 декабря 1936 г. все обвиняемые были расстреляны.

Процессы над «контрреволюционной интеллигенцией» проходили по всей стране, преследованию подвергались люди, далекие от политики, но охарактеризованные советской печатью как «политиканствующие профессора, которые гораздо больше известны своей принадлежностью к кадетской партии, чем своими научными заслугами» (вспомним характеристику В.Ф. Смолина)¹⁶³.

¹⁵⁹ Цит. по: Сидорова И.Б. Поступают «сведения... С. 81.

¹⁶⁰ Поповский М.А. Управляемая наука. Лондон: ОРІ, 1978. С. 25.

¹⁶¹ Цит. по: Сидорова И.Б. Поступают «сведения... С. 77.

¹⁶² Султанбеков Б.Ф. Расстрелян как террорист (по страницам следственного дела историка Михаила Худякова) // Эхо веков. Гасырлар авазы. 2002. № 1/2. С. 121; Артизов А.Н. Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // ВИ. 1994. С. 37; Руденко К.А. В плену времени [Электронный ресурс] // Тартария.Ру – родовые поместья. URL: <http://www.tartaria.ru/Archive/kalendar/kalendar09.aspx> (дата обращения 18.11.2011).

¹⁶³ Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура: «под колпаком» у власти // ВИЕТ. 1994. № 2. С. 72.

В том же 1924 г. новым председателем был избран Н.Н. Фирсов, к которому отношение профессуры было настороженным, несмотря на его научные заслуги. В свое время профессора не выбрали в члены Совета, «исключительно потому, что он работал в интересах Советской власти», предложив нетрадиционные для Общества темы¹⁶⁴.

Кадровые новшества сопровождались изменениями в научной проблематике, которая все больше тяготела к познанию современных эпох. С ростом краеведческого движения меняется и структура Общества, в котором возникает секция археологии и искусства под руководством В.Ф. Смолина, секция этнографии во главе с Н.И. Воробьевым, а также секция истории и экономики под началом Е.И. Чернышева. Ближе к концу 1920-х гг. стала заметна тенденция к росту числа членов партии среди научных работников Общества. В частности, из 11 членов Совета организации 5 были членами ВКП(б).

В конце 1920-х гг. председатель ОАИЭ профессор Н.Н. Фирсов также подвергся нападкам и обвинениям в мелкобуржуазных взглядах. Последние дни ОАИЭ совпали с разгромом краеведческого движения и репрессиями в отношении историков. Совету Общества были предъявлены обвинения в мелкобуржуазности и татарском национализме.

В целом стоит отметить, что к середине 1920-х гг. в Татарской АССР не удалось создать систему комплексного изучения археологических древностей. Об этом свидетельствуют итоги археологического изучения края первой четверти XX в., подведенные В.Ф. Смолиным в 1926 г., который писал, что «изучение археологических сокровищ Казанского края шло, главным образом, по линии собирания случайных находок... а предметы,

¹⁶⁴ Корбут М.К. Казанский Государственный Университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Том 2. 1804/05–1929/30 гг. Казань: Изд-во Казанского университета, 1930. С. 317.

добытые путем археологических раскопок... недостаточно документированы. Это касается равным образом всех культур»¹⁶⁵.

Особую роль в развитии археологической науки Татарской АССР играл созданный в 1921 г. Академический центр, на который возлагались частные задачи «развития, координирования и руководства всей научно-исследовательской, краеведческой, художественной, музейной, архивной деятельностью, управление научными учреждениями Наркомпроса ТССР»¹⁶⁶. Руководство Академцентра изначально сделало упор на развитие гуманитарного направления.

С самого начала своей деятельности Академцентр проводил интенсивную научно-краеведческую, научно-методическую работу по исследованию проблем истории и культуры татарского народа¹⁶⁷. Его становление проходило в обстановке активизации деятельности различных научных обществ, привлечения новых научных сил для изучения национальной истории и культуры. При Академцентре действовали Научное общество татароведения, Татарское бюро краеведения, Дом татарской культуры, Татарский научно-исследовательский экономический институт. Для координации работы этих организаций в рамках структуры Академцентра существовало Бюро краеведения, которое направляло и учитывало всю краеведческую работу в регионе, организовывало краеведческие конференции, оказывало помощь в организации экспедиций¹⁶⁸. Вся деятельность Бюро краеведения была увязана с местными научными обществами, вузами, государственными учреждениями, а также с ЦБК при АН СССР.

¹⁶⁵ Смолин В.Ф. Археологические заметки // Вестник Научного общества татароведения. 1926. № 4 – 5. С. 75.

¹⁶⁶ НА РТ. Ф. Р-3682. Оп. 2. Д. 1512. Л.1.

¹⁶⁷ Амирханов Р.У., Гарипова З.Г. Некоторые проблемы становления гуманитарных наук в Татарии в 20–30-е годы и развитие национальной культуры // Великий Октябрь и некоторые вопросы формирования татарской социалистической нации. Казань, 1989. С. 84.

¹⁶⁸ Латыпова Г.М. Народный комиссариат просвещения ТАССР в 1920-е гг.: организация, структура, деятельность. Автореф. дисс.... к.и.н. Казань, 2011. С. 24.

К началу 1926 г. в республике было создано более 20 краеведческих организаций. Они объединяли видных ученых, писателей, деятелей культуры – цвета национальной интеллигенции (в 1927–1928 гг. актив Академцентра составлял 126 человек, из них татар 64 человека)¹⁶⁹. Именно на краеведческой основе в крае развиваются археологические исследования, а в некоторых городах Среднего Поволжья даже появляются центры развития археологии (Самара, Саратов)¹⁷⁰.

Научное общество татароведения (НОТ) было организовано 23 мая 1923 г., во главе него стоял известный историк Н.Н. Фирсов. В состав правления входили этнограф Н.И. Воробьев, археолог В.Ф. Смолин. Оно занималось исследованием местного края, и целью общества было заявлено «объединение лиц, работающих в области всестороннего научного изучения татар и татарской культуры, а также научная разработка относящихся к этой области вопросов, распространение соответствующих сведений и пробуждение интересов к задачам общества в общественной среде»¹⁷¹. Н.Н. Фирсов подчеркивал, что задачи общества широкие, хотя и краеведческие: «в нашем крае, в Татарии оно изучает преимущественно и даже почти исключительно татар, но изучает как в социально-экономическом, так и в этнографическом и в историко-лингвистическом отношениях»¹⁷². Общество планировало проведение археологических раскопок и разведок, составление археологической карты и приобретение археологических коллекций, обращая внимание на изучение «далекого исторического прошлого, поскольку это будет возможно и необходимо для выявления исторического прошлого татарского народа»¹⁷³. Уже в 1923 г. в недрах общества возник первый план историко-краеведческих исследований,

¹⁶⁹ Фаттахова Г.А., Валеев Р.К. Указ. соч. С. 27.

¹⁷⁰ Пряхин А.Д. Указ. соч. С. 37–38.

¹⁷¹ Устав НОТ // Вестник Научного общества татароведения. 1925. № 1–2. С. 70.

¹⁷² Цит. по: Абдрашитова И.М. Из истории Научного общества татароведения (1923–1929 гг.) // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Вып. 150, сб. 7. Казань, 1975. С. 103.

¹⁷³ Цит. по: Абдрашитова И.М. Научные общества по изучению истории Татарстана (1923–1930 гг.) // Вестник ТГГПУ. 2006. № 5. С. 40.

в котором после некоторых дополнений было намечено проведение археографических, этнографических экспедиций в кантоны ТАССР, археологических раскопок в Казанском кремле и разведок для выявления древних и средневековых памятников истории и культуры края¹⁷⁴. В последующем эти поездки станут регулярными и войдут в ежегодную программу работ НОТ. На 1928–1929 гг. было запланировано производство раскопок и разведки в Болгарах, Биляре, Иски-Казани, Казанском Кремле, а также составление археологической карты республики¹⁷⁵.

Основательность в организации исследований, широта поставленных задач и многочисленные публикации в собственном печатном органе – «Вестнике научного общества татароведения» обратили внимание столичного научного сообщества, представители которого признавали большой вклад в комплексное историко-краеведческое изучение духовной и материальной культуры татар¹⁷⁶. Большинство публикаций было посвящено истории и археологии (Приложение 2. Таблица 3). При этом сам Н.Н. Фирсов в 1928 г. отмечал, что «такого количества выпусков Общество не могло бы издать, если бы этому не оказывал энергичного содействия бывший председатель Академического Центра Галимджан Ибрагимов», который возглавлял учреждение с 1925 по 1927 гг. вплоть до увольнения за «активную националистическую деятельность», а также являлся заместителем председателя НОТ. Казанский археолог упомянул помощь общественного деятеля в издании многих археологических и этнографических исследований – путеводителя В.Ф. Смолина «По развалинам древнего Булгара» (1926), очерка истории местного края Н.Н. Фирсова «Прошлое Татарии» (1926),

¹⁷⁴ Производственный план Общества Татароведения за 1925 год // Вестник научного общества татароведения. 1925. № 1–2. С. 59–60.

¹⁷⁵ НА РТ. Ф. Р-439. Оп. 1. Д. 33. Л. 14.

¹⁷⁶ Зайцев А.В. Исторические учреждения... С. 98.

путеводителя по этнографическому отделу Центрального музея ТАССР Н.И. Воробьева «Казанские татары»¹⁷⁷.

Деятельность НОТ во многом пересекалась с кругом научных интересов членов Общества изучения Татарстана (ОИТ), которое обещало стать флагманом краеведческого движения. Оно было образовано на базе Бюро краеведения при Академцентре постановлением Совнаркома ТАССР от 10 июля 1928 г. Чуть позже, в ноябре 1929 г. на отчетном собрании Общества татароведения «в виду параллелизма в работе по изучению татар» единогласно было решено войти в состав Общества изучения Татарстана¹⁷⁸.

Среди учредителей Общества – весь цвет тогдашней казанской интеллигенции – историки, этнографы, журналисты, издатели, педагоги, инженеры. Интересно, что в качестве учредителя ОИТ был рекомендован археолог В.Ф. Смолин, однако в окончательный список он не вошел, зато позже изъявил желание участвовать в ОИТ Н.Ф. Калинин¹⁷⁹.

Перед ОИТ ставились задачи комплексного изучения края, в том числе населения, культуры и быта. Это направление работы тесным образом увязывалось с основными хозяйственными задачами республики¹⁸⁰. Появление ОИТ было результатом обозначенных выше тенденций переориентации историко-краеведческой работы в соответствии с политико-идеологическими задачами конца 1920-х – начала 1930-х гг. – в направлении максимальной связи с производством, демонстрации социалистического строительства, агитации за ударные темпы работы и т.д. Для этого уже в 1928 г. были установлены рабочие связи с низовыми краеведческими организациями республики, с Центральным бюро краеведения и его секцией национальностей, с Ассоциацией востоковедения, Чувашским обществом

¹⁷⁷ Фирсов Н.Н. Изучение Татарии в историческом, археологическом и этнографическом отношении // Новый Восток. М., 1928. Книга 20–21. С. 328; Губайдуллин Г.С. Что сделано в области социальных наук в Татарской республике в течение пяти лет // За 5 лет: к V годовщине провозглашения Татарской социалистической советской республики. Казань, 1925. С. 170.

¹⁷⁸ Обзор деятельности научного Общества Татароведения (1923–1929 гг.) // Вестник Научного Общества Татароведения. № 9/10. Казань: Изд-во Дома татарской культуры, 1930. С. 213.

¹⁷⁹ НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 16. Л. 2об, 3, 6.

¹⁸⁰ НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 43. Л. 75.

изучения местного края, редакциями газет и журналов, ДТК, республиканскими и местными музеями, с Восточным педагогическим институтом и др. В уставе ОИТ были обозначены цели научного общества:

«а) всяческое содействие социалистическому строительству путем выявления и научной обработки материалов, которые относятся к производительным силам, природе, населению, быту, истории, культуре и экономике Татарстана;

б) ведение научно-исследовательской работы в области изучения своего края»¹⁸¹. Таким образом, задачи, стоящие перед ОИТ выходили далеко за рамки деятельности научного общества. В подтверждение этому ученый секретарь ОИТ Р.Ш. Тагиров в одном из своих докладов в 1930 г. отметил, что результатом работы Общества не должно являться только составление научных трудов, но «также надо принести какую-то пользу там, на месте», отряды экспедиций в районы республики «должны, собирая материалы, давать их для облегчения работы по составлению пятилетнего плана нашего Союза, они должны быть проводниками новых установок строительства новой жизни»¹⁸². Помимо научно-исследовательской работы Общество планировало заниматься широкой просветительской деятельностью, охраной памятников, составлением экспозиций, вести подготовку работников краеведения. Детище татарского Совнаркома, ОИТ пользовалось большой поддержкой и высокой оценкой своей деятельности среди правительственных органов республики¹⁸³.

Организационная структура ОИТ окончательно была разработана к 1930 г., когда прошла IV Всероссийская краеведческая конференция. Планировалось, что в каждом районе ТАССР будут развернуты

¹⁸¹ НА РТ. Ф.447. Оп.1. Д.18. Л.111.

¹⁸² НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 40. Л. 107об, 108, 109.

¹⁸³ Зулкарнеев К.Д. Первая Всетатарская краеведческая конференция и ее роль в учреждении «Общества изучения Татарстана» // Вестник ТГГПУ. 2010. № 4(22). С. 119.

краеведческие центры, осуществляющие координацию краеведческой работы на низовом уровне:

- «1) в районах существуют районные отделения ОИТа;
- 2) в колхозах, совхозах и деревнях, на фабриках и заводах создаются ячейки ОИТа;
- 3) кружки юных натуралистов, школьно-краеведческие кружки, оставаясь формально вне сети ОИТа, имеют, однако, тесную связь с местными ячейками, получают от них практическую помощь, ячейки осуществляют общее руководство над работой кружков»¹⁸⁴.

Особенностью казанской археологии, да и всей провинциальной археологической науки, оставалось серьезная ее поддержка на любительском уровне. В фондах ОИТ сохранились карточки по учету исследований ученых Татарской АССР, среди которых выделяются данные по местным краоведам-любителям, которые своими силами изучали местные древности. Например, инспектор Мензелинского КаНО И.М. Степанов интересовался достаточно широким кругом вопросов – от изучения месторождений медной руды до обследования памятников булгарского времени и сбора окаменелостей. В 1924 г. он проводил разведки археологических объектов в своем районе, вел записи, собирал поверхностный материал¹⁸⁵.

Структура Общества изучения Татарстана состояла из следующих отраслевых секций: промышленно-экономической, сельского хозяйства, лесного хозяйства, культуры и быта, живой природы, атмосферы, почв, недр и воды, медицинской, транспортной, связи и строительства, фотосекции¹⁸⁶. Помимо секций существовали три бюро: школьного краеведения, студенческое, библиографическое (Приложение 1. Схема 6). В частности, работа секции культуры и быта была направлена на «планомерные исследования в культурно-бытовом отношении, археологические,

¹⁸⁴ Арбатов С. Общество изучения Татарстана на новых путях. Казань, 1930. С. 6.

¹⁸⁵ НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 49. Л. 57–57об.

¹⁸⁶ НА РТ. Ф.447. Оп.1. Д. 20. Л.2–4.

исторические, лингвистические, на изучение фольклора, искусства, всех вопросов этнографии»¹⁸⁷.

В рамках секции культуры и быта Общества изучения Татарстана ученые осуществляли поиск и изучение болгарских и более поздних памятников. В марте 1928 г. в рамках Академцентра Наркомпроса ТАССР было проведено заседание, где в присутствии В.Ф. Смолина, А.С. Башкирова, В.В. Егерев, Н.Ф. Калинина было решено провести археологические изыскания:

- начать систематические изыскания путем раскопок на городище Биляр;
- обследовать археологические пункты на территории Чистопольского и Спасского кантонов ТАССР.
- провести рекогносцировочные изыскания с зондажными работами в Казанском Кремле¹⁸⁸.

В 1928—1929 гг. объединенная экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры, организованная центральными и местными научными силами (в частности, Институтом народов Востока РАНИОН, секцией культуры и быта ОИТ и Отделом по делам музеев, охраны памятников старины и природы при Академцентре Наркомпроса ТАССР), под руководством А.С. Башкирова и И.Н. Бороздина провела обследования Биляра, Иски-Казани, а также Казанского кремля¹⁸⁹.

Казанский археолог А.С. Башкиров в своем отчете отмечал тесное взаимодействие не только научных сил, но и исполнительных органов власти. В частности, в состав Комитета, объединяющего представителей различных учреждений и представляющий из себя руководящий орган экспедиции, входили М.Х. Тагиров от Академцентра, В.В. Егеров от музейного отдела,

¹⁸⁷ НА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 20. Л. 4.

¹⁸⁸ НА РТ. Ф. 439. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.

¹⁸⁹ НА РТ. Ф. 447. Оп. 1. Д. 43. Л. 45, 77–80; Башкиров А.С. Экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры летом 1928 г. // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР. Т. III. Казань, 1929. С. 27–36.

Н.Ф. Калинин от Центрального музея Татарской АССР, А. Рахим из НОТ, П.М. Дульский из ОАИЭ и др.¹⁹⁰. Также А.С. Башкиров свидетельствует: «Никогда еще не было такого случая в Казани, где бы археологические изыскания вылились в такой масштаб... и Казань не видела таких больших исследований и все работники Казани принимали деятельное участие»¹⁹¹.

В 1928—1931 гг. в прикамских районах республики работает комплексная антропологическая экспедиция Московского университета, организованная Музеем антропологии и этнографии АН СССР под руководством Б.С. Жукова и А.В. Збруевой. Ее основной задачей являлось выяснение культурно-хозяйственного облика населения Средней Камы эпохи бронзового и железного веков¹⁹². В работах этих экспедиций принял участие Н.Ф. Калинин, с именем которого связано образование казанской археологической школы и который возглавлял в структуре ОИТ школьно-краеведческое бюро. В рамках этих экспедиций в научную работу вовлекались молодые кадры. Большое значение Общество придавало вовлечению учащейся молодежи в краеведческую работу – организовывались школьно-краеведческие музеи, кружки, конференции по школьному краеведению¹⁹³.

Прикладные задачи изучения производительных сил страны вынудили ОИТ развернуть большую работу по экспедиционному обследованию Татарской АССР. Обществом была намечена экспедиционная пятилетка, включавшая комплексное изучение кантонов региона:

1929 г. – Мензелинский кантон;

1930 г. – Бугульминский и Челнинский кантоны;

1931 г. – Чистопольский кантон;

1932 г. – территория между Волгой, Камой и Вяткой;

¹⁹⁰ Башкиров А.С. Экспедиция по изучению... С. 27, 36.

¹⁹¹ НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 40. Л. 29об.

¹⁹² НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 46. Л. 48.

¹⁹³ Абдрашитова И.М. Из истории создания... С. 68–69.

1933 г. – правый берег Волги¹⁹⁴.

Планы археологических исследований древностей края во второй пол. 1920-х гг. тесным образом увязывались с хозяйственно-экономическим изучением Татарской АССР. В одном из своих докладов в 1929 г. ученый секретарь ОИТ Р.Ш. Тагиров обосновывает выбор Мензелинского кантона в качестве первого района республики для проведения комплексной экспедиции. В нем уже до этого проводилось «изучение по линии Госплана, по линии изучения почв, по линии сельского хозяйства, по линии Наркомзема и этим кантоном интересовались хозяйственные органы»¹⁹⁵. Данный факт, засвидетельствованный в источниках, ярко отражает тенденцию второй половины 1920-х гг., характерную практически для всего СССР – зависимость развития научной и культурной сферы от потребностей социально-экономической системы.

Однако уже с 1929 г. археологи не входили в состав экспедиций секции культуры и быта ОИТ (затем ТНИЭИ), организуя собственные археологические работы. Экспедиции секции культуры и быта возглавлял этнограф Н.И. Воробьев, в них принимали участие историки Р.Ш. Тагиров, С.Г. Вахидов и др. Соответственно, основными темами для изучения становились этнографические особенности населения района, народные восстания царского времени, революции 1905, 1917 гг., гражданская война, что заметно по отчетам тех лет¹⁹⁶.

Среди недостатков комплексных обследований и экспедиций в районы республики уже сразу проявилась разобщенность отрядов и подотрядов экспедиций, их слабая практическая и теоретическая подготовка, дублирование работы на местах.

Но в целом экспедиционная деятельность в конце 1920-х гг. в ТАССР активно развивалась, только в 1928 г. в регионе было проведено 34

¹⁹⁴ НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 40. Л. 106.

¹⁹⁵ Там же. Л. 106.

¹⁹⁶ НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 42. Л. 12–18об.

различных экспедиций: 6 из них силами центральных учреждений, еще 28 экспедиций организовали местные ученые. Справедливости надо сказать, историческое и археологическое направления деятельности ОИТ не были на первых ролях. В конце 1920-х гг. в деятельность краеведческих обществ активнее стали внедряться идеологические установки на решение утилитарных задач. В частности, в 1929 г. Совнарком ТАССР выделил ОИТ для научно-исследовательской работы 40 тыс. рублей, причем половина из них должна была быть израсходована на изучение сельского хозяйства региона¹⁹⁷.

Одной из тенденций этого времени было возрастание объемов археологических работ, проводимых столичными учреждениями. Это выступало мобилизующим фактором, который способствовал развитию археологии в союзных республиках. Распространенной практикой были совместные научные экспедиции, в составе которых объединялись усилия специалистов центра и местных научных кругов. Казанские археологи в 1928 г. при непосредственной помощи Научной ассоциации востоковедения ЦИК АН СССР провели объединенную экспедицию в Чистопольском кантоне, в Биляре и на территории Иске-Казани. Возглавили ее известные востоковеды профессора А.С. Башкиров и И.Н. Бороздин¹⁹⁸. Результаты экспедиции были раскрыты в докладе, сделанном в Доме татарской культуры, а также освещены в местной печати.

И если Научное общество татароведения, будучи одним из самых активных центров исследовательской деятельности в области истории ТАССР в 1920-е гг., организовало комплексное историко-краеведческое изучение края, способствовало развитию музейного дела и теории краеведения, то к заслугам Общества изучения Татарстана относится расширение тематики исследовательской работы, попытки комплексной

¹⁹⁷ Тагиров Р.И. Из жизни Общества изучения Татарстана // Труд и хозяйство. Казань, 1929. № 1–2. С. 152.

¹⁹⁸ НА РТ. Ф Р-439. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.

организации археологических и этнографических экспедиций в районы ТАССР.

Ориентация на решение практических задач социалистического строительства в масштабах всего региона привела к тому, что в дальнейшем ОИТ вместе с другими объединениями вошло в состав Дома татарской культуры (ДТК), который был открыт по постановлению Совнаркома ТАССР от 11 января 1927 г. при Татнаркомпросе. Это была своего рода ассоциация, объединяющая до полутора десятков научных, литературных и культурно-просветительских учреждений, среди которых – НОТ, ОИТ, Татарское педагогическое общество, Ассоциация пролетарских писателей Татарстана, Общество татарских советских писателей, Кружок молодых писателей, Татарская книжная палата и др. (Приложение 1. Схема 7). В целом в ДТК вошла большая часть историко-краеведческих обществ, занимающихся изучением истории местного края, условий жизни и быта народов. Как отмечает А.З. Хакимова, эти организации основное внимание уделяли плановому исследованию развития производительных сил, народного хозяйства, общественных и революционных движений, а также пропаганде «достижений» в области культуры и быта народов при советской власти¹⁹⁹. При этом большое внимание уделялось чтению научно-популярных лекций, докладов, которые привлекали большое количество слушателей. Так в кратком отчете о деятельности ДТК за 1927–1928 гг. содержатся сведения о 32 проведенных лекций и докладов, на которых побывало 7806 человек; на 41 собрании и конференции присутствовало 4492 человека²⁰⁰.

ДТК организовал выпуск научных изданий, на страницах которых нашла отражение научно-исследовательская работа историков и археологов и этнографов ТАССР – А.С. Башкирова, В.Ф. Смолина, Н.Ф. Калинина, Н.И. Воробьева. Во многом ДТК выполнял те же функции, что и параллельно

¹⁹⁹ Хакимова А.З. Роль краеведческой работы в изучении и популяризации историко-культурного наследия Татарстана в 1920–2000-е гг. Автореф. дисс. к.и.н. Казань, 2011. С. 13.

²⁰⁰ НА РТ. Ф. Р-439. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.

существующий Академцентр Татнаркомпроса²⁰¹. Однако создание ДТК было проявлением тенденции к регламентирующей деятельности самостоятельных научных объединений, подчинение их работы интересам текущей политической ситуации.

В целом необходимо отметить, что 1920-е гг. были временем поиска рациональных организационных форм научных исследований в ТАССР. Научная работа строилась на основе взаимодействия историко-краеведческих обществ, местных музеев и государственных органов, хотя их функции еще не были в должной мере разграничены, что приводило к дублированию и распылению сил²⁰². Однако за небольшой промежуток времени члены различных краеведческих учреждений сделали достаточно много открытий в малоисследованных сферах истории татарского народа. Исследовательская атмосфера внутри существующих научных обществ, по свидетельству современников (в частности, Н.Н. Фирсова), была настолько комфортной, что воодушевляла их членов на активную работу и привлекала молодежь в науку. Хотя материальное обеспечение и поощрение труда местных ученых было скудным, несоразмерным «проявленной ими выдающейся энергией». Однако оптимизм и широта поставленных исследовательских задач позволяли преодолевать и это препятствие²⁰³.

После огосударствления Академии наук в конце 1929 г. начался рост и реорганизация академических учреждений. Новой формой, соединяющей в себе исследовательскую деятельность и преподавание, стал научно-исследовательский институт. Преимущества этого типа организации отметили еще в 1922 г. Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург, Л.А. Тарасевич и А.Е. Ферсман, подчеркнув, что в них «впервые организационно ставится вопрос о научных школах», о создании «устойчивых коллективов

²⁰¹ Амирханов Р.У., Гарипова З.Г. Некоторые проблемы становления гуманитарных наук в Татарии в 20–30-е годы и развитие национальной культуры // Великий Октябрь и некоторые вопросы формирования татарской социалистической нации. Казань, 1989. С. 90.

²⁰² Пряхин А.Д. Указ. соч. С. 37.

²⁰³ Фирсов Н.Н. Изучение Татарии в историческом... С. 331–332.

профессоров и учеников», подготавливающих в процессе работы «надежные кадры будущих ученых для высшей школы и научных учреждений»²⁰⁴. Институт постепенно превратился в опорное звено централизованной системы научной деятельности, характеризовавшейся планированием и жестким контролем. По словам В.И. Оноприенко, институт, а не научная проблема, стал основным объектом финансирования, планирования и оценки²⁰⁵. В рамках данной тенденции ДТК с самого начала своей деятельности поставил задачу основания такого научно-исследовательского института. Символично, что при его открытии председатель ЦИК ТАССР Ш.Ш. Шаймарданов заявил, что со временем ДТК «должен превратиться в Институт татарской культуры», а потом и в Академию наук ТАССР²⁰⁶.

Средоточием археологических исследований края в 1920-х – 1930-х гг. оставались Казанский и районные музеи, в которых находились богатые археологические фонды, а также прежние кадры археологов и краеведов. В дореволюционный период исторические коллекции были сосредоточены в городском музее, музее ОАИЭ и музее отечествоведения. Здесь были собраны материалы местного характера, полученные в результате деятельности научных обществ края – Общества естествоиспытателей и ОАИЭ, а также большая коллекция казанского собирателя А.Ф. Лихачева. Развитие музейного дела этого времени тормозилось рядом обстоятельств – равнодушием местных властей, низким культурно-образовательным уровнем населения, и, как следствие, невысокой посещаемостью самих музеев и недостаточным уровнем их материально-технической оснащенности.

Первые годы советской власти, по мнению К.Р. Синицыной, знаменуют отдельный этап музейного строительства в республике (1917 – сер. 1930-х гг.). Он характеризовался большим размахом работы в области охраны

²⁰⁴ Цит. по: Багракова М.С. Указ. соч. С. 228.

²⁰⁵ Оноприенко В.И. Л. Грэхэм. Очерки истории российской и советской науки (пер. с англ.). М.: Янус-К, 1998. 312 с. // Вестник Российской академии наук. 1999. Том 69. № 1. С.85.

²⁰⁶ Мухсинов З. Дом татарской культуры // Очерки по изучению местного края. Казань: Издательство ДТК, 1930. Т.1. С. 11.

памятников прошлого, концентрацией исторических и художественных ценностей из частных собраний в государственных хранилищах, значительным ростом музейных фондов и сети местных музеев²⁰⁷. Впервые в структуре органов власти появляется специальное учреждение, осуществляющее руководство музейной деятельностью – в августе 1919 г. был учрежден подотдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при отделе народного образования губернского Совета. К его работе были привлечены историки, краеведы, художники края. В качестве основных задач перед подотделом ставилась полная регистрация предметов искусства и старины, описание и поддержание архитектурных и археологических памятников, а также руководство губернскими музеями. Позже в 1920 г. подотдел был преобразован в отдел по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы при Академцентре Наркопроса с тремя структурными единицами в своем составе:

- 1) подотдел по охране памятников искусства и старины;
- 2) подотдел по охране памятников природы;
- 3) подотдел по музейным делам.

В составе отдела до 1924 г. зампредседателем работал этнограф Н.И. Воробьев, ученым секретарем – историк М.Г. Худяков, после 1925 г. функции охраны археологических памятников на короткое время взял на себя В.Ф. Смолин²⁰⁸.

В структуре Казанского музея существовал исторический отдел, возглавляемый М.Г. Худяковым (1919 – 1925). Собственно, с его деятельности и начинается самостоятельная научно-экспозиционная жизнь отдела²⁰⁹. Первые годы после революции были ознаменованы перестройкой всей деятельности музея, что не могло не отразиться на состоянии фондов. В

²⁰⁷ Синицына К.Р. Полвека музеев... С. 28.

²⁰⁸ НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

²⁰⁹ Измайлова С.Ю. А.М. Ефимова и ее роль в истории создания исторических экспозиций Национального музея РТ // Краеведческие чтения и среды. Выпуск 3: Материалы заседаний, прошедших в Национальном музее Республики Татарстан в 2002–2003 гг. Казань: РИЦ «Школа», 2003. С. 13.

отчете М.Г. Худякова о деятельности исторического отдела музея за 1919 г. приводится характеристика состояния предметов отдела, которые «без всякой системы рассеяны по залам музея вместе с предметами прочих отделов; в одной и той же витрине рядом хранились вещи самых разнообразных культур, эпох и исторического значения». По инициативе М.Г. Худякова в залах отдела был произведен ремонт, а также перегруппировка материала. В четырех залах отдела исторический материал был распределен по следующему принципу:

- 1) исторические коллекции (древнеегипетские, античные древности, коллекция оружия и монет, памятники русской истории);
- 2) историко-археологические коллекции (древности каменного, бронзового и железного веков, Булгара и Биляра);
- 3) отдел старой Казани с памятниками местной старины, видами и планами Казани, портреты казанских деятелей;
- 4) церковные древности и памятники церковного искусства (резьба, иконопись, шитье, ткани, церковные древности, утварь)²¹⁰.

Помимо экспозиционной деятельности исторический отдел занимался научной работой: систематическим описанием коллекций, сравнительным анализом предметов старины.

С приходом в 1924 г. в исторический отдел Н.Ф. Калинина (1924 – 1936), основная работа по формированию экспозиций, учету, каталогизации археологических фондов легла на его плечи. Помимо этого он вел активную деятельность по изучению археологических и исторических памятников Казани и республики. Как и многие крупные отечественные археологи, такие как В.А. Городцов, А.А. Спицын, П.С. Рыков, Б.Э. Петри, Н.Ф. Калинин уделял много внимания развитию археологии именно в рамках музейных структур. Имея опыт создания школьного краеведческого кружка, казанский археолог проводил регулярные археологические экспедиции, которые в

²¹⁰ НА РТ. Ф. Р-2021. Оп. 1. Д. 5. Л. 2об–3.

историографии связывают с началом систематических археологических раскопок на территории Казани²¹¹. В 1927 г. Н.Ф. Калинин осуществил разведки по правому берегу р. Волги²¹².

В августе 1929 г. казанский ученый совместно с представителем ГАИМК М.Г. Худяковым провели разведки траншейным методом под Казанью в районе бывшего стекольного завода, а также возле Елабуги с целью «изыскания в области дотюркских культур», как позже в своем отчете указывал Н.Ф. Калинин, в виду слабой изученности этой эпохи (IV–VI вв. н.э.). Причем, будучи профессиональным краеведом, Н.Ф. Калинин дал подробное описание места разведок с предысторией изучения (А.М. Тальгрэн, В.И. Заусайлов)²¹³. К числу примечательных находок («неожиданных» в интерпретации газеты «Красная Татария»²¹⁴) Н.Ф. Калинин отнес кремневые орудия неолитического времени, сделав вывод об открытии еще одной единицы довольно большого числа известных до сих пор неолитических стоянок окрестностей Казани²¹⁵. Другими важными объектами интереса двух исследователей были «финские могильники» конца I тыс. н.э. (в районе с. Борисково, Айша, Красный Бор, Зуевское и др.), которые позволили восполнить некоторые пробелы в изучении эпохи Великого переселения народов.

По сути, на протяжении 1920-х гг. республиканский музей становился фактически историко-исследовательским и методическим центром краеведения, исполняющим указания вышестоящих органов власти в рамках развернувшейся в стране культурной революции²¹⁶. Казанский музей оказал существенное влияние на становление ряда музеев Среднего Поволжья.

²¹¹ Ситдилов А.Г., Старостин П.Н. Николай Филиппович Калинин, 1888 – 1959. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. С. 5.

²¹² Калинин Н.Ф. От Сюкеева к Камскому Устью // Записки Тетюшского музея. Т. III. Казань, 1928.

²¹³ НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 42. Л. 73–76.

²¹⁴ Археологические разведки в ТР // Красная Татария. № 209. 12 сентября 1929 г.

²¹⁵ НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 42. Л. 74.

²¹⁶ Хакимова А.З. Роль краеведческой работы... С. 17–18.

В условиях постоянной нехватки средств возникали и постепенно развивались кантонные краеведческие музеи, собирающие значительное число экспонатов. Во второй половине 1920-х гг. отмечается усиление связей музеев с научными обществами, с сотрудниками которых местные краеведы и музейные работники занимались совместной экспедиционной, исследовательской и собирательской работой, создавая тем самым республиканский музейный фонд²¹⁷.

В 1930-е гг. казанский ученый принял участие в работах на Суварском и Болгарском городищах и одновременно провел самостоятельные исследования в Казани и ее окрестностях²¹⁸. Активная деятельность ученого позволила в 1929 г. выделить из состава исторического отдела музея археологический отдел, где он проводил полевые изыскания, переучет, реструктуризацию и каталогизацию археологических фондов²¹⁹. С именем Н.Ф. Калинина также связывают и начало реорганизации экспозиции и самой ее структуры.

Таким образом, можно утверждать, что в 1920-е – 1930-е гг. в ТАССР произошли важные изменения в археологической науке. Они касались организационной перестройки прежних научно-исследовательских учреждений, экспериментов в области исторического и археологического образования, формирования новой проблематики исследований с опорой на марксистскую методологию. В это время происходило крупномасштабное развертывание системы научных учреждений, перед исторической и археологической наукой были поставлены принципиально новые задачи. Несмотря на трудности экономического и идеологического характера, в сфере изучения и сохранения историко-культурного наследия региона были достигнуты достаточно заметные успехи. Партийно-государственным

²¹⁷ Валеева Г.А. Деятельность кантонных краеведческих организации в Татарии в 20-е годы XX в. // Вестник ТГГПУ. 2008. № 3 (14). С. 20.

²¹⁸ Калинин Н.Ф. Город Казань // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. М.–Л., 1941. С. 104–106; Его же. Казанская стоянка // Историко-археологический сборник. М., 1948. С. 179–186.

²¹⁹ Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. С. 116.

органам власти ТАССР удалось сконцентрировать важнейшие усилия на сохранении и изучении самобытности татарской культуры.

I.3.3. Становление научной интеллигенции и подготовка археологических кадров в Татарской АССР. Обращение к проблемам формирования научной интеллигенции в Татарской АССР, к тому уникальному опыту построения взаимоотношений с новой властью обусловлено ее ролью в истории края, ее значением в развитии археологической науки, народного образования и культуры региона в целом. Изучение трансформации казанской дореволюционной интеллигенции в интеллектуальный слой нового типа, протекавшей, как и в целом по стране, в довольно сложных условиях, позволяет связать этот процесс с организационными изменениями советской археологии, системы исторического и археологического образования, постановкой новых научных задач.

Помимо самостоятельных и имманентных признаков, присущих интеллигенции как социокультурной группе, у казанской научной интеллигенции были другие характерные особенности. Среди общих качеств можно выделить: профессиональная занятость в сфере умственного труда, производство новых достоверных знаний, сохранение и распространение духовной культуры народа, следование научному этосу (профессиональные признаки); отношение к власти и народу, к религиозным и идеологическим установкам, оппозиционность к доминирующим в социуме институтам (социально-политические признаки)²²⁰. К специфическим признакам можно отнести ее особую роль в многонациональном регионе на фоне социально-экономических, политических трудностей начала XX в., тесное

²²⁰ Литература, посвященная различным аспектам изучения интеллигенции, обширна и многочисленна. Проблема понятия является наиболее дискутируемой, о признаках интеллигенции см.: Ледяев В.Г. Понятие интеллигенции: проблемы концептуализации // Интеллигенция и мир. 2001. № 1. С. 14; Емтыль З.Я. Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX в. – начала 30-х гг. XX в. Краснодар: Издательский Дом–Юг, 2010. С. 21–22; Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Россия/Russia. Вып. 2(10): Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. М., 1999. С. 12; Наумова Т.В. Интеллигенция и пути развития российского общества // Социс. 1995. № 3. С. 40.

взаимодействие со столичной наукой, интенсивная общественная деятельность, которая была многогранной, и включала в себя культурно-просветительскую и политическую. При этом ее основная общественно-политическая, культурно-просветительская и творческая деятельность была сфокусирована на проблемах и нуждах национальной республики.

На протяжении 1920-х гг. отношение политической власти, и соответственно, ее политика по отношению к интеллигенции претерпевала трансформацию. Исходя из того, что «по сути своей интеллигенция мелкобуржуазна в массе»²²¹, пропитана буржуазным мировоззрением и навыками, тем не менее, большевики вынуждены были считаться с ней, поскольку «задача развития производительных сил требует немедленного и всестороннего использования оставленных в наследство капитализмом специалистов науки и техники»²²². Для того чтобы вовлечь их в социалистическое строительство, первый нарком просвещения А.В. Луначарский (1875–1933) призывал «ставить [их] в атмосферу товарищеского общего труда, рука об руку с массой рядовых рабочих, руководимых сознательными коммунистами и тем способствовать взаимному пониманию и сближению разъединенных капитализмом работников физического и умственного труда»²²³. На самом деле это означало установление надзора над представителями научной интеллигенции, на что указывал В.И. Ленин в «Докладе о партийной программе», требуя окружить их не только атмосферой товарищеского сотрудничества, но и «рабочими комиссарами, коммунистическими ячейками, поставить их так, чтобы они не могли вырваться...»²²⁴. При этом роль ученых в процессе руководство наукой не ограничивалась разработкой общих вопросов ее развития или

²²¹ Обращение народного комиссара по просвещению А.В. Луначарского ко всем учащимся // Культурное строительство в РСФСР 1917–1927. Т.1. Документы и материалы 1917–1920. М., 1983. С. 75.

²²² Восьмой съезд РКП(б). Программа партии // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1983. Т. 2. 1917–1922. С. 85.

²²³ Обращение народного комиссара по просвещению А.В. Луначарского ко всем учащимся // Культурное строительство в РСФСР 1917–1927. Т.1. Документы и материалы 1917–1920. М., 1983. С. 86.

²²⁴ Ленин В.И. Доклад о партийной программе // Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. 5-е. изд. М.: Изд-во политической литературы, 1967. Т. 38. С. 166.

определением приемлемых форм организации. Планы политической власти предусматривали привлечение ученых к непосредственной работе в центральных и местных органах, к оперативному управлению исследованиями и разработками в различных отраслях науки²²⁵.

Внимание власти к интеллигенции было довольно пристальным и сопровождалось ее основательным изучением. В частности, известна классификация интеллигенции Ф.Э. Дзержинского, который разделил ее по группам:

- 1) беллетристы;
- 2) публицисты и политики;
- 3) экономисты:
 - а) финансисты
 - б) топливники
 - в) транспортники
 - г) торговля
 - д) кооперация и т. д.
- 4) техники:
 - а) инженеры
 - б) агрономы
 - в) врачи
 - г) генштабисты и т. д.
- 5) профессора и преподаватели.

Каждая из этих групп всесторонне изучалась, и главной задачей оставалось «содействие выпрямлению линии по отношению к спецам, т.е. внесение в их ряды разложения и выдвижения тех, кто готов без оговорок поддерживать совет [скую] власть...»²²⁶.

²²⁵ Бастракова М.С. Указ. соч. С. 113.

²²⁶ Цит. по: Коган Л.А. Выслать за границу безжалостно (Новое об изгнании духовной элиты) // Вопросы философии. 1993. № 9. С. 66.

Противоречивое отношение к интеллигенции обусловило и противоречивость политики в отношении к ней. Поиск компромиссов во взаимоотношениях, поощрение лояльности в конце 1920-х – начале 1930-х гг. под влиянием политической и социально-экономической обстановки в СССР сменяется политикой насильственного вытеснения «старой» интеллигенции из всех сфер общественной жизни, замене ее новой пролетарской интеллигенцией. Это в целом свидетельствует об отношении советской власти к интеллигенции как к общественному слою, предназначенному для обслуживания пропагандистских и профессионально-кадровых запросов советского государства²²⁷.

Создание интеллигенции нового типа являлось одной из составных частей и важным условием успешного осуществления культурного строительства советского государства. Политические перевороты и гражданская война привели к тому, что «подготовка новых специалистов превратилась в важнейшую задачу всей партии»²²⁸. Говоря словами В.И. Ленина о том, что «с преобразованием старого капиталистического общества учение, воспитание и образование новых поколений, которые будут создавать коммунистическое общество, не могут быть старыми»²²⁹, была определена задача партии в области подготовки кадров. Особенно это касалось национальных территорий, в которых требовалось в сжатые сроки «поставить и развить широкую сеть курсов и школ, как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера, на родном языке... для ускоренной подготовки... кадров квалифицированных

²²⁷ Емтыль З.Я. Политический курс советской власти в отношении старой интеллигенции (1917–20-е гг. XX в.) // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 237;

²²⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 8 изд. Т. 4. М., 1970. С. 113.

²²⁹ Ленин В.И. Задачи союзов молодежи (речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г.) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1981. Т. 41 (Май — ноябрь 1920). С. 301.

рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения»²³⁰.

При этом основными путями кадрового обеспечения советской науки и культуры являлись: привлечение старых кадров, подготовка молодых ученых преимущественно из рабочих и крестьян и их выдвижение на руководящую работу²³¹. Это привело к демократизации высшей школы и устранению формальных препятствий, мешавших рабоче-крестьянской молодежи поступать в вузы. Законодательным оформлением этой инициативы стали декрет о правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР, постановление СНК РСФСР «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства» от 2 августа 1918 г., подписанные В.И. Лениным. Обновление студенческой среды и массовизация образования способствовали размытию границ интеллигенции, которая в дореволюционное время было четко отграничена от массы населения рядом формально-статусных показателей, а студенчество рекрутировалось главным образом из семей, главы которых по своей профессии и в силу общественного положения получали высшее образование (дворянство, торгово-промышленные круги, чиновничество, профессура). Обновление социального и национального состава обучающихся студентов создавали более благоприятные возможности для подготовки молодых ученых. Уже к 1922–1923 учебному году 54,3% студентов вузов Казани по своему социальному происхождению представляли выходцы из рабоче-крестьянской среды, а в 1926–1927 гг. эта цифра выросла до 58,5%²³². С другой стороны, регулирование социального состава студенчества, занижение требований к выходцам из рабочих и

²³⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 2. М.: Политиздат, 1983. С. 366.

²³¹ См.: Морозова С.В. Деятельность КПСС по формированию советской интеллигенции в период строительства социализма (на материалах рабочих факультетов Татарской АССР). Автореф. дисс. ... к.и.н. Казань, 1974. С. 3; Федюкин С.А. Деятельность КПСС по формированию советской интеллигенции. М.: Знание, 1984. С. 23.

²³² Морозова С.В. Деятельность КПСС... С. 15; Малышева О.Л. Борьба партийной организации... С. 11.

крестьян неизбежно вело к понижению уровня научной квалификации новых кадров, однако позволяло в будущем решить другую проблему – преодоление острого кадрового голода, имевшегося во всех отраслях народного хозяйства и областях жизни общества, в том числе и на научные кадры²³³.

Реформа высших учебных заведений, начатая с осени 1918 г., касалась коренного изменения содержания учебного процесса и структуры факультетов вузов, особенно гуманитарных. Советская система высшего образования, сложившаяся в 1920-е гг., исходила из следующих основных принципов:

- 1) классовый подход к подготовке специалистов во всех областях;
- 2) пересмотр учебных программ и планов в сторону расширения общественных дисциплин в соответствии с теоретическими установками марксизма;
- 3) ликвидация университетской автономии и введение государственного контроля за высшей школой.

Региональные органы управления образованием и наукой были составной частью строго централизованной и иерархичной системы управления и подчинялись директивным указаниям из центра. Местные государственные органы занимались конкретными практическими проблемами научных и учебных учреждений, которые можно было решить на месте или во взаимодействии с центральными органами. Особенно важна была роль местных государственных органов на этапе организации новых учреждений, когда эти органы в срочном порядке были вынуждены заниматься поиском необходимых для них помещений и профессиональных кадров. В этой связи значительно активизировалась деятельность Татарского обкома ВКП (б), в структуре которого был создан отдел школ и науки.

²³³ Беляев Е.А. КПСС и организация науки в СССР. М.: Политиздат, 1982. С. 11–12; Тацис Н.А. Государственная политика СССР в сфере науки (1929–1941 гг.). Автореф. дисс... к.и.н. М., 2007. С. 25.

Особая роль в деятельности обкома партии отводилась идеологической работе с научной интеллигенцией, вопросам перестройки исследовательской деятельности научных учреждений и подчинения её практическим нуждам народного хозяйства. Партийная организация утверждала преподавателей для чтения лекций по общественным наукам, участвовала в составлении учебных программ и научных планов²³⁴. Известно директивное письмо от 4 августа 1936 г., подписанное заместителем заведующего отделом школ ЦК ВКП(б) М.Г. Макаровским (1899–1938) о том, что руководители кафедр по социально-экономическим дисциплинам вузов утверждаются обкомами, крайкомами и ЦК национальных компартий²³⁵. В некоторых случаях обком партии занимался и конкретными проблемами научных учреждений, связанными с недостаточным финансированием, отсутствием квалифицированных научных кадров. В целом, проблему нехватки идеологически благонадежных преподавателей общественных наук в казанских вузах удалось решить к середине 1920-х гг. К 1927 г. из 26 преподавателей общественных наук 21 являлся членом партии²³⁶.

Внимание к умонастроениям профессорско-преподавательского состава проходит «красной нитью» во взаимоотношениях казанской науки с партийно-государственными органами власти. Интересна реплика представителя татарского ОК ВЛКСМ Г. Богаутдинова на совещании молодых преподавателей Казанского университета в июле 1935 г., который отмечал: «мы хотим... обменяться мнением вокруг таких вопросов, как наши молодые учителя-комсомольцы занимаются повышением своего теоретического и политического уровня, когда занимаются, какие читают газеты, что вообще читают»²³⁷. Это не могло не сказаться на атмосфере внутри научного сообщества историков и археологов Казани, заставляя их

²³⁴ Малышева О.Л. Борьба партийной организации... С. 10, 14; Морозова С.В. Деятельность КПСС... С. 16–17.

²³⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 3. Д. 1257. Л. 17.

²³⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 2. Д. 175. Л. 40.

²³⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 3. Д. 854. Л. 18.

опасаться за собственную жизнь и жизни близких, делая их неуверенными в возможности продолжения нормальной научной деятельности, что, в конечном счете, обуславливало снижение моральных норм и делало неизбежным процветание идеологии конформизма, а в худшем случае полной научной беспринципности. Как итог, негативные тенденции морально-психологического климата снижали потенциал науки.

Крупнейшее учебное заведение региона – Казанский университет – не сразу почувствовал на себе перемены. Только после того как в декабре 1917 г. Совет университета в резолюции подчеркнул нелегитимность новой власти, а большевики были названы «группой фанатиков и темных дельцов»²³⁸, а в августе 1918 г. часть профессорско-преподавательского состава вместе с Советом университета поддержали антибольшевистское правительство – Комитет членов Учредительного собрания, и 102 преподавателя ушли из Казани вслед за армией Колчака, тогда перед советскими властями встала проблема реформирования высшей школы, вытеснения «буржуазных» ученых и преподавателей. Данный вопрос был поставлен практически сразу после прихода к власти большевиков – на январском III Всероссийском съезде Советов в 1918 г. С 1919 г. по решению Наркомпроса началось изменение внутренней структуры вузов, реорганизации были подвергнуты гуманитарные факультеты.

В 1921 г. историко-филологический факультет Казанского университета был упразднен в соответствии с декретом ВЦИК от 23 апреля 1921 г. «Об организации факультетов общественных наук и упразднении историко-филологических факультетов». Основная причина – «полное несоответствие учебных планов как потребностям научной методологии, так и потребностям советских учреждений в высококвалифицированных работниках»²³⁹. Во многих вузах страны создавались факультеты

²³⁸ Корбут М.К. Казанский государственный университет... Т.2. С. 300.

²³⁹ НА РТ. Ф. Р-1337. Оп.2. Д. 1. Л. 23.

общественных наук с экономическим, политико-юридическим и историческим отделениями. ФОНы организовывались с целью усиления позиций марксистской идеологии и методологии в вузах. Впервые в высшей школе именно на этих факультетах стали изучать новые предметы, такие, как история социализма, советское государственное право, история Интернационала и др. При этом необходимо учитывать, что новые факультеты разворачивали свою деятельность и функционировали в чрезвычайных условиях: революционные события 1917 г., гражданская война, хозяйственная разруха и голод 1921–1922 гг. В большей степени «людям предстояло решать вопрос, как выжить, а не как жить науке – сохранится ли она вообще, а не как ей надо дальше развиваться»²⁴⁰.

Казанские профессора и преподаватели, в том числе историки В.Ф. Смолин, Ю.Н. Фармаковский, Н.П. Грацианский, были перечислены на новый ФОН²⁴¹. На организационном заседании была определена структура института истории, включающего в себя кафедры:

- 1) археологии и истории первобытной культуры;
- 2) истории древнего Востока;
- 3) истории античного мира;
- 4) истории Западной Европы в средние века;
- 5) истории Западной Европы в новое время;
- 6) русской истории;
- 7) истории Византии;
- 8) истории славянства;
- 9) истории восточных народов;
- 10) истории религии;
- 11) истории искусств.

²⁴⁰ Формозов А.А. Русские археологи до и после революции. М., 1995. С. 29.

²⁴¹ НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 4. Л. 3–4.

Кроме того, в планах значились исследования на ближайший год. Среди них по древней истории и археологии были изучение преподавателем В.Ф. Смолиным археологического материала Камско-Волжской Болгарии²⁴².

Правда, ФОН просуществовал недолго – уже в августе 1922 г. факультет вошел в состав Восточного педагогического института.

В архивных документах того времени отмечался переходный характер подобных учреждений, основными задачами которых являлись «разработка соответствующих отраслей науки и подготовка научных деятелей». Для этого предполагались такие формы работы:

- 1) научные исследования;
- 2) специальные лаборатории;
- 3) ученые труды институтов;
- 4) научные экспедиции и экскурсии;
- 5) научные съезды;
- 6) специальные курсы лекций;
- 7) семинарские и практические занятия²⁴³.

Разнообразные формы профессионального общения, обмена научной информацией, сложившиеся в местном сообществе ученых и обеспечивающие его системную целостность, свидетельствуют о достаточно высоком уровне внутринаучных коммуникаций в рамках татарской археологии. Это являлось важной составляющей не только для получения и трансляции новых знаний, но и для оформления самой археологии в дисциплинарное сообщество, профессионализации знания. Координацию образовательных программ и подготовки кадров научной интеллигенции осуществлял специально созданный в 1921 г. Академический центр Наркомпроса ТАССР. Полномочия нового центра были достаточно широкие. В том числе они касались разработки планов народного просвещения,

²⁴² НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 4. Л. 8–9.

²⁴³ НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 4. Л. 16 об–17.

программ для преподавания во всех типах учебных заведений республики и созыва научных конференций²⁴⁴. Заметный вклад в его деятельность внесли историки и археологи Е.И. Чернышев, М.Г. Худяков, Г.С. Губайдуллин, Н.Н. Фирсов.

После революционных событий 1917 г. и гражданской войны казанские историки и археологи, в числе которых были Н.Н. Фирсов, М.Г. Худяков, В.Ф. Смолин, А.С. Башкиров, Н.Ф. Калинин, Б.Ф. Адлер, не прекратили своих изысканий. В организационном плане ученые продолжали свою работу по изучению истории и археологии края, как в прежних, так и во вновь созданных научных учреждениях.

Особое внимание было уделено подготовке археологических кадров. Система подготовки научных кадров, являясь неотъемлемым звеном науки как социального института, обеспечивает устойчивость и повторяемость ее внутренних взаимосвязей. Для археологии Прикамья в целом в начале XX в. еще не сложились механизмы, обеспечивающие преемственность исследовательской практики, проблематики, комплекса норм и ценностей. Отсутствовали и специальные учебные заведения, возвращавшие новые кадры для археологической науки. По мнению Т.И. Оконниковой только Казань в это время наиболее приблизилась к решению проблемы подготовки новых поколений исследователей²⁴⁵. По сравнению с дореволюционным временем расширилась социальная база местной археологической науки, интерес к древностям стали проявлять и представители рабочего класса.

Казанский университет с дореволюционного времени оставался единственным центром подготовки научных кадров археологов. Однако их количество оставалось недостаточным для того, чтобы охватить исследованиями весь край. Над изучением его прошлого трудился ограниченный круг ученых, при этом приток новых кадров, а также

²⁴⁴ Фаттахова Г.А., Валеев Р.К. Указ. соч. С. 15.

²⁴⁵ Оконникова Т.И. Указ. соч. С. 56.

профессиональный рост уже существующих был скуден. В частности, за 1917–1920-е гг. при Казанском университете не было ни одного археолога, оставленного для приготовления к профессорскому званию²⁴⁶. Хотя некоторые историки – Е.И. Чернышев, Г.С. Губайдуллин с кафедры русской истории в последующем сыграли определенную роль в археологических изысканиях Татарской АССР в 1920-х гг.

Подготовка советских научных кадров для местной археологии началась уже в октябре 1917 г. с созданием Северо-Восточного археологического и этнографического института (СВАЭИ), на открытии которого его учредитель и директор, профессор кафедры русского права Казанского университета С.П. Покровский отметил важность массового и доступного высшего образования для возвращения национальной интеллигенции, «хорошо знакомой не только с русской жизнью, но и с бытом, языками, с прошлым и настоящим состоянием обширнейших областей России...»²⁴⁷. Этот «высший рассадник научных знаний», открытый в непростое время, по его мнению, даст глубокое образование особого типа, подготовит специалистов, полезных «на разных поприщах общественной и государственной службы, а также и в деле народного просвещения»²⁴⁸.

В качестве другой важнейшей своей цели институт планировал объединить научные силы Казани в области археологии и этнографии Поволжья и Приуралья в одном центре и готовить специалистов для проведения самостоятельных исследований. С.П. Покровский отметил важность планомерных исследований края в археологическом и этнографическом отношении, чего ранее никогда не предпринималось в силу отсутствия на местах специалистов, слабости местных научных обществ. А между тем, по словам директора института, «каждый из народов, игравших здесь господствующую роль, оставил в этом краю свои памятники, дающие

²⁴⁶ НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 18л. Д. 1. Л. 18; НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 18л. Д. 1. Л. 33.

²⁴⁷ НА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 4. Л. 21.

²⁴⁸ Там же. Л. 22.

богатейший материал, как для русской археологии, так и для археологии финнов и тюрко-монгольских народностей». Данный материал имеет исключительный универсальный научный интерес для исследователей, в том числе для ученых Западной Европы (которые, по выражению С.П. Покровского «нам завидуют»)²⁴⁹. В процессе деятельности институт взял на себя и охрану исторических ценностей, что было особенно актуально в непростых условиях гражданской войны²⁵⁰. Профессорско-преподавательский состав в большинстве своем состоял из сотрудников историко-археологического факультета Казанского университета.

Институт состоял из трех отделений – археологического, этнографического и археографического, и, по словам директора С.П. Покровского, в сравнении с Московским археологическим институтом организационная структура местного вуза была шире (Приложение 1. Схема 5)²⁵¹. Деканом археологического отделения института в сентябре 1917 г. был выбран профессор Н.Ф. Катанов, который единственный изъявил желание баллотироваться на эту должность, хотя выдвигались и другие кандидатуры – профессоров Н.Ф. Высоцкого, К.В. Харламповича, А.М. Миронова, М.Б. Бречкевича²⁵².

Учебный план археологического отделения разделен на 6 семестров, в течение которых студенты изучали 50 дисциплин как обязательно, так и по выбору (Приложение 3). Все учебные курсы можно разделить по направлениям:

1) Археологические дисциплины общего (первобытная археология, антропология) и регионального характера (славянские древности, тюрко-монгольские древности, финно-угорские древности, греко-римская археология);

²⁴⁹ НА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 4. Л. 24–24об.

²⁵⁰ НА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.

²⁵¹ НА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 2. Л. 3об.

²⁵² Там же. Л. 8, Л. 7–7об.

2) Этнографическое направление (общая этнография, славянская этнография, этнография Поволжья);

3) Историческое направление (русская история, история просвещения в России);

4) Естественнаучное направление (география, геология, историческая география, география Поволжья);

5) Религиозное направление (история религии, мусульмановедение, история русской церкви);

6) Лингвистическое направление (история русского языка, введение в общее языкознание, введение в финно-угорское языкознание, введение в тюрко-монгольское языкознание, монгольский, арабский, финский, турецкий языки);

7) Гуманитарное направление (история политических учений, история международных отношений);

8) Искусствоведческое направление (история искусств (древний период), история искусств (с эпохи Возрождения), история русского искусства);

9) Вспомогательные исторические дисциплины (нумизматика, сфрагистика, хронология, метрология, дипломатика, архивоведение, музееведение, общая палеография, русская палеография, палеография востока);

10) Региональное направление (география Поволжья, этнография Поволжья, славянские древности, тюрко-монгольские древности, финно-угорские древности, история Золотой Орды, обзор источников местного края)²⁵³.

Особенностью преподавания в СВАЭИ был широкая региональная составляющая. В докладной записке в отдел высшей школы Наркомпроса РСФСР от 1918 г. говорилось, что до сих пор преподавание в местных вузах

²⁵³ НА РГ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 2. Л. 5, 7об.

носило общий характер, что «имело без того весьма выгодные стороны, ибо наука всеместна и местные условия не должны накладывать пут на ее устремления». Однако развитие самой науки, ее движение вперед возможны только тогда, когда «обеспечена возможность ее разработки на предметах ближайших и не безразличных для исследователя и когда может иметь место постоянная проверка с научных положений и выработка планов исследований на объектах, лежащих перед глазами изучающего, иногда не новых, но часто не исследованных и потому интересных»²⁵⁴.

Все курсы были обеспечены учебниками и учебными пособиями. В преподавании дисциплин по личной просьбе директора института С.П. Покровского изъявили желание участвовать В.А. Городцов (первобытная археология), П.П. Ефименко. С.П. Покровский в ноябре 1917 г. делился своими впечатлениями от встречи со столичными учеными: «Вообще у Московских археологов... выяснилось в высшей степени симпатичное отношение к Северо-Восточному Археологическому институту и указывалось даже на желательность съезда на предстоящих Рождественских святках с целью выработать общий план преподавания совместными силами Московских и Казанских археологов»²⁵⁵. В.А. Городцов даже участвовал в составлении учебного плана института по археологическому отделению, высказав в своем письме о необходимости включить курс геологии²⁵⁶. Позже В.А. Городцов не нашел в себе сил приехать в Казань, о чем он с извинениями написал в письме М.В. Бречкевичу 5 февраля 1919 г.: «будучи физически крайне истощенным голодовками и холодом, прибыть в Институт для чтения лекций не могу»²⁵⁷.

В течение 1918 г. СВАЭИ развил активную деятельность по концентрации функций, коллекций различных научных учреждений Казани,

²⁵⁴ НА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

²⁵⁵ НА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 3. Л. 9об.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ НА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 36. Л. 2.

оставшихся без финансирования, в своих руках – Казанского городского музея, переводческой комиссии, архивы упраздненных организаций, что отражено в протоколах заседаний Совета института зимой-весной 1918 г.²⁵⁸. Не все планы были реализованы, но намерения стать единым научно-образовательным, просветительским центром Казанского края были довольно серьезными.

Надо отметить, что прием в институт отличался демократичностью и отсутствием ограничений по национальному, половому и конфессиональному признаку, что позволило в сжатые сроки (3–4 года) получить образование сотням молодых людей. За три учебных года в институте проучились 372 человека²⁵⁹. При этом само их обучение сопровождалось постоянной перестройкой учебного процесса. В частности, постановлением Наркомпроса РСФСР в феврале 1919 г. в вузах вводился дополнительный летний семестр (21 апреля – 20 июля), соответственно учебные планы также подлежали перестройке²⁶⁰. Правление института сетовало на необычайную трудность составления расписания для 4-х отделений и 3-х курсов вуза, на нехватку аудиторий для занятий²⁶¹.

На протяжении 1918–1919 гг. тема реформирования института и всей системы высшего образования прочно вошла в повестку заседаний Совета. Администрация и преподаватели в основном негативно высказывались по отношению идеи слияния института с другими вузами Казани. Неприятие вызывали планы Наркомпроса РСФСР по ограничению автономии вузов (участие представителей власти в ученых коллегиях факультетов, выборах профессорско-преподавательского состава, 5-летний срок выбора профессоров и преподавателей, отмена научных степеней). На одном из таких заседаний Совета института 24 января 1919 г. профессора и

²⁵⁸ НА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 3. Л. 26–28, 35–36.

²⁵⁹ Зайцев А.В. Исторические учреждения... С. 28.

²⁶⁰ НА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 2. Л. 30.

²⁶¹ Там же. Л. 31; НА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 26. Л. 6.

преподаватели вуза (среди них были историки Н.Н. Фирсов, Н.Ф. Катанов, Б.Ф. Адлер, К.В. Харлампович) высказались против утверждения материалистического метода в научно-преподавательской деятельности, поскольку «научные методы не могут быть проводимы декретами, но должна допускаться полная свобода в методах университетских научных исследований»²⁶². С другой стороны, поддержку университетского сообщества нашли меры советской власти по социальному обеспечению студентов, отмене дипломов, открытому конкурсу при замещении кафедр, учреждению ФОН при Казанском университете²⁶³. В целом, активная деятельность советского государства в отношении науки и образования оценивалась ими без серьезных возражений (Приложение 2. Таблица 4), поскольку исполнительные органы власти проводили консультации по данным вопросам (сохранилось срочное письмо от 11 февраля 1919 г. №1323 директору СВАЭИ от Казанского губернского отдела по просвещению с просьбой прислать делегата от института на совещание по реформе высшей школы²⁶⁴).

Можно отметить, что гражданская война и последовавшая разруха, сложное финансовое положение института и неоднократные попытки его реформировать мало способствовали нормальному обучению студентов. По словам К.А. Руденко, какого-либо заметного притока специалистов-археологов местная наука не ощутила, а сама идея археологического образования стала своего рода «символическим осуществлением мечты о «кузнице археологических кадров»²⁶⁵.

С образованием ТАССР в 1920 г. идея национального образования получила практическое воплощение в создании Восточной педагогической академии. Ее создание стало возможным путем реорганизации Северо-

²⁶² НА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 3. Л. 78об.

²⁶³ Там же. Л. 77об.–78об.

²⁶⁴ НА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 18. Л. 13.

²⁶⁵ Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. С. 108.

Восточного археологического и этнографического института, за которую осенью 1920 г. выступили М.В. Бречкевич, М.Г. Худяков. Декрет Совнаркома ТАССР от 15 декабря 1921 г. провозгласил основной целью нового образовательного учреждения «всестороннее изучение Востока, распространение научных знаний на востоке и подготовку культурных работников из народных масс восточных республик и областей»²⁶⁶. В советской историографии данное событие оценивалось как «новый этап в жизни одного из старейших педагогических учебных заведений Поволжья, этап, связанный с подготовкой кадров новой советской интеллигенции и осуществления ленинского плана культурной революции»²⁶⁷.

В проекте по основным положениям говорилось, что Восточная академия является учреждением милитаризованным, а принятые студенты зачисляются на государственную службу с обязательной учебной повинностью и строгим контролем занятий. По своим нормам вознаграждения, социального и продовольственного обеспечения академия приравнивалась к столичным вузам²⁶⁸.

Правление академии возглавил казанский историк Н.Н. Фирсов (1864–1934). В составе учреждения действовали историко-археологическое, этнографическое, словесное, социально-экономическое отделения. Историко-археологическое отделение готовило преподавателей исторических и вспомогательных дисциплин, музейных работников и архивистов. Должность профессора на кафедре археологии получил недавний выпускник Лейпцигского и Казанского университетов В.Ф. Смолин по представлению тюрколога Н.Ф. Катанова (1862–1922) и филолога С.П. Шестакова (1864–1940). По словам А.В. Зайцева, академия в отличие от Северо-Восточного археологического и этнографического института сочетала в себе функции

²⁶⁶ НА РТ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

²⁶⁷ Надеева З.М. Развитие высшего образования в советской Татарии. (1917–1940). Казань. 1974. С. 10.

²⁶⁸ НА РТ. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

образовательного, педагогического и научно-исследовательского учреждения, где слушатели получали совокупные знания языка, истории, этнографии и искусства восточных народов²⁶⁹.

Однако Восточная академия просуществовала недолго, и уже в 1922 г. она вместе с факультетом общественных наук Казанского университета и Высшим институтом народного образования вошла в состав объединенного образовательного учреждения – Восточного педагогического института, который вплоть до конца 1930-х гг. оставался единственным вузом в ТАССР, где продолжалось преподавание и изучение истории (в 1934 г. институт был преобразован в Казанский государственный педагогический институт с историко-филологическим факультетом в составе). Основной задачей института являлась подготовка преподавателей для школ, особенно национального типа (до 1451 выпускников за 1932–1933 гг.²⁷⁰). Преподавание истории проводилось вначале в словесно-историческом отделении, затем с 1924–1925 учебного года в составе института было выделено общественно-экономическое отделение, которое затем было переименовано в историко-экономическое с кабинетами краеведения, материальной культуры²⁷¹.

Многие преподаватели, в том числе Н.Н. Фирсов, В.Ф. Смолин, перешли на новое место работы. Несмотря на то, что основная задача института сводилась к научно-педагогической и методической подготовке работников высшей категории для школьных учреждений, в его стенах готовили и археологов-исследователей. В частности, В.Ф. Смолин, который читал курсы «Археология», «Основы краеведения и экскурсионного дела», «История и культура Камско-Волжского края», «Археология Камско-Волжского края», основал в вузе археологический кабинет и студенческий кружок. Именно с них начиналась научно-исследовательская работа студентов, где они учились не только проводить исследования, но и

²⁶⁹ Зайцев А.В. Исторические учреждения... С. 46–47.

²⁷⁰ НА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 279. Л. 4.

²⁷¹ Там же. Л. 6, 7.

представлять полученные результаты, обмениваться опытом. В условиях нехватки средств, отсутствия коллекций и литературы казанский профессор археологии (с 1923 г.) сумел собрать достойный археологический материал и научную библиотеку. Из его главного детища – археологического кружка – вышли местные археологи и краеведы З.А. Акчурина, Л.И. Вараксина, которые позже приняли участие в экспедициях под руководством И.Н. Бороздина, А.С. Башкирова, А.В. Збруевой, А.П. Смирнова, Н.Ф. Калинина²⁷². Позже, в 1946 г. такая форма включения студентов в научно-исследовательскую деятельность появится на историко-филологическом факультете Казанского университета усилиями Н.Ф. Калинина. Известный казанский историк и археолог в начале 1920-х гг., будучи учителем истории в школе №3 Казани, организовал краеведческий кружок и начал археологические исследования Казани и районов ТАССР. Тогда и состоялись первые совместные экспедиции В.Ф. Смолина и Н.Ф. Калинина²⁷³.

Сужение основной образовательной задачи Восточного педагогического института до подготовки учителей школ привело к недостаточной теоретической подкованности молодых специалистов, слабому знанию ими конкретной истории. К тому же, как пишет А.Ш. Кабирова, немногочисленные представители дореволюционной интеллигенции в условиях растущего партийного контроля за их деятельностью не смогли полностью раскрыть свой творческий потенциал и обеспечить должный уровень образования и научных исследований²⁷⁴. Учебные планы словесно-исторического отделения Восточного

²⁷² Кузьминых С.В. Виктор Федорович Смолин, 1890–1932. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. С. 13; Таиров И.Н. К столетию З.А. Акчуриной // Татарская археология. 2000. № 1–2 (6–7). С. 212; Мустафина Г.М. Сотрудничество преподавателей кафедры отечественной истории КГПИ с Госмузеем ТАССР // Вестник ТГПУ. 2008. № 3 (14). С. 29.

²⁷³ См., напр.: Ситдинов А.Г. Н.Ф. Калинин – исследователь средневековой Казани // Археологическое изучение булгарских городов. Казань, 1999. С. 44; Кузьминых С.В. Виктор Федорович Смолин... С. 13.

²⁷⁴ Кабирова А.Ш. Историография советского периода истории Татарстана (1917–1950-е гг.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. С. 22.

педагогического института как раз свидетельствуют об отходе от преподавания конкретных исторических знаний, их замене социологическими схемами. Ориентация на практические задачи отодвигала потребность в научно-исследовательских работах на второстепенный план.

К тому же в конце 1920-х гг. актуализировалась проблема комплектования вузов ТАССР представителями коренной национальности. Подготовка национальных кадров находилось под строгим контролем партийных организаций республики. В 1931 г. в Казани был создан Штаб по «коренизации», который занимался вопросами подбора преподавателей, организацией специальных татарских студенческих бригад и групп, переводом обучения на татарский язык, составлением учебников. Однако, в целом, несмотря на принимаемые меры, занятия на татарском языке были редкостью, преподавателей-татар не хватало²⁷⁵.

Несмотря на то, что подготовка новых кадров археологов в Казани стояла довольно остро (приток новых исследователей прекращается в конце 1920-х гг.), и исследовательские организации уделяли этому вопросу первостепенное внимание, проблема долгое время не решалась. Ученый секретарь ОИТ Р.Ш. Тагиров в своем докладе на совещании по экспедиционной работе Общества 18 декабря 1929 г. отметил связь подготовки полевых исследователей с текущим политическим моментом: «...необходимо подготовить не отвлеченного, чуждого жизни теоретика, а исследователя, научившегося чутко прислушиваться к построению хозяйственной и политической жизни страны»²⁷⁶. При этом в качестве конкретных мер решения этой проблемы предлагалось сосредоточить исследовательскую работу вокруг руководителей экспедиций. Именно они должны были взять на себя научное руководство деятельностью остальных участников тематических экспедиций, которых в свою очередь предлагалось

²⁷⁵ Демидова Е.И. Становление и развитие советской высшей школы в 1920–1930 гг. Автореф. дисс... д.и.н. Саратов, 2007. С. 37.

²⁷⁶ НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 42. Л. 40.

набирать из числа татар и других национальных меньшинств республики, а также студентов-практикантов. Причем к тому моменту количество представителей татар и других национальностей среди участников всех экспедиций ОИТ не превышало 30%.

I.3.4. Взаимоотношения казанских историков и археологов с партийно-государственными органами власти. Сложные условия послереволюционных лет выдвинули на первый план проблему взаимоотношений власти и научной интеллигенции. Используя потенциал «старой» научной интеллигенции, государство одновременно формировало новые научные кадры, подготовленные в советских вузах. Активно вовлекая ученых в идейно-политическую и общественную жизнь страны, несмотря на усиливавшееся влияние большевистской идеологии, политическая власть первое время допускала некоторый плюрализм – в теоретико-методологическом, институциональном и кадровом аспектах.

Сдержанное, а подчас враждебное, отношение преподавателей и ученых к новой власти постепенно сменяется поддержкой проводимых ею общественных преобразований. Формируется качественно новая модель отношения власти и науки, которую С.А. Караулов охарактеризовал как неравноправное партнерство²⁷⁷.

В Татарской АССР государственным органом, через который казанские историки и археологи осуществляли непосредственное взаимодействие, был Наркомпрос с Академцентром в составе. Именно через него шло финансирование археологических экспедиций, хозяйственной деятельности научных обществ. Кроме того сами ученые участвовали в создании новых научно-просветительских учреждений, в реформировании существующей структуры науки и образования, в административно-хозяйственной

²⁷⁷ Караулов С.А. Государственная власть и научная интеллигенция в советской России: эволюция взаимоотношений в 1917–1991 гг. // Вестник МГОУ. Серия История и политические науки. 2009. № 2. С. 90.

деятельности организаций. Это тоже сказывалось на их поддержке существующей власти.

В тесном взаимодействии с партийной организацией Татарской АССР шло формирование нового управленческого состава образовательными учреждениями – в руководящие органы вузов вводились коммунисты, ректорами избирались известные ученые и общественные деятели. В вузах, где оставались прежние правления, обком партии настоятельно рекомендовал выбрать нового ректора²⁷⁸.

Подбор кадров научных работников и преподавателей вузов проходил в строгом соответствии с партийными инструкциями партии. Известен циркуляр ЦК РКП(б) №8 от 25 мая 1923 г. «Об организации комиссии при губкомах по подбору кандидатов в научные работники вузов», в котором создание новых преподавательских кадров вузов объявлялось важной политической задачей момента, а в инструкции к циркуляру предлагалось отбирать кандидатов из числа студентов, оканчивающих вузы, при этом ограничивалась самостоятельность самих вузов в этом вопросе²⁷⁹. В случае назначения сотрудников самими вузами, обком партии должен предложить свой список кандидатов и известить об этом Главпрофобр, одновременно предоставив их подробные характеристики как с академической, так и с общественно-политической точки зрения²⁸⁰.

Из официальных партийных документов видно, что эта работа продвигалась с трудом. Профессора и преподаватели, работавшие в вузах еще с дореволюционных времен, не желали покидать свои места в тяжелое время. С помощью своих деловых, научных связей в центральных учреждениях они стремились повлиять на принимаемые властью решения. Татарский обком РКП(б) в начале 1920-х гг. констатировал наличие у представителей «касты профессуры» «крепких связей в Москве в различных наркоматах, кои

²⁷⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 485. Л. 141.

²⁷⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1044. Л. 3, 2.

²⁸⁰ Там же. Л. 2.

используются или для соответствующей информации или решения вопросов в удобную им сторону», поэтому все решения Главпрофобра РСФСР меняются в зависимости от приезда той или иной делегации профессоров «в результате односторонней информации без учета мнений местных партработников»²⁸¹. Неудивительно, что местный обком партии стремится утвердить практику согласования поездки делегаций в Москву, усилить влияние коммунистических групп при вузах²⁸².

Начиная с середины 1920-х гг. финансирование научных изысканий казанских археологов становится более систематическим. Вопросы по организации и проведению экспедиций в различные районы республики решались в оперативном порядке и с соблюдением установленных законодательством процедур (получение открытого листа, удостоверений участников экспедиций, командировки исследователей, финансирование изысканий и др.). Финансирование работ проводилось из различных источников – Главнауки, ГАИМК, Академцентра Наркомпроса Татарской АССР и собственно самого Общества изучения Татарстана²⁸³. Финансирование научно-исследовательских работ ОИТ утверждалось Совнаркомом Татарской АССР.

В 1929 г. им была установлена сумма в 40 тыс. рублей²⁸⁴. Центральные учреждения финансировали содержание руководителя и специалистов экспедиций, проезд до места раскопок, инструменты, расходы по обработке материалов. В частности, руководитель Билярской экспедиции 1929 г. А.С. Башкиров в своем письме руководителю Академцентра С.С. Атнагулову упоминает, что «Москва... берется оплатить... монтаж памятников, чертежи, фотографии, рисунки, доставку материалов в Москву и доставка обратно в приготовленном для выставки виде»²⁸⁵. Академцентр также оказывал большое

²⁸¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 485. Л. 144, 145.

²⁸² Там же. Л. 145.

²⁸³ НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 40. Л. 22–22об.

²⁸⁴ Там же. Л. 64.

²⁸⁵ Там же. Л. 30об–31.

содействие казанским исследователям в их поездках по районам республики и за ее пределами.

Кроме того щедрое финансирование экспедиционной деятельности ОИТ по линии Совнаркома Татарской АССР и Госплана с самого начала возникновения этой организации открывало перед учеными широкие перспективы. По словам ученого секретаря Общества Р.Ш. Тагирова, «даже научные работники удивлялись, сразу маленькой организации отпускается столько средств, значит вопрос ставится очень серьезно...»²⁸⁶. Однако справедливости стоит отметить, что на деле финансирование осуществлялось Наркомфином Татарской АССР лишь частично, не покрывая заявленных в плане работ, и вместо обещанных 48 тыс. руб. в первый год работы ОИТ получило лишь 18 тыс. руб.²⁸⁷.

Интересным сюжетом является уже упомянутое письмо руководителя билярской экспедиции А.С. Башкирова (1885–1963) заведующему Академцентром Наркомпроса Татарской АССР С.С. Атнагулову (1893–1937) от 21 июня 1929 г. Оно примечательно тем, что отражает противоречия между научным сообществом и исполнительными органами власти. В июне 1929 г. археологу не удалось вовремя получить открытый лист на проведение археологических работ в Биляре, о чем свидетельствует письмо ученого секретаря ОИТ Р.Ш. Тагирова от 18.06.1929 г. в адрес А.С. Башкирова с предложением отложить проведение экспедиции на неопределенное время²⁸⁸. Однако А.С. Башкиров, выехав заранее на место экспедиции с группой специалистов, «все-таки принял на себя дерзость произвести исследование, встав во главе рабочей научно-организованной группы, надеясь на то, что меня, как победителя судить не будут, а Татарская республика меня поддержит перед Главнаукой РСФСР, которая одной рукой отпустила деньги, а другой держала за шиворот, не выдавая (через своих чиновников) открытого

²⁸⁶ НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 40. Л. 104об.

²⁸⁷ Там же.

²⁸⁸ Там же. Л. 20–20об, 28.

листа»²⁸⁹. С другой стороны он подчеркивает дружелюбное отношение работников Академцентра к историкам и археологам Казани. В пример приводит «ценную деловую и отзывчиво-приветливую встречу» с С.С. Атнагуловым перед поездкой в Биляр, на которой запомнил фразу заведующего: «Мы Вас т. Башкиров считаем своим работником»²⁹⁰.

Являясь уроженцем края А.С. Башкиров, стремился заручиться поддержкой местных властей в своем противостоянии с «чиновниками центра», «злобствующими руссификаторами». При этом, горя желанием закончить выполнить работу «с честью, не за страх, а за совесть», ученый идет на нарушение формальных процедур выполнения археологических работ, прибегнув к помощи местных краеведов. А.С. Башкиров ожидает помощи от Академцентра, взывая к коммунистической совести С.С. Атнагулова и ставя на одну чашу весов с ней свою, научную. Казанский археолог просит С.С. Атнагулова «показать людям, срывающим работу, соответствующее место, и дело пойдет как нужно». Он даже выражает недовольство ролью всей Татарской АССР в составе РСФСР, которая «должна иметь и свой достаточно веский голос»²⁹¹.

Назвав себя «победителем» А.С. Башкиров, сделал отсылку на результаты экспедиции 1928 г., которые были одобрены не только в Казани, но и в академических кругах Москвы и Ленинграда, А.С. Башкиров перечисляет Институт народов Востока РАНИОН, Московскую секцию ГАИМК.

Кроме того, письмо содержит в себе и сравнительную оценку археологического изучения древностей края в дореволюционные годы и в советское время. Ученый сделал вывод о том, что в предшествующие годы не было систематического изучения памятников татарского народа, «отдельные пионеры пытались подходить... [к изучению – прим. Е.К.], но не имея опыта,

²⁸⁹ Письмо А.С. Башкирова С. Атнагулову от 21.07.1929 г. // НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 40. Л. 29об.

²⁹⁰ Там же. Л. 30.

²⁹¹ Там же. Л. 31, 31об.

знаний и средств от царского правительства, довольствовались только экскурсиями». Причиной этого А.С. Башкиров назвал стремление властей поддерживать только те «исследования, которые не затрагивали национального самосознания и не мешали русификации народов», соответственно, изучались древнейшие исторические периоды истории края и народы уже сошедшие с исторической арены. А.С. Башкиров подчеркнул, что в этом смысле большую работу, хотя и далекую от современности, проделали старые археологи Казани.

С приходом советской власти появляются новые возможности в изучении истории татарского народа, особенно это касается болгарского ее периода. Ученый стремится «внести «каплю от своего меда», уже с 1918 г. вплотную занимаясь обследованием памятников, как он назвал, объединенной болгаро-татарской культуры. Результатом чего явилась его обзорная монография «Памятники болгаро-татарской культуры на Волге»²⁹².

В целом, взаимоотношения казанских археологов с властью постоянно развивались, приобретая характер то благоприятствующих в 1920-е гг., то ужесточаясь к середине 1930-х гг. Это серьезно затормозило процесс поиска наиболее эффективных форм организации исследований как гуманитарного направления в целом, так и археологических, в частности. Но в целом, процесс взаимодействия власти с научным сообществом казанских историков и археологов соответствовал тем сложным и довольно противоречивым изменениям в политике партийных и государственных органов по развитию системы научных учреждений и политической позиции научного сообщества, которые наблюдались по всей стране. В исследованиях научных учреждений ТАССР, как и в целом в Среднем Поволжье, преобладали работы прикладного характера, которые способствовали решению поставленных перед ними

²⁹² См.: Башкиров А.С. Памятники болгаро-татарской культуры на Волге. Казань, 1929. 117 с.

государственных задач по развитию конкретных отраслей народного хозяйства региона²⁹³.

I.3.5. Социальные условия жизни и научной деятельности казанских археологов в 1920-х гг. Тяготы и лишения гражданской войны, структурные сдвиги в экономике самым непосредственным образом повлияли на снижение уровня жизни людей. Болезненно они сказались и на научной интеллигенции, вынудив ее представителей довольствоваться скудным питанием, мизерными окладами, отсутствием элементарных бытовых условий. Им приходилось совмещать работу сразу в нескольких учебных и научных учреждениях, чтобы прокормить себя и свои семьи. Ценностные установки общества переходного периода постепенно менялись в сторону приоритета физического труда над трудом умственным.

Трудные времена не обошли стороной и археологов и историков Казани. С 1917 по 1922 гг. состав ОАИЭ понес серьезные потери, по разным причинам скончались ведущие его члены – П.А. Пономарев, М.М. Хвостов, П.Г. Архангельский, Н.М. Петровский, Н.Ф. Высоцкий, Н.Ф. Катанов. В 1923 г. весьма показательные строки о Н.Ф. Катанове писал профессор И.М. Покровский (1865–1941): «здоровье Николая Федоровича пошатнулось с осени 1921 года, после физического паралича, случившегося с ним от переутомления, когда уже далеко не молодой профессор, вместо покоя, вынужден был долго и непосильно работать: копать землю на посев картофеля и других овощей на огороде, носить их на себе с огорода, находящегося в пяти верстах от его квартиры, таскать и перекладывать тяжелые бревна с места на место, колоть дрова, носить воду на второй этаж в свою квартиру по крутой лестнице...»²⁹⁴.

Положение профессоров и преподавателей вузов Казани в конце 1910-х – начале 1920-х гг. было нелегким. Вынужденные работать в нескольких

²⁹³ Сюков А.В. Власть и наука в Среднем Поволжье в конце 1920-х – 1930-е гг. Автореферат дисс... на соискание уч. ст. к.и.н. Самара, 2009. С. 17.

²⁹⁴ Покровский И. М. Памяти проф. Н. Ф. Катанова // Известия ОАИЭ. 1923 Т.32. Вып. 2. С. 245.

местах, они все равно не могли обеспечить себя и свои семьи достаточным пропитанием и удобным жильем. Переписка вузов с наркоматами продовольствия, здравоохранения наполнена живыми подробностями непростой жизни ученых и педагогов.

В одном из писем от 25 января 1919 г. администрация СВАЭИ обращается к комиссару продовольствия с ходатайством поддержать семьи профессоров, преподавателей и служащих института, которые систематически и долгое время недоедают, обходятся «без мяса, без молочных продуктов, без достаточного количества зелени и, конечно, уже без сахара (которого... не видели более полугода) и без пшеничной муки»²⁹⁵. Это не могло не сказаться на исследовательской работе, объем которой, кстати, значительно вырос и стал включать помимо преподавания и научных исследований, принятие архивных фондов различных учреждений Казани, оборудование института. В письме говорится, что, несмотря на трудности, сотрудники СВАЭИ стараются поддерживать друг друга, хотя «отсутствие фактической возможности добыть необходимые для пропитания продукты» мало помогает делу²⁹⁶.

Трудности испытывали и преподаватели при чтении лекций. Сохранилось письмо Н.Ф.Высоцкого директору института М.В. Бречкевичу от 11 марта 1919 г., в котором он жалуется на непригодность аудитории Женского медицинского института для чтения лекции по доисторической археологии: «Опасаясь только, чтобы читать и слушать ее, по недостатку дров, не пришлось в пальто и галошах» и просит принять меры, чтобы отогреть помещение в течение недели²⁹⁷. Подобные трудности испытывали и служащие Казанского губернского музея, в котором историческим отделом заведовал археолог М.Г. Худяков. Работники музея в письме от 24 июля 1920 г. были вынуждены просить администрацию

²⁹⁵ НА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 37. Л. 3–3об.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ НА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 36. Л. 6.

ходатайствовать перед исполнительными органами об увеличении продовольственного пайка, поскольку «при колоссальном росте дороговизны и плохом местном урожае» перед ними «встает грозный призрак неумолимого голода». Существующего жалования не хватало для пропитания себя и своих семейств, соответственно, падали физические силы и трудоспособность работников музея²⁹⁸. Также их потребности не ограничивались продуктами питания, включали в себя промышленные товары, товары повседневного спроса и топливо: мыло, готовое платье, головные уборы, обувь, ткани, дрова, древесный уголь. В местный комитет Союза работников просвещения, в гублеском, в Казанское потребительское общество регулярно подавались списки сотрудников, остро нуждающихся в данных предметах²⁹⁹. Музейные работники вместе с преподавателями СВАЭИ несли трудовую повинность. 26-летний М.Г. Худяков наряду с директором музея Б.Ф. Адлером, искусствоведом П.К. Дульским трудился на заготовке дров³⁰⁰.

Актуальной проблемой в то время оставалась заработная плата профессорско-преподавательского состава. Размер жалования и пенсии ординарных профессоров Казанского университета в 1917 г. составлял примерно 3000 рублей в год, а с учетом столовых – около 3700 руб. Годовое жалование экстраординарных профессоров не превышало 2000 руб., а с учетом столовых – до 2600 руб. в год³⁰¹. В частности, профессор Н.Н. Фирсов получал месячное жалование в размере 306 руб., историки М.В. Бречкевич, Н.Ф. Катанов – по 204 руб.³⁰². Размер жалования казанских профессоров уступал заработной плате столичных вузовских преподавателей. В проектах нового общеуниверситетского устава 1910-х гг. фигурировали цифры окладов в 4500 руб. для ординарного профессора и 3000 руб. для

²⁹⁸ НА РТ. Ф. Р-2021. Оп. 2л. Д. 10. Л. 5–5об.

²⁹⁹ Там же. Л. 23, 24, 28, 30–32об, 51, 60, 61, 81.

³⁰⁰ Там же. Л. 39, 82.

³⁰¹ НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 18л. Д. 20. Лл. 6–44об.; НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 18л. Д. 7. Л. 50.

³⁰² НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 18л. Д. 20. Л. 10об, 11об, 12об.

экстраординарного профессора³⁰³. Однако до революции высококвалифицированный интеллектуальный труд ценился государством выше тяжелого физического труда рабочего и крестьянина.

В Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте в 1919 г. были установлены нормы выплаты полугодового жалования основным категориям работников. В частности, директор института (М.В. Бречкевич) получал 6000 руб., деканы отделений – по 3600 руб., лектору по первобытной археологии выплачивалось 4200 руб. (это был профессор В.А. Городцов), на содержание музея уходило 3000 руб., на покупку коллекций – 1500 руб., на экскурсии и раскопки – 16000 рублей³⁰⁴. Уже через два года с ростом инфляции и обесцениванием денег вырос и размер жалования профессоров и преподавателей СВАЭИ. В июне 1921 г. М.В. Бречкевич получал 22320 руб., Н.Н. Фирсов – 7920 руб., М.Г. Худяков – 5760 руб.³⁰⁵. Кроме того археолог М.Г. Худяков возглавлял историко-археологический отдел Центрального музея ТССР с ежемесячным окладом в 5220 руб. (62640 руб. в год)³⁰⁶.

Многие историки и археологи Казани преподавательскую и исследовательскую деятельность в вузах, музеях совмещали с участием в деятельности научных обществ. В частности, в персональной карточке доцента кафедры русской истории Восточного педагогического института Е.И. Чернышева значилось, что наряду с преподавательской работой по совместительству он был членом Правления ОАИЭ (с 1920 г.), секретарем НОТ (с 1923 г.), работал в Управлении Центрального архива Татарской АССР (1923–1924 гг.)³⁰⁷. Штатный профессор института Н.Н. Фирсов также состоял в ОАИЭ, НОТ³⁰⁸. Частым явлением была административная

³⁰³ Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция 1900–1917 гг. М.: Мысль, 1981. С. 99.

³⁰⁴ НА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 3. Л. 15, 15об.; НА РТ. Р-1339. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.

³⁰⁵ НА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 2л. Д. 16. Л. 5, 6.

³⁰⁶ НА РТ. Ф. Р-2021. Оп. 1. Д. 12. Л. 24.

³⁰⁷ НА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 5. Д. 118. Л. 1об, 2; НА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 5. Д. 118. Л. 6об.

³⁰⁸ НА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 5. Д. 114. Л. 3–3об.

деятельность в Наркомпросе Татарской АССР. Тот же Е.И. Чернышев в пору организационного становления этого исполнительного органа занимал должность инструктора внешкольного отдела и заведующего лекционным бюро Политпросвета, секретаря научного отдела наркомата (1919–1920 гг.)³⁰⁹. Это в очередной раз подтверждает вывод о том, что происходил отток представителей профессорско-преподавательского состава из вузов и научных учреждений на хозяйственные и административные должности (интересный факт: будущий археолог А.П. Смирнов в 1921–1922 гг. работал бухгалтером в Московско-Бедняковском сельскохозяйственном училище)³¹⁰. Соответственно, социальные условия жизнедеятельности ученых напрямую сказывались и на их научной деятельности. Начало 1920-х гг. традиционно оценивается историками как время спада научной активности³¹¹.

Жалованья не хватало для плодотворной преподавательской и исследовательской работы, поэтому распространенной практикой становились регулярные ходатайства о предоставлении субсидий, подтвержденные мотивировками. В мотивировке, написанной Е.И. Чернышевым в июле 1927 г. для Правления ВПИ, отмечается, что жалованья в 92 р. 66 коп. хватает ученому и его семье лишь для «полуголодного существования». При этом ученый пишет, что отказ в финансировании командировки и научных изысканий может поставить его «перед дилеммой изменения направления моих научных занятий, т.к. из-за недостатка в средствах мне приходится откладывать завершение моего исследования, затянувшееся уже на 3-й год»³¹².

Когда в конце 1920-х гг. научная жизнь интенсифицируется, и результаты труда ученых становятся востребованными властью и обществом,

³⁰⁹ НА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 5. Д. 118. Л. 7.

³¹⁰ Овчинников А.В. Подготовка кадров для археологической науки в 20-е годы XX века // Проблема качества исторического образования в системе высшей школы. Сборник науч. статей и сообщений. Казань, 2008. С. 124.

³¹¹ Хабибрахманова О.А. Указ. соч. С. 123.

³¹² НА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 5. Д. 118. Л. 12об.

распространение получают договорные правоотношения с исследователями. Научные учреждения Казани в годы проведения комплексных экспедиций заключали с археологами и историками договоры на издание их работ. В НА РТ сохранились договоры: ОИТ с этнографом С.Н. Юрневым на издание материалов этнографической поездки в Спасский и Чистопольский кантоны Татарской АССР летом 1929 г. в объеме 5 п.л. с гонораром в 100 руб. за один печатный лист; ДТК с историком Н.Н. Фирсовым на издание «Истории характеристики и эскизы» объемом в 7-8 п.л. и гонораром в 75 руб. за один печатный лист³¹³. Такие расценки были сопоставимы с месячными окладами научных сотрудников того времени. В частности, имеются сведения из финансовых отчетов научных учреждений о том, что в декабре 1926 – апреле 1927 гг. месячный оклад директора Центрального музея ТССР Н.И. Воробьева составлял 63 руб. 71 коп., заведующий историко-археологическим отделом Н.Ф. Калинин получал на руки 53 руб. 37 коп.³¹⁴. В 1927–1928 гг. секретарь НОТ получал месячный оклад размером в 50 руб., а заведующий ДТК (объединявшего ряд организаций) Ф. Хасанов (а затем с 1930 г. З. Мухсинов), имел оклад в 159 руб. 21 коп.³¹⁵. В 1930 г. в сравнительной перспективе в целом по СССР зарплаты рабочих варьировались от 30 до 180 руб. в месяц, а пуд муки на рынке стоил 20 – 30 руб., килограмм мяса – 9 руб., литр молока – 1 руб., килограмм масла – 7 руб., десяток яиц – 2 руб. В этой ситуации даже была введена карточная система; в 1931 г. профессора и доценты вузов стали снабжаться по нормам индустриальных рабочих³¹⁶.

Придавая особое значение социальному обеспечению научной интеллигенции, государство создавало особые организационные структуры. В частности, в начале 1920-х гг. при Татарском обкоме РКП(б) была создана

³¹³ НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 26. Л. 66–67об.; НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 26. Л. 86–86об.

³¹⁴ НА РТ. Ф. Р-2021. Оп. 2л. Д. 20. Л. 12–13, 18–19.

³¹⁵ НА РТ. Ф. Р-439. Оп. 1. Д. 25. Л. 134, 176.

³¹⁶ Шипилов А.В. Зарплата российского профессора в ее настоящем, прошлом и будущем // *Alma mater. Вестник высшей школы*. 2003. № 4. С. 40.

комиссия по улучшению быта рабочих и служащих, одной из задач которой было изыскание средств и путей улучшения быта работников просвещения путем массового обследования как образовательных учреждений, так и условий жизни самих работников³¹⁷.

В отношении ученых властью предпринимались меры по их социальной защите и обеспечению наряду с такими социальными категориями, как женщины, национальные меньшинства, голодающие и дети. Соответственно по этому случаю в структуре обкома партии и исполнительных органов власти создавались специальные комиссии, занимавшихся решением оперативных вопросов (деткомиссия, отдел нацмен, комиссия по улучшению труда и быта женщин). Позже эта комиссия передала свои полномочия профессиональной организации ученых – Секции научных работников, которая преследовала цель не только материального обеспечения научной интеллигенции, но и укрепления профессиональной дисциплины и распространения марксистских идей среди ее членов. Как отмечает казанский историк О.А. Хабибрахманова, целенаправленная социальная политика советской власти в отношении казанской интеллигенции имела своей целью классовое разделение интеллектуальной элиты по научным заслугам, уровню лояльности к власти и близости к социально-экономическим задачам социалистического развития страны³¹⁸.

Подводя итог, следует отметить, что для казанской научной интеллигенции период 1920-х гг. складывался противоречиво: с одной стороны, тяготы гражданской войны сопровождались структурными изменениями в науке и образовании, что давало многим надежду на улучшение условий научной деятельности и подготовки новых кадров археологов и историков. С другой стороны, оживление научной жизни и археологических изысканий соседствует с разрушением исторического

³¹⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1132. Л. 1.

³¹⁸ Хабибрахманова О.А. Указ. соч. С. 128.

образования и бесплодными попытками создания археологического направления подготовки молодых специалистов для оживившегося историко-краеведческого движения.

Таким образом, рассматриваемый период 1917 – конца 1920-х гг. был временем поиска рациональных организационных форм научных исследований в Татарской АССР. Вся научная работа строилась на основе взаимодействия историко-краеведческих обществ, местных музеев и государственных органов. Одновременно с институциональными процессами трансформацию в интеллектуальный слой нового типа переживала казанская научная интеллигенция, по-новому выстраивающая взаимоотношения с властью и социальными институтами общества.

Глава II. Развитие археологической науки Татарской АССР в 1930-е гг.

Совершенно иным по своему внутреннему содержанию в развитии казанской археологии предстает период 1930-х гг. При этом внутри данного периода можно выделить два качественно отличающиеся друг от друга этапа. Основные его тенденции первого из них (начало – середина 1930-х гг.) состояли в сокращении историко-археологических исследований в начале 1930-х гг., резком уменьшении численности научных учреждений, ведущих археологические изыскания. При этом сокращаются исторические сюжеты в развитии местной археологической науки, что сказалось и на количестве архивных источников рассматриваемого периода. С конца 1920-х гг. и на протяжении двух десятков лет в Татарской АССР постоянно работали всего два археолога – Н.Ф. Калинин и А.П. Смирнов, которые в своем сотрудничестве и взаимодействии заложили основы многих направлений региональной археологии³¹⁹. На втором этапе (вторая половина 1930-х – начало 1940-х гг.) активизируются археологические исследования региона силами столичных организаций и Центрального музея Татарской АССР, возобновляется историческое образование в Казанском университете и возникает Татарский научно-исследовательский институт языка и литературы, взявший на себя разработку исторической проблематики.

II.1. Общенаучная ситуация в советской исторической и археологической науке в 1930-е гг.

Развитие советской науки, в целом, а также истории и археологии, в частности в изучаемый период протекало в довольно сложных общественно-

³¹⁹ См. подробнее: Руденко К.А. Казанские археологи во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов: личности, научное творчество и модели поведения (к постановке проблемы) // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 356–361.

политических условиях. С конца 1920-х гг. в советском обществе усиливается взаимная подозрительность, растет количество жалоб и доносов в отношении различных групп населения, в том числе и научно-педагогических кадров. Учителей школ, преподавателей вузов и ученых обвиняли в антисоветской деятельности, старых связях с «белым» движением, причастности к религиозным кругам. Отчетливо это заметно по архивным документам. Соответственно, советскими партийными и исполнительными органами предписывалось «тщательно и максимально глубоко изучать педагогические коллективы с точки зрения выявления классово враждебных элементов» и того, «насколько коллектив... в своей повседневной работе проводит директивы партии и правительства...»³²⁰. Такое отношение государственно-партийных структур к различным социальным группам зависело от роли социальных институтов (в состав которых эти группы входили) в деле социалистического строительства.

II.1.1. Общенаучная ситуация в советской исторической науке. В 1930-е гг. под воздействием внешнесоциальных факторов (настроений общества, социального заказа, партийно-государственного давления) и внутринаучных закономерностей историческая наука претерпевает серьезную трансформацию.

Справедливости ради надо отметить, что к тому времени вся советская наука в целом переживала количественный рост и качественные сдвиги, выразившиеся в дифференциации на организационно обособленные секторы академической, вузовской и отраслевой науки, в увеличении объемов научной деятельности, численности научных учреждений, персонала. Новая организация науки предполагала утверждение принципа плановости, означавший поворот к планомерной, задаваемой и контролируемой сверху работе в интересах социалистического строительства. В этом отношении рубежным событием была I Всесоюзная конференция по планированию

³²⁰ НА РГ. Ф. Р-3682. Оп. 39. Д. 15. Л. 27.

научно-исследовательской работы, состоявшаяся в апреле 1931 г. Ее лейтмотивом стала формулировка: «план науки должен быть производным от общего народнохозяйственного плана». Новая организация науки вела к смене типа профессионального ученого: «кустарь-одиночка» отходит в прошлое, на смену идут крупные научно-исследовательские организации с фабрикоподобной структурой, с разделением научного труда, со своими цехами (отделами), с координацией частей, со своим типом и со своим ритмом работы, с ее внутренним планом»³²¹. Речь шла о такой организации науки, которая обеспечивала бы мобильность и регулируемость или, говоря словами советского почвовед А.А. Ярилова, позволяла бы перебросить, сконцентрировать «на нужных участках и в нужное время индивидуальные и коллективные научные силы для разрешения важнейших очередных народнохозяйственных проблем»³²². Современный отечественный интеллигентовед С.И. Романовский называет этот период коллективизацией советской науки, связывая его с подчинением научной мысли потребностям тоталитарной системы («приемлемая наука»), огосударствлением АН СССР³²³.

К характерным чертам науки этого времени можно отнести стремление к самодостаточности, изолированности отечественного научного сообщества, становление новой научной элиты, в основе которых лежали как внешнесоциальные факторы, общая историческая ситуация, так и внутринаучные факторы. На данный феномен указывают многие отечественные историки науки³²⁴.

³²¹ I Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы, 6–11 апреля 1931 г. Стенографический отчет. М.–Л.: Соцэргиз, 1931. С. 11.

³²² Там же. С. 66.

³²³ Романовский С.И. «Притащенная» наука. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 161.

³²⁴ Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // ВИЕТ. 1996. № 3. С. 22; Корзун В.П., Колеватов Д.М. Социальный заказ и трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие («На классиков, ровняйся!») // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 2. Омск, 2006. С. 200.

С введением принципа плановости руководство наукой заняли представители партийной интеллигенции, завоевавшие посты в ходе бурного создания новых структур и чисток «буржуазных специалистов». В частности, в планах на первую пятилетку отмечалось: «исходить из необходимости... довести численность коммунистов среди научных работников до 25% от их общего числа...»³²⁵. Наука была поставлена под строгий идеологический контроль. Идеологическое давление выступало важнейшим элементом кадровой политики партии не только на всем протяжении рассматриваемого периода, но и, по мнению Ю.И. Кривоносова, продолжалось вплоть до 1980-х гг.³²⁶ Ученые должны были строить свои исследования на базе исторического и диалектического материализма и сверять свои научные выводы с теоретическими выводами классиков марксизма, что ставило на первый план проблему соответствия научных и идеологических установок. Как отмечает А.В. Сидоров, тем самым вырабатывалась система шаблонов, на основании которых и делались выводы о соответствии исследовательских работ марксизму³²⁷. Другой неотъемлемой частью перестройки науки на плановых началах стали репрессии. По словам Э.И. Колчинского, испытанные на «буржуазных специалистах» технические приемы террора с середины 1930-х гг. применялись по отношению к новым коммунистическим кадрам в науке³²⁸. Широко распространилась зародившаяся еще в конце 1920-х гг. практика научной самокритики и покаянных статей³²⁹.

В 1930-е гг. для исторической науки определяющей чертой стала государственно-политическая детерминированность ее развития. Отсюда —

³²⁵ Цит. по: Кривоносов Ю.И. Партийные органы и формирование кадровой политики в сфере науки (двадцатые – восьмидесятые годы XX века) // Институт истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова РАН. Годичная научная конференция 2003 г. М.: Диполь-Т, 2003. С.174.

³²⁶ Кривоносов Ю.И. Указ. соч. С.175.

³²⁷ Сидоров А.В. Марксистская историографическая мысль 20-х годов. М.: Университетский гуманитарный лицей, 1998. С. 187.

³²⁸ Колчинский Э.И. Наука и консолидация советской системы в предвоенные годы // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 730.

³²⁹ См., напр.: Арциховский А.В., Киселев С.В., Смирнов А.П. Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии» // Сообщения ГАИМК. 1932. № 1–2. С. 46–48; Равдоникас В.И. На новый этап // Сообщения ГАИМК. 1932. № 1–2. С. 49–60.

и плановость исследований, и полное подчинение науки требованиям партийно-идеологической системы, и запрет любой научной альтернативности марксизму, и множество табуированных тем, имен, документов. История стала важнейшим инструментом идеологического воспитания, и с 1930-х гг. советские государственно-партийные органы диктовали «существенное содержание, трактовку основных вопросов, освещение событий и характеристики главных персонажей; диктовали исторической науке ее идейную базу, методологию, круг используемых источников и доступной литературы, возможности публикации результатов и многое другое»³³⁰.

Соответственно, грань между историей как наукой и политической пропагандой стерлась. За историей прямо закреплялась роль «сильнейшего орудия классовой борьбы на идеологическом фронте», ключа «к правильному пониманию современных политических событий», что помогает «сознательным и активным гражданам, патриотам социалистической Родины» понять перспективы развития общества, народов и государств»³³¹.

В середине 1930-х гг. была развернута широкая кампания по пересмотру истории, цель которой состояла в переоценке русского прошлого и взаимоотношений разных народов, вошедших в состав Советского Союза. По отношению к данной проблеме в современной историографии существуют два подхода, условно выделенные С.В. Константиновым³³². Хотя, на наш взгляд, они не являются взаимоисключающими.

Первая группа исследователей, к которым он отнес В.Г. Сироткина, Е.В. Анисимова, считают, что пересмотр дореволюционной истории России в середине 1930-х гг. вызван по большому счету внутренними факторами –

³³⁰ Рейман М. Перестройка и изучение советской истории // ВИ. 1989. № 12. С. 146.

³³¹ О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // ВИ. 1949. № 2. С. 3.

³³² Константинов С.В. Историческая наука России в идеологии ВКП(б) 30-х гг. // Историческая наука в России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 218.

стремлением укрепить режим личной сталинской диктатуры, поддержать легитимность правления, успешно внедряя в общественное сознание тезис о капиталистическом окружении (охарактеризованным И.В. Сталиным как «очень реальное и неприятное явление»³³³). Эта позиция созвучна и с точкой зрения В.Д. Соловья, который утверждает, что начиная с 1930-х гг. отношение власти к русской истории и вообще к русскому национальному фактору носило функциональный, инструментальный характер. Они использовались для укрепления основы политического режима (монополярная власть партии, коммунистическая идеология) и реализации главных государственных приоритетов, которые не изменились с дореволюционных времен: территориальная целостность, политическая стабильность, поддержание статуса великой державы³³⁴. То же самое можно сказать и про Д. Волкогонова, М. Реймана, которые выделяли в изменении партийной политики по отношению к истории прежде всего политические мотивы³³⁵.

Другие историки (А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, В.А. Корецкий) поворот к «державной идеологии или... к идеологии советского государственного патриотизма» считали следствием освобождения советского руководства «от ультрареволюционной эйфории первых послеоктябрьских лет»³³⁶. Напомним, что 1920-е гг. прошли в ожидании мировой революции, на что историк М.Н. Покровский писал: «раз началась пролетарская революция, она должна разворачиваться во всеевропейском масштабе, или она падет и в России»³³⁷. И поскольку с середины 1930-х гг. теория построения социализма в отдельно взятой стране окончательно сменила в СССР ранее доминировавшую идею

³³³ Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М.: Издательство «Писатель», 1997. С. 154.

³³⁴ Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории — М.: Издательство «Русский Мир», 2008. С. 282.

³³⁵ Волкогонов Д. Сталинизм, сущность, генезис, эволюция // ВИ. 1990. № 3. С. 12; Рейман М. Перестройка и изучение советской истории // ВИ. 1989. № 12. С. 146.

³³⁶ Барсенков А.С., Вдовин А.И., Корецкий В.А. Русский вопрос в национальной политике. XX век. М, 1993. С. 109.

³³⁷ Цит. по: Вдовин А. И. Русский народ в национальной политике и идеологии 1917 – начала 30-х годов [Электронный ресурс] // Православный образовательный портал «Слово». 27.06.2009. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/41144.php> (дата обращения: 26.11.2010 г.).

мировой революции, то основной задачей истории стало формирование новых ценностных ориентиров советского общества, в частности патриотизма, коммунистической убежденности, тех «волевых качеств, которые так необходимы каждому гражданину СССР в нынешней сложной международной обстановке»³³⁸.

Так или иначе, утверждение новых ценностных ориентиров, прежде всего воспитание патриотизма, сопровождалось изменениями и в сфере исторической науки и образования, которые стали использоваться как важное средство целенаправленного формирования общественного исторического сознания и воспитания патриотических чувств. И.В. Сталин, сосредоточивший в своих руках всю полноту власти к началу 1930-х гг., указывал на интегрирующую роль русского народа в истории и современности: «Русский народ в прошлом собирал другие народы. К этому же собирательству он приступил и сейчас»³³⁹. Меняется ракурс освещения истории взаимоотношений Российского государства с нерусскими народами, трансформируется идеал исторического деятеля в научной и художественно-публицистической литературе (Петр I, Иван Грозный, Александр Невский и др.). История вновь, как и в дореволюционное время, приобретала государственно-патриотический характер.

Меняется также и содержание процесса преподавания истории в школе, когда вместо абстрактного социологического схематизма решающим условием прочности усвоения учащимися курса истории становится «соблюдение историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий с обязательным закреплением... важных

³³⁸ Цит. по: Гордина Е.Д. История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе. 2010. № 3. С. 9.

³³⁹ Цит. по: Дубровский А.М. От проблем исторического образования к новому облику исторической науки [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Открытый текст». URL: http://www.opentextnn.ru/history/historiografy/?id=2991#_ftnref53 (дата обращения 10.11.2011 г.).

исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат»³⁴⁰. Одновременно с этим высшее партийно-правительственное руководство страны ставило задачу подготовки профессиональных преподавательских кадров. К этому времени относится открытие исторических факультетов, педагогических институтов, кафедр истории, археологии, филиалов АН СССР с институтами истории в столицах союзных республик и крупных городах страны. В 1936 г. на основе Института истории Коммунистической академии и Историко-археографического института АН СССР был создан Институт истории АН СССР, к которому перешла разработка фундаментальных проблем истории страны с древнейших времен.

Институциональные изменения в 1930-х гг. были продиктованы не только внутренней логикой развития науки, но и актуальными задачами научной политики государства. Новой формой организации научной деятельности становится научно-исследовательский институт. К этому времени относится усиление планирования тематики и контроля над работой научно-исследовательских институтов, которые к тому же были разделены на различные типы. Применительно к социогуманитарной проблематике, в целом, и исторической, в частности, можно выделить следующие:

а) центральный (ведущий) научно-исследовательский институт, разрабатывающий вопросы науки в целом и являющийся методологическим и методическим научным центром для остальной сети соответствующих научных учреждений (Академия наук СССР);

б) отраслевой научно-исследовательский институт, разрабатывающий вопросы отдельных отраслей социальных наук, и призванный оказывать практическую помощь, обобщать опыт научно-исследовательской работы низовых научных учреждений (Институт истории АН СССР с 1936 г., Институт истории материальной культуры АН СССР с 1937 г.);

³⁴⁰ Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М., 1974. С. 166.

в) научно-исследовательский институт при вузе, увязывающий разработку вопросов отрасли науки как с научно-учебными нуждами университета, так и с потребностями соответствующей отрасли общественной науки;

г) областные научно-исследовательские институты, разрабатывающие вопросы науки применительно к нуждам и особенностям данной области, края, нацреспублики (ТНИЭИ с 1930 г., ТНИИЯЛИ с 1939 г. – в ТАССР);

д) региональный краеведческий (комплексный) научно-исследовательский институт, разрабатывающий вопросы развития местных производительных сил и осуществления задач культурной революции на территории региона (ТНИИКС им. М. Горького с 1931 г.)³⁴¹.

Если первые два типа институтов были представлены на союзном уровне, то оставшиеся организовывали научную деятельность историков, археологов и краеведов на местном уровне. Правда, не все перечисленные типы НИИ могли присутствовать в региональной структуре исторической науки. В частности, на протяжении 1920-х – 1930-х гг. вузовская историческая наука в Казани не играла сколь-нибудь существенной роли в разработке и решении научных проблем, замыкаясь на преподавании и подготовке специалистов. И, наоборот, начиная с 1920-х гг. здесь ведут отсчет попытки создания национального научного центра, которые завершаются в 1939 г. образованием Татарского НИИ языка, литературы и истории.

То же самое касается и НИИ краеведческой направленности, которые с начала 1930-х гг. пришли на смену добровольным общественным организациям, и по сути являлись бюрократическими органами с административными методами управления. В качестве оперативной задачи перед многими музеями страны ставилась борьба с устарелостью и

³⁴¹ Постановление Совнаркома РСФСР о рационализации сети научно-исследовательских учреждений РСФСР от 29 октября 1931 г. // Организация советской науки в 1926–1932 гг. Сборник документов. Л.: Наука, 1974. С. 50–51.

формализмом в построении экспозиций, слабым отражением успехов социалистического строительства в регионах.

Постановка новых образовательных задач в середине 1930-х гг. не только обусловила программные и организационные изменения в самой исторической науке, перестройку исследовательской работы ученых, но и определила внимание историков к проблеме создания учебников для школы и вузов. Это в свою очередь способствовало расширению проблемно-тематической структуры исторических исследований и осмыслению советскими историками ряда проблем исторического развития страны и ее национальных территорий.

В изданном в 1937 г. сборнике документов и материалов, освещающем историю Татарии с IX до середины XIX вв., отмечалось, что работа над историей отдельных народов СССР еще только начинается, на тот момент Татария, народы Среднего Поволжья не имели своей написанной истории³⁴². Поэтому к этому времени в ТАССР появляются первая научно-справочная работа по истории и культуре народов края, претендующая на фундаментальность. Однако она так и осталась незавершенной, однако позже стала основой для написания Истории ТАССР 1956 г. Вместе с тем, предпринимались определенные шаги по написанию историй национальных республик (Казахской АССР, Башкирской АССР) в сотрудничестве как местных историков и писателей, так и известных ученых из Москвы и Ленинграда. Стил ь написания, с помощью которого последовательно изображалось первое появление человека на территории, происхождение этнонима, героическое прошлое народов, вхождение в состав Российского государства, историю их революционной борьбы, позднее, в 1940-х гг. был распространен на большинство исторических работ, посвященных национальным республикам Советского Союза.

³⁴² История Татарии в материалах и документах. М.: Институт истории АН и Татарский научно-исследовательский институт марксизма-ленинизма, 1937. С.3.

Во внутренней политике сочетание высокого уровня централизации власти и национального принципа в построении государства отчетливо проявилось в национальном подходе к подбору партийных и советских кадров. Политика коренизации, или привлечения на руководящие должности представителей «коренной национальности», начало которой было положено на XII съезде партии в 1923 г., привела к формированию этнических элит и институтов национально-государственных образований, и впоследствии создала институциональные, экономические, кадровые и социокультурные предпосылки для формирования новых наций и возникновения национальных государств. Правда, стоит отметить, что не везде процесс коренизации был последовательным, в частности, как отмечает З.Г. Гарипова, в ТАССР «он был зигзагообразный и неоднозначный», но вплоть до конца 1930-х гг. он продолжал играть заметную роль в политике местных органов власти³⁴³.

II.1.2. Развитие советской археологической науки в 1930-е гг. Период 1930-х гг. в отечественной археологии исследователями разделяется на два временных отрезка, водоразделом которых являлась середина десятилетия. В.Ф. Генинг к середине 1930-х гг. относил завершение нового, социологического, направления науки, сущность которого «состояла в том, что археологические памятники стали рассматриваться как источники для изучения развития социальной жизни древних обществ»³⁴⁴. Содержанием этапа стала разработка методологических проблем и постановка вопросов по изучению общественно-экономических структур обществ прошлого. Г.С. Лебедев считал 1930-е гг. началом господства стадияльной концепции вплоть до 1951 г., правда, с оговоркой, что «теорию стадияльности» перестали применять уже в начале 1940-х гг.³⁴⁵. Заслуживает отдельного

³⁴³ Осуществление политики коренизации в Татарстане в документах. 1920–1930-е гг. / Автор-составитель кандидат исторических наук З.Г. Гарипова. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 4.

³⁴⁴ Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. С. 176.

³⁴⁵ Историю марризма см.: Слезкин Ю. Н.Я. Марр и национальные корни советской этногенетики // НЛО. 1999. № 36. С. 48—82.

внимания региональная специфика развития археологической науки в это время. В частности, К.А. Руденко для казанской археологии выделил вульгарно-социологический (1929–1932) и сменивший его стадийно-формационный период (1933–1938), основным содержанием которых стала перестройка методологических оснований науки в различных вариантах³⁴⁶. Перечисленные исследователи свое внимание уделяли изучению социально-политических условий развития археологической науки, ее организационных форм, механизмов формирования научного сообщества, его отношений с институтами власти.

Но в целом, необходимо отметить, что рубеж 1920—1930-х гг. стал для археологии временем перемен как в организационном, так и содержательном плане. Претерпевает изменения отношение государства к науке, вместо диалога утверждается тенденция подчинения науки интересам политики и идеологии. Это – время резкой и насильственной «марксизации» науки, осуществленной поколением радикально настроенных молодых людей, многие из которых в тот момент либо были аспирантами и студентами, либо вообще не имели серьезной профессиональной подготовки.

«Культурная революция» в конце 1920-х – начале 1930-х гг. повлияла на многие сферы искусства и науки. Понимаемая как классовая борьба на культурном фронте, она проявлялась в науке в целом ряде последовательных шагов: лишении автономии Академии наук и научного сообщества, радикальных программах «большевизации» науки, ее реконструкции на основе диалектического материализма и др. Несмотря на различные трактовки «культурной революции» среди самих партийных идеологов, более близка к реальным событиям была точка зрения, предложенная Н.И. Бухариным, понимавшим под ней особую форму классовой борьбы, нацеленную на создание нового командного состава в сферах управления, науки, культуры. Это была прежде всего борьба за доминирование марксизма

³⁴⁶ Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. С. 252.

в науке и культуре – вплоть до создания новых кадров марксистов-историков, марксистов-археологов³⁴⁷. Руководители государства, используя военную терминологию, науку представляли в виде крепости, которую «должны взять во что бы то ни стало» и главную роль в этом «массовом походе» они отводили молодежи: «Эту крепость должна взять молодежь, если она хочет быть строителем новой жизни, если она хочет стать действительной сменой старой гвардии»³⁴⁸. Основные цели инициаторов культурной революции были едины в различных научных дисциплинах: достижение монопольного положения в них марксистской идеологии и соответствующим образом ориентированных ученых, построение на этой основе «новых» наук, альтернативных «буржуазным». Это определяло общий ритм и общие механизмы культурной революции, которая завершается институционализацией советской науки³⁴⁹.

Катаклизмы не миновали и археологию. Большинство исторических учреждений страны было закрыто, были упразднены факультеты общественных наук в университетах, организации, специализировавшиеся на краеведении, были закрыты. Многие ученые нерусской национальности были репрессированы как «буржуазные националисты».

Археология была подвергнута жесткой критике как «буржуазная» наука, идущая «по руслу и дорожкам старой дореволюционной археологии» и «на поводу западноевропейской буржуазной мысли». Прежняя археология объявлялась вещеведением, а «старым археологам» вменялось в вину «исследование вещественных памятников в отрыве от изучения форм общества и условий производства», а также использование ошибочных методов и построений – теории миграции, культурных кругов, формально-

³⁴⁷ См., напр.: Бухарин Н.И. Ленинизм и проблема культурной революции // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С. 368–390.

³⁴⁸ Сталин И.В. Речь на VIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 77.

³⁴⁹ Филатов В.П. Указ. соч. С. 245; Макаренко В.П. Этатизация науки: советский опыт // Правоведение. 2006. № 2. С. 216.

типологического метода систематизации археологического материала³⁵⁰. За подобной агрессивной концепцией, созданной сотрудником ГАИМК В.И. Равдоникасом (1894–1976), стояла мощная пропагандистская машина, подчинившая себе всю систему археологического образования, а, с некоторыми оговорками, и научную практику. Вполне справедливое описание той ситуации дал А.А. Формозов, отметивший, что с одной стороны, в основе внедрявшейся в археологию стадияльной схемы лежит идея эволюционного процесса как фундаментального явления всемирного масштаба, а с другой стороны, ее пороками были «бездумное стремление к универсальности этой схемы, невнимание к местным путям развития, к многолинейности в развитии культуры, обязательный автохтонизм, огульное отрицание роли миграций в истории человечества и – самое главное – насильственные методы насаждения этой концепции как единственно приемлемой для ученых СССР в сочетании с репрессиями инакомыслящих»³⁵¹.

Кадровый состав центрального археологического учреждения – ГАИМК – претерпел изменения. Научное сообщество археологов (и в целом всех исследователей) было разделено на 3 группы: небольшой круг «молодых ученых советской формации», значительная прослойка «исследователей старой школы», которые не имели достаточной теоретической подготовки и «антимарксистские элементы», вербально признающие методологию диалектического материализма и даже идущие на прямое сопротивление³⁵². Оправдывая кадровые перестановки тем, что «социальное прошлое... подавляющего большинства работников Академии... исключало возможности внутреннего перерождения Академии в сторону нового», ряды

³⁵⁰ См., напр.: Целевая установка и новые задачи ГАИМК // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. № 2. С. 1–4; Мещанинов И.И. Теория миграции и археология // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. № 9–10. С. 33–39; Быковский С.Н. О классовых корнях старой археологии. С. 7–11.

³⁵¹ Формозов А.А. О периодизации истории отечественной археологии // РА. 1994. № 4. С. 224.

³⁵² Равдоникас В.И. О применении метода... С.4–5.

организации пополнили сотрудники Коммунистической академии Ф.В. Кипарисов (1884–1937), С.Н. Быковский (1896–1936), А.Г. Пригожин (1896–1937), не имевшие археологического образования. Это были те самые марксисты-общественники, марксисты-революционеры, которые стали проводниками марксистской философии и учения Н.Я. Марра в археологические исследования, из-за чего подобные тенденции получили название у историографов «историзации» археологии»³⁵³. Кадровые перестановки, назначения лояльных людей, не имевших связей с ученым сообществом, имевшие место в конце 1920-х – начале 1930-х гг. во всех отраслях советской науки, были универсальным выражением тенденции ужесточения государственного контроля за наукой. Новые кадры зачастую подбирались по благонадежности, а не по таланту и научным знаниям³⁵⁴. Важным качеством считалось передавать идущие сверху директивы, а ученые были малопригодны для роли простых проводников, поскольку мыслящие люди большевикам негодились, «ибо мыслящий может и не учитывать указаний, спускаемых сверху»³⁵⁵.

По поводу методов кадровой работы один из «новых» археологов – С.Н. Быковский в 1931 г. писал: «Для тех, кто марксистски мыслить не может, должны быть применены методы воздействия более сильные, чем разъяснение и убеждение»³⁵⁶. В целом отношение советской власти к ученым ничем не отличалось от отношения к любому частному лицу, которое сформулировал В.И. Вернадский в 1936 г.: «Отношение к нему определяется целесообразностью; оно совершенно различно для различных категорий и отдельных личностей, меняясь в связи с ходом времени»³⁵⁷.

³⁵³ См., напр.: Монгайт А.Л. Возникновение и первые шаги советской археологии // История СССР. М., 1963. № 4. С. 75–94.

³⁵⁴ Макаренко В.П. Этатизация науки. С. 218.

³⁵⁵ Поповский М.А. Указ. соч. С. 46.

³⁵⁶ Быковский С.Н. Какие цели преследуются некоторыми археологическими исследованиями? // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. № 4–5. С. 20.

³⁵⁷ Цит. по: Сорокина М.Ю. Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. Материалы научной конференции. СПб: Нестор, 1997. С. 248–254.

Именно эти теоретики объявили о необходимости коренной ломки ГАИМК и всей археологической деятельности в стране. Используя военные метафоры тех лет, ими всеми способами насаждалась мысль о том, что на археологическом участке научного фронта «мы имеем совершенно несомненное отставание научной работы от практики социалистического строительства», неудовлетворительно проходит работа по воспитанию новых кадров, «изменению их социального «профиля» и политического лица»³⁵⁸. Но самое главное, что теоретиками ГАИМК было уточнено место археологии в системе наук, которое не выходило за рамки вспомогательной исторической дисциплины³⁵⁹. Задачей науки стало изучение хозяйства, быта и общественного устройства древних обществ с опорой на марксистскую методологию. Подобное утверждение было закреплено резолюцией Всероссийского археолого-этнографического совещания в 1932 г.³⁶⁰.

Марксистско-ленинской археологии, замененной термином «история материальной культуры», предписывалось сосредоточиться на реконструкции всего спектра общественных отношений в рамках социально-экономических формаций на всем протяжении единого исторического процесса³⁶¹. Соответственно в числе новых исследовательских задач ГАИМК ставилось изучение материальной культуры капитализма и строящегося социализма³⁶². Изучение памятников культуры в становлении и развитии имело целью раскрыть характер не только производственных отношений, но и «обратного воздействия надстройки, изменчивого мышления и изменчивого мировоззрения»³⁶³. Ключом к правильной интерпретации

³⁵⁸ Наши задачи в связи с Постановлением ЦК ВКП (б) от 15 марта 1931 // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. № 6. С. 2.

³⁵⁹ Всероссийское археологоэтнографическое совещание // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1932. № 7–8. С.3.

³⁶⁰ Быковский С.Н. К итогам Всероссийского археолого-этнографического совещания // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1932. № 11–12. С.7–11.

³⁶¹ Целевая установка и новые задачи ГАИМК // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. № 2. С. 2–3.

³⁶² Наши задачи в связи с Постановлением... С. 3.

³⁶³ Марр Н.Я. Что дает яфетическая теория истории материальной культуры // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. № 11–12. С. 8.

ископаемых объектов было новое учение о языке, а методом – диалектический материализм.

Предшествующие попытки молодых сотрудников РАНИОН создать марксистскую археологию были признаны идейно-порочными³⁶⁴. Они были вынуждены отказаться от своих взглядов, результатом чего стала коллективная статья А.В. Арциховского, С.В. Киселева и А.П. Смирнова, в которой они признавались в мелкобуржуазных взглядах, механистическом понимании предмета археологии сквозь призму идей Н.И. Бухарина. Метод «покаянных статей» широко использовался с конца 1920-х гг., что дало отечественному историку археологии Н.И. Платоновой повод назвать его «нескончаемым нравственным истязанием», примерно выглядевшим так: от сотрудников требовали доклады с публичным отречением от прежних методов работы и от своего научного руководителя, а затем с осуждением выступали их коллеги³⁶⁵.

Кстати, апофеозом выступления молодых ученых стало признание о того, что «при диалектико-материалистическом понимании исторических источников археология теряет право на существование как самостоятельная и даже как вспомогательная наука. Она подлежит упразднению»³⁶⁶. О сложных условиях существования ученых, вынужденных доказывать необходимость существования своей науки, свидетельствует татарский литературовед Али Рахим (Г.М. Габдрахимов), который в статье о татарских эпиграфических памятниках XVI в. пишет, что «в настоящее время со стороны некоторых товарищей замечается довольно пренебрежительное, иногда даже прямо отрицательное отношение к археологии. Археология в их глазах является наукой чуть ли не реакционной, занимающейся

³⁶⁴ См., напр.: Равдоникас В.И. О применении метода диалектического материализма к истории доклассового общества // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. № 9–10. С.5–32.

³⁶⁵ Платонова Н.И. История археологической мысли... С. 184.

³⁶⁶ Арциховский А.В., Киселев С.В., Смирнов А.П. Возникновение, развитие и исчезновение... С. 48.

«гробокопательством» в ущерб изучению живых производительных сил... Конечно, нельзя утверждать, что археология имеет прямое, актуальное значение в деле социалистического строительства сегодняшнего дня, ...но при изучении исторических общественных форм именно археология дает нам материал и документальное обоснование в отношении наиболее отдаленных эпох, чем способствует разрушению идеалистических воззрений в этой области и утверждению материалистически-марксистских взглядов»³⁶⁷.

Но даже несмотря на категорические высказывания, археология не перестала существовать. «Марксизация», естественно, отразилась на представлениях о предмете и задачах археологических исследований. Археологи переключились главным образом на реконструкцию хозяйства и социально-экономических отношений древности. Упор делался на социологическую тематику. Прежнее разнообразие школ и направлений в археологии уступило место попыткам вписать ее в общеобязательное русло исторического материализма.

Однако вскоре подобные тенденции под влиянием ряда причин были приостановлены. Переломным событием в постановке новых задач перед археологией, которые составили основное содержание следующего периода развития науки, стало постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) «О преподавании гражданской истории в школе» 1934 г. По словам Г.С. Лебедева, этим спасительным шагом в системе народного образования история была реабилитирована, восстанавливались исторические факультеты в университетах страны. Изучение истории специалистами вновь приобретало конкретную направленность, соответственно изменялся спектр задач, стоявших перед археологией³⁶⁸.

В программной статье 1937 г. в «Советской археологии» помимо разоблачений «голового социологизирования и схематизма» перед наукой

³⁶⁷ Рахим А. Татарские эпиграфические памятники XVI в. // Труды Общества изучения Татарстана. Т.1. Казань, 1930. С. 145.

³⁶⁸ Лебедев Г.С. История отечественной археологии. С. 430.

ставилась задача этногенетических реконструкций на основании археологического материала, составления карты расселения древних племен на территории СССР и реабилитации прежних методов (формально-типологического, стратиграфического, сравнительного) работы с находками. Подчеркивалась актуальность конкретных историко-археологических работ, основанных на изучении этнических форм и местных этнических особенностей исторического процесса. Определенные усилия предпринимались для составления историй национальных республик, которые писали коллективы авторов. Обращалось внимание на проблему археологического образования, особенно на исторических факультетах университетов, где археология была представлена лишь краткими курсами по истории доклассового общества, без какой-либо систематической подготовки археологов-специалистов³⁶⁹. Подобное обращение к этническим проблемам находилось в русле возрождавшейся этнологической парадигмы археологического знания.

Вместо теоретических построений в развитии археологии конца 1930-х гг. особую значимость приобретает накопление фактического материала с последующим его историческим истолкованием. Такому смещению акцента исследований способствовало и недостаточность эмпирической базы для глобальных обобщений³⁷⁰. Важность такой первоочередной задачи подчеркивается в редакционной статье первого выпуска журнала «Советская археология»³⁷¹. Поэтому не случайно важную роль в развитии археологии приобрели широкомасштабные раскопки в зоне новостроек, сплошное археологическое обследование больших районов, чему немало способствовало государство. По словам Т.И. Оконниковой, открываемые в

³⁶⁹ Наши задачи в области археологических исследований в связи с решениями ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР об учебниках по истории // СА. 1937. Вып. II. С. 5, 7, 8–9.

³⁷⁰ См., напр.: Ганжа А.И. Этнические реконструкции в советской археологии 40–60 гг. как историко-научная проблема // Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев, 1987. С. 142; Формозов А.А. Русские археологи... С. 59.

³⁷¹ Задачи «Советской археологии» // СА. 1936. Вып. I. С. 1–6.

большом количестве новые археологические материалы в различных регионах России, в том числе на окраинах – Кавказе, Средней Азии, Сибири с их культурно-историческим своеобразием, усиливали сомнения относительно универсальности схем, предлагавшихся «теорией стадиальности»³⁷².

В целом, следует отметить, что взаимодействие археологической науки и власти в 1930-е гг. соответствовало сложным и довольно противоречивым изменениям в политике партийных и государственных органов по развитию системы научных учреждений и политической позиции научного сообщества, которые наблюдались по всей стране. Формирование самой политики в области науки в это время представляло собой сложный и длительный процесс, определявшийся необходимостью масштабных преобразований в стране.

II.2. Развитие историко-археологических исследований в Татарской АССР в 1930-е гг.

В данном параграфе речь идет о региональной специфике идеологических, институциональных и социальных процессов в развитии археологии. Под влиянием социально-экономических преобразований происходит трансформация деятельности музейных и краеведческих учреждений в Татарской АССР, которым предписывалось перейти на политико-пропагандистскую работу и стать проводниками в жизнь государственных и партийных решений.

II.2.1. Упадок массового краеведческого движения в регионе. В конце 1920-х гг. одновременно с серьезными социально-экономическими преобразованиями перестраивалась деятельность музейных и краеведческих учреждений, которым теперь предписывалось перейти на политико-

³⁷² Оконникова Т.И. Указ. соч. С. 86.

пропагандистскую работу и стать проводниками в жизнь важнейших государственных и партийных решений.

Историческое и археологическое краеведение превратилось в инструмент культурной революции. Краеведческие исследования велись в основном не с позиций научного изучения региона, а с практической, утилитарной точки зрения³⁷³.

Летом 1930 г. сектор науки Наркомпроса РСФСР во все научно-исследовательские и краеведческие организации направил письмо с указанием сосредоточить внимание в своих планах на тех работах, которые могут показать широкой общественности успехи социалистического строительства, а также которые бы вытекали «из общих планов планово-хозяйственных органов областных и краевых исполкомов по линии изучения местного края». Особое внимание в письме уделялось популяризации идей краеведения среди широкого круга людей, подготовке научных кадров краеведов (через собственные курсы учреждения, аспирантуру, учебу в действующих вузах и др.)³⁷⁴.

Благодаря тесному сотрудничеству местных музеев с краеведческим движением, они смогли сохранить свое право заниматься историей своего региона. В том же 1929 г. заместитель председателя ЦБК А.Ф. Вангенгейм отмечал, что краеведческим организациям необходимо больше внимания уделять «вопросам классовой политики в деревне при изучении как предпосылок, так и результатов повышения урожайности и при проведении в жизнь тех или иных мероприятий»³⁷⁵. Относительная самостоятельность краеведческого движения в изучении региональной специфики, демократические принципы его организации противоречили официальной идеологической доктрине, нацеленной на унификацию социокультурных процессов. Новые задачи советского краеведения касались его связи с

³⁷³ Хакимова А.З. Роль краеведческой работы... С. 18.

³⁷⁴ НА РГ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 45. Л. 29, 36.

³⁷⁵ Вангенгейм А.Ф. Краеведение и борьба за урожай // Известия ЦБК. 1929. № 4. С. 2.

«классовыми боями», «обращения лицом к социалистическому строительству»³⁷⁶.

В сформулированной к середине 1930-х гг. общей для всех народов СССР истории, основанной на концепции «советского патриотизма», не нашлось места для самобытных локальных историй. Для растущей пропагандистской машины советского государства оригинальные идеи краеведов таили опасность, поскольку «погружение в локальное [особенно в кризисные периоды истории] рассматривалось как средство овладения текущей ситуацией и решения... социальных проблем»³⁷⁷. С другой стороны, следует учитывать и объективные факторы сворачивания активной деятельности этих обществ. В частности, В.Ф. Генинг упоминает отсутствие достаточной материально-технической базы, тяжелые финансовые условия и главное – отсутствие квалифицированных специалистов, способных осуществить полноценные исследования³⁷⁸. И действительно, будучи невысоким, бюджетное финансирование музеев в конце 1920-х гг. сокращается, а по решению Президиума ВЦИК в июне 1928 г. целый ряд краеведческих организаций передавался с государственного на местный бюджет. При этом местным органам власти предлагалось самим изыскивать дополнительные источники «для компенсации расходов по содержанию передаваемых им учреждений»³⁷⁹.

Кроме того, на IV-й краеведческой конференции в 1931 г. в Москве отмечалось недостаточное развитие краеведения с точки зрения привлечения основных слоев социалистического общества – рабочих и крестьян. Один из казанских историков, секретарь кабинета истории ТНИЭИ Р.Ш. Тагиров весной 1931 г. писал М.К. Корбуту, что краеведческие организации большей

³⁷⁶ Соболев В.С. Академия Наук и краеведческое движение // Вестник РАН. 2000. Т.70. № 6. С. 539.

³⁷⁷ Гладарев Б.С., Карпенко О.В., Цинман Ж.М., Чикадзе Е.С. Роль краеведения в гражданском воспитании молодежи // Краеведение и гражданское общество. СПб: Издательство журнала «Звезда», 2004. С. 19.

³⁷⁸ Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. С. 47.

³⁷⁹ Соболев В.С. Академия Наук... С. 538.

частью сосредоточены в городах, в недостаточном количестве присутствуют на заводах, фабриках, колхозах и деревнях, и, по сути, остаются интеллигентскими организациями. Это объясняется господством академического уклона, проявляющегося в изучении древностей и старины и игнорированием актуальных тем современности. А также – отсутствием методического руководства со стороны центральных и местных краеведческих организаций³⁸⁰.

В результате репрессивных мер и других обстоятельств многие краеведческие общества прекратили свое существования, многие участники движения были арестованы и даже расстреляны. Изучение региона могло происходить только в рамках разрешенных направлений: производственного, естественнонаучного, истории революционного движения и т.д. В ряде национальных республик археологические исследования сосредоточились исключительно в региональных музеях. Краеведческие музеи не получили свободы в выборе и интерпретации тем, они долгое время оставались не только «научным хранилищем», но и органами пропаганды, воспитания народных масс³⁸¹. Начало этой поры образно было названо брянским археологом А.А. Чубуром временем одиночек³⁸². Именно в музеи начинают стремиться те ученые, в которых еще тлела краеведческая искра, которые на чистом энтузиазме планировали научные исследования, находили финансирование археологических разведок и раскопок, составляли музейные экспозиции из найденного вещевого материала. В Татарской АССР вся работа археологов-одиночек сводилась к эпизодическим краеведческим обследованиям памятников историко-культурного наследия народов края,

³⁸⁰ Тагиров Р.Ш. Решительно перевести краеведческую работу на новые рельсы! // НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 46. Л. 11–12.

³⁸¹ Алексеева С.В. Краеведческие музеи как форма культуры российской провинции // Триумф музея? СПб.: «Осипов», 2005. С. 383.

³⁸² Чубур А.А. Феномен краеведческой археологии (на примере Брянской области) // Сборник статей сотрудников филиала МГСУ в г. Брянске. Брянск, 2003. С. 79.

которые проводились главным образом с целью сохранения и консервации старинных сооружений.

На смену массовому движению приходит одиночная работа ярких представителей интеллигенции, сочетавших в себе не только интерес к науке, но и другие неординарные таланты – художественный, писательский, поэтический. Во многих регионах, в том числе и в ТАССР работали два-три таких археолога-краеведа, которые самостоятельно обследовали, «контролировали» весь регион, составляли археологические карты и своды памятников, т.е. обладали универсальными познаниями и опытом. Поэтому неудивительно, что столичные исследователи в рамках новостроечных экспедиций старались активно и плодотворно сотрудничать с ними.

В 1930 г. в Казани был организован Татарский научно-исследовательский экономический институт (ТНИЭИ), который обещал стать своего рода лабораторией научного планирования всех сторон социалистического строительства, центром научно-исследовательской деятельности ученых республики, и который стал восприемником ОИТ, получив от него по постановлению Совнаркома Татарской АССР все средства и материальную экспедиционную базу для всестороннего изучения производительных сил региона³⁸³.

Экспедиционное изучение республики проходило под флагом ТНИЭИ, куда по постановлению Совнаркома Татарской АССР были переданы все средства и материальная экспедиционная база бывшего ОИТ. Филиальная сеть ОИТ также способствовала экспедициям института. В начале 1930-х гг. в рамках ТНИЭИ существовали планы целенаправленного археологического изучения края наряду с другими тематическими исследованиями, которые вместе увязывались с потребностями народного хозяйства и культуры Татарской АССР³⁸⁴.

³⁸³ НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 40. Л. 121, 121об.

³⁸⁴ НА РТ. Ф. Р-447. Оп. 1. Д. 46. Л. 19.

Таким образом, во второй половине 1930-х гг. краеведческое движение как форма общественной деятельности трансформируется в бюрократическое, формализованное явление, выступающее как одно из направлений государственной политики. В июне 1937 г. СНК РСФСР издал постановление «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах», в котором было признано нецелесообразным дальнейшее существование Центрального и местных бюро краеведения. Во многих регионах страны движение энтузиастов-любителей, еще с дореволюционных времен активно помогавших академической науке, было уничтожено.

В Татарской АССР краеведческие общества прекратили свое существование в начале 1930-х гг., и все руководство краеведческой работой перешло в руки местного Наркомпроса. Наиболее активные члены научных обществ продолжили свои исследования в одиночестве либо в рамках музеев. В апреле 1938 г. Наркомпрос РСФСР разослал на места письмо-указание «О постановке и организации краеведческой работы», ликвидировавшее краеведческие общества и бюро, ввиду того, что для «краеведческой работы нет никакой необходимости создавать специальные и особые организации». Всю краеведческую работу предлагалось вести в музеях, учебных заведениях, культурно-просветительских учреждениях, при домах культуры и даже в производственных коллективах промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Причем на музей возлагалась обязанность быть центром исследовательской и методической работы по местному краеведению, как, например, это произошло с Центральным музеем ТАССР. Официально музей стал характеризоваться «научно-исследовательским и политико-просветительным учреждением, дающим показ в вещах, документах и художественных отображениях исторического процесса развития природы и человеческого общества»³⁸⁵.

³⁸⁵ Советский музей. 1936. № 3. С.14.

Научная общественность того времени неоднократно сигнализировала о кризисе местной исторической науки, археологических исследований. В 1937 г. Н.Н. Фирсов сожалел о том, что «работа по изучению нашего края совершенно развалена», отмечая при этом важность создания такого центра, который «смог бы развить краеведческое дело, направил бы внимание краеведов на изучение наиболее важных областей природы, хозяйства, быта, культуры, истории республики»³⁸⁶. Интересен вывод, содержащийся в докладной записке заместителю директора Института востоковедения АН СССР П.И. Воробьеву (1892—1937) от 1 июня 1934 г., о невозможности работать над отдельными материалами ученых-востоковедов из-за «отсутствия гуманитарных факультетов при КГУ и научно-исследовательских центров»³⁸⁷.

II.2.2. Центральный музей Татарской АССР как центр археологических исследований региона. Переломным годом в музейном строительстве считается 1928 г., когда ВЦИК и Совнарком РСФСР выпустили постановление «О музейном строительстве в РСФСР», в котором отмечалась недостаточная работа музеев в деле социалистического строительства и идеологической поддержки существующей власти. Через год заместитель наркома просвещения РСФСР В.Н. Яковлева на собрании партийной ячейки учреждения отметила, что к новым задачам, стоящим перед страной, «меньше всего... подошли как раз наши научные, и в особенности музейные, учреждения», и, соответственно, с учетом этого должен строиться производственный план Главнауки³⁸⁸.

Историческая экспозиция теперь была призвана разъяснять и пропагандировать новый марксистский взгляд на историю человеческого

³⁸⁶ Фирсов Н.Н. Восстановить краеведческую работу // Красная Татария. 1937. 28 июля.

³⁸⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф 15. Оп. 3. Д. 397. Л. 135.

³⁸⁸ Из доклада заместителя наркома просвещения В.Н. Яковлевой на собрании ячейки ВКП(б) Наркомпроса о необходимости усилить отражение задач социалистического строительства в научной и музейной деятельности от 22 мая 1929 г. // Организация советской науки в 1926–1932 гг. Сборник документов. Л.: Наука, 1974. С. 141.

общества, как единый и закономерный процесс, зависящий от степени развития материальных производительных сил и со всем своеобразием проявляющийся на местном, локальном уровне. В официальных документах того времени говорилось, что «экспозиции музеев должны стать не только наглядными иллюстрациями на вещевом материале важнейших положений основоположников революции и основных директив партии, но и орудием мобилизации широких масс на активное участие в социалистическом строительстве»³⁸⁹.

В декабре 1930 г. в Москве под лозунгом «Музеи на службу социалистическому строительству и культурной революции» прошел Первый Всероссийский музейный съезд, на котором со всей отчетливостью проявился курс на политизацию музейной деятельности. Состав съезда отражал реалии кадровой политики советской власти в области науки и культуры. Более половины делегатов с решающим голосом были членами партии, а более 80% участников свою деятельность в музеях начали уже в советское время и имели стаж работы от одного до двух лет³⁹⁰. Программные установки съезда исходили из представления о новой роли музея, как своеобразного политпросветкомбината, «центра пропаганды социализма, всех мероприятий, проводимых советской властью и партией в деле социалистической реконструкции сельского хозяйства, промышленности, быта и т.д.»³⁹¹.

Соответственно, музейные экспозиции рассматривались как основа для массово-просветительской работы, основное внимание было уделено формированию восприятия культуры различных народов в прошлом и настоящем, причем в противопоставлении — тяжелая и убогая

³⁸⁹ Луппол И.К. Диалектический материализм и музейное строительство. Доклад на 1-м музейном съезде. М., 1931. С. 16.

³⁹⁰ Закс А.Б. Всероссийский музейный съезд // ВИ. 1980. № 12. С. 164.

³⁹¹ Цит. по: Рубан Н.И. Первый всероссийский музейный съезд, его влияние на развитие дальневосточных музеев [Электронный ресурс] // Информационно-образовательный портал «Российское музееведение». URL: http://www.museumstudy.ru/content/files/ruban_1_s_ezd.pdf (дата обращения: 14.12.2011 г.).

дореволюционная жизнь народов и счастливая, культурная советская действительность. Реконструкция прошлого проводилась с оглядкой на настоящее. Это было необходимо в качестве оправдания проведенных преобразований в экономической, социальной и национальной сферах³⁹². Претворение новых планов в жизнь потребовало изменения организационной структуры музеев, их экспозиционной и научной деятельности. В частности, структура экспозиции краеведческого музея складывалась из трех элементов: отдела природы края, отдела истории дореволюционного прошлого и отдела истории советского общества³⁹³. Однако в период форсированного решения задач индустриализации и коллективизации сельского хозяйства важнейшими становились новые, связанные с производством, естественно-исторические, историко-революционные музеи, а гуманитарные становились невостребованными.

В 1930 г. работу основных музеев Казани изучали две специальные комиссии – Совнаркома Татарской АССР и методическая комиссия Главнауки Наркомпроса РСФСР. Они выявили недостатки в работе музеев, состоявшие в отсутствии связи экспозиций с актуальными задачами социалистического строительства, оторванности от масс³⁹⁴.

После проведения общегородской музейной конференции заведующий историческим сектором Центрального музея ТАССР Н.Ф. Калинин выступил с инициативой реэкспозиции музея в зависимости от «решения задач коммунистического воспитания масс, текущей политики». Перемены заключались в создании вместо музейных отделов самостоятельных тематических музеев – краеведческого, антирегилигозного, нумизматического и др.³⁹⁵. Это была, по сути, первая попытка осовременить

³⁹² Баранов Д.А. Этнографический музей и «рационализация системы» // ЭО. 2010. № 4. С. 37, 39.

³⁹³ Бахта В.М. Краеведение и музейное дело в СССР. Учебное пособие. М.: МГИК, 1977. С. 45; Рубан Н.И. Первый всероссийский музейный съезд, его влияние на развитие дальневосточных музеев [Электронный ресурс] // Информационно-образовательный портал «Российское музееведение». URL: http://www.museumstudy.ru/content/files/ruban_1_s_ezd.pdf (дата обращения: 14.12.2011 г.).

³⁹⁴ Сеницына К.Р. Полвека музеев... С. 88.

³⁹⁵ Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. С. 119.

экспозиционно-выставочную деятельность учреждения, которая, по мнению К.Р. Сеницыной, являлась переломным моментом в жизни казанских музеев³⁹⁶. Для этого из Ленинграда была «выделена бригада (Равдоникас, Худяков), которой поручено детально ознакомиться с планом реэкспозиции Казанского музея и дать письменное заключение об этом плане»³⁹⁷. Однако ряд обстоятельств, среди которых выделяются и отсутствие квалифицированных кадров, и конфликт руководства учреждения с Н.Ф. Калининским, и разделение фондов, привели к утрате Казанским музеем своих научных позиций в археологическом и краеведческом изучении республики. Тем более это согласовывалось с установками ГАИМК от 1931 г., по которой «в стенах музея, в силу его специфических и специальных задач, нельзя развернуть правильно организованной, планомерно ведущейся и надлежащим образом контролируемой научно-исследовательской работы», поскольку у него «нет соответствующих предпосылок, нет руководящего и контролирующего качество этой работы аппарата»³⁹⁸. Недостаток идеологически подкованных новых кадров действительно был большой проблемой для власти. На это обращала внимание передовица журнала «Сообщения ГАИМК», говоря о том, что «мы имеем ничтожную количественную группу исследователей, которые в состоянии принять участие в марксистско-ленинской реконструкции и коренной перестройке этого участка научной работы», которая необходима «для многих целей нашего практического строительства – реэкспозиции наших исторических историко-культурных музеев...»³⁹⁹.

Вслед за реэкспозицией последовала критика в казанской периодической печати: в «Красной Татарии» появились редакторские колонки и статьи, призывающие музеи «выйти на путь активной помощи

³⁹⁶ Сеницына К.Р. Полвека музеев... С. 91.

³⁹⁷ Миронец Г. Институт музееведения // Сообщения ГАИМК. 1932. № 7–8. С. 73.

³⁹⁸ ГАИМК и музеи // Сообщения ГАИМК. 1931. № 7. С. 2.

³⁹⁹ О новых и старых кадрах // Сообщения ГАИМК. 1932. № 5–6. С. 5.

социалистическому строительству путем привлечения широчайших рабочих и колхозных масс к делу изучения края, его природных богатств и социально-экономических возможностей». По такому же алгоритму происходило регулирование деятельности музеев по всей стране. Партийные, советские и профсоюзные органы через органы печати давали установку всем краеведческим музеям и научным обществам на «решительное отмежевание от еще имеющей место... тенденции вести краеведческую работу по пути «чистой науки», пронизывая ее чуждой пролетариату идеологией»⁴⁰⁰.

В дальнейшем Центральный музей ТАССР укрепляется кадрами за счет приглашенных ученых, в частности, с 1937 г. с музеем тесно начал сотрудничать московский археолог А.П. Смирнов, появляются будущие археологи О.С. Хованская, А.М. Ефимова, в 1938 г. возвращается Н.Ф. Калинин. Тогда и складывается плодотворный коллектив ученых, сосредоточившийся на исследовании Болгарского городища. Еще в 1932 г., до начала систематического изучения, Н.Ф. Калинин подготовил программу широкомасштабных исследований этого памятника, обосновал наиболее приоритетные их направления⁴⁰¹.

В конце 1930-х гг. расширяется археологическое изучение республики. Как уже было сказано, в связи с увеличением капитального строительства и потребностью проведения предварительного археологического изучения памятников, находившихся в зоне новостроек, в конце 1930 г. в общегосударственном масштабе встал вопрос о организации полевых археологических исследований. Восстанавливается важная роль Центрального музея ТАССР в проведении полевых и камеральных

⁴⁰⁰ Цит. по: Рубан Н.И. Первый всероссийский музейный съезд... URL: http://www.museumstudy.ru/content/files/ruban_1_s_ezd.pdf (дата обращения: 19.12.2011 г.).

⁴⁰¹ Ситдилов А.Г. Н.Ф. Калинин – исследователь Болгара // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет археологического изучения: итоги и перспективы. Тезисы науч. конф. Болгар, 1998. С. 14; Ситдилов А.Г., Старостин П.Н. Николай Филиппович Калинин, 1888 – 1959. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. С.8; Хлебникова Т.А. А.П. Смирнов и Булгар // Татарская археология. 1999. № 1–2 (4–5). С. 10; Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. С. 119; Его же. Казанские археологи... С. 357.

археологических исследований, что связывают с активизировавшимися научными контактами с местными и столичными учеными. По сути, успех археологических изысканий во многом был предопределен участием в них центральных научных учреждений и специалистов-археологов⁴⁰². С 1938 г. музей стал одним из участников объединенной Куйбышевской экспедиции, в которой принимали участие Институт материальной культуры АН СССР и ГИМ. В состав экспедиции вошли Н.Ф. Калинин, О.С. Хованская и А.М. Ефимова. Проводятся раскопки болгарских памятников – Болгарского и Суварского городища, применяются более совершенные методы исследования (например, стратиграфический метод)⁴⁰³.

В 1939 г. на Первой Всероссийской конференции музеев Наркомпроса РСФСР в Москве был принят пятилетний план археологических работ, в котором важная роль отводилась казанскому музею. Перед ним были поставлены задачи изучения археологических памятников в зоне затопления Куйбышевской ГЭС, что позволило не только провести охранные мероприятия, но и серьезно пополнить музейные коллекции материалом по городской культуре эпохи средневековья⁴⁰⁴. Для самих археологов эти работы имели большое значение для их профессионального роста, а также являлись основой доверительных отношений на многие десятилетия⁴⁰⁵.

Одновременно с активизацией археологического изучения края в конце 1930-х гг. в вузы возвращается историческое образование. В 1939 г. в Казанском университете был вновь открыт исторический факультет в составе трех кафедр: основ марксизма-ленинизма, педагогики и истории СССР. На факультете возник научный кружок по истории СССР, в тематику которого входили темы по истории местного края. К примеру, в отчете исторического факультета за первый семестр 1939–1940 учебного года перечислены:

⁴⁰² Сеницына К.Р. Полвека музеев... С. 118.

⁴⁰³ Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. С. 45.

⁴⁰⁴ Измайлова С.Ю. А.М. Ефимова и ее роль... С. 16.

⁴⁰⁵ Руденко К.А. Археология XX века: две жизни – две судьбы: О.С. Хованская и А.М. Ефимова. Казань: Изд-во МОиНТ РТ, 2010. С. 91.

- «а. Образование Казанского ханства
- б. История народа Мари
- с. История Чувашии
- д. История народа Коми»⁴⁰⁶.

Однако прямого отношения к археологическим исследованиям края исторический факультет не имел. Только в 1946 г. по инициативе Н.Ф. Калинина здесь появился археологический кружок, ставивший цель подготовки археологических кадров для казанской науки.

Что касается научных учреждений, занимающихся профессиональным изучением истории и археологии, то приостановленное в начале 1930-х гг. гуманитарное направление, возобновилось в октябре 1939 г. Тогда был создан Татарский научно-исследовательский институт языка и литературы (ТНИИЯЛ) в подчинении Наркомпроса Татарской АССР. В 1930-е гг. несмотря на небольшое число исследовательских работ исторической и археологической тематики, научное сообщество историков Казани ощущает приток новых кадров – Р.Ш. Тагиров, А.А. Тарасов, А.Н. Григорьев, Е.И. Чернышев и др., поэтому становится очевидной необходимость сосредоточить научные силы в рамках одного научно-исследовательского учреждения.

В этой связи интересна организационная роль Наркомпроса республики на всех этапах институционализации татарской исторической и археологической науки в 1920-е – 1930-е гг. Создание новых научно-исследовательских учреждений неизменно проходило под началом этого исполнительного органа советской власти, и при их реорганизации, ликвидации большая часть научной литературы, фондов, инвентаря и оборудования возвращалась в распоряжение Наркомпроса Татарской АССР. Деятельность предшествующих научных обществ в 1920-е – 1930-е гг. в

⁴⁰⁶ НА РТ. Ф. 1334, оп. 2. Д. 8. Л. 1–1 об.

научно-исследовательском аспекте соответствовала профилю нового учреждения, к тому же потребность в разработке научной проблематики исторической и археологической науки ТАССР оставалась неудовлетворенной, поэтому создание специального института было объективным и закономерным событием, кстати, совпавшим по времени с возрождением исторического факультета в Казанском университете. Поэтому 19 февраля 1941 г. институт приобрел статус Татарского НИИ языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ). В его структуре был выделен сектор истории, заведующим которого стал А.Н. Григорьев⁴⁰⁷. Главной целью сектора стала подготовка научной истории Татарии. Кроме того, одной из важных задач научной деятельности становится организация археологических исследований. Большое желание сотрудников института поднять уровень исторической науки в республике первое время сдерживалось недостатком квалифицированных кадров, слабым финансированием исследований (в частности, археологических работ, на что указывал А.Х. Халиков⁴⁰⁸) и, соответственно, слабым уровнем формальных научных коммуникаций.

Таким образом, 1930-е гг. в развитии казанской археологии предстают довольно противоречивым временем. В нем сошлись и резкое сокращение числа научных учреждений, занимающихся историей края, и уменьшение объема археологических изысканий, а затем мощный подъем полевых работ под руководством столичных научных организаций. Из всех обществ, до того времени существовавших в регионе, остается лишь Центральный музей ТАССР, в котором сосредотачиваются полевые исследования. Немаловажен и человеческий фактор – деятельность А.П. Смирнова и Н.Ф. Калинина,

⁴⁰⁷ Гильманов З.И. Развитие исторической науки // 50 лет поисков и открытий. Казань: Татарское книжное издательство, 1989. С. 127.

⁴⁰⁸ Халиков А.Х. Археология в ИЯЛИ КФАН СССР // 50 лет поисков и открытий. Казань: Татарское книжное издательство, 1989. С. 150.

подготовивших и воспитавших целую плеяду местных археологов и внесших значительный вклад в разработку многих направлений казанской науки.

Глава III. Внешние факторы развития археологической науки Татарской АССР в 1940-е гг.

III.1. Изменения в социально-культурной сфере СССР в предвоенные и военные годы

В истории нашей страны 1940-е гг. были достаточно противоречивым и напряженным периодом, в который уместились Великая Отечественная война, послевоенное восстановление экономики, формирование нового «образа врага» в массовом сознании, усиление государственно-партийного регулирования по отношению к науке и культуре.

В условиях утверждающегося тезиса о самодостаточности отечественной науки⁴⁰⁹ возросло социальное давление на ученых, что выразилось в практике проработочных идеологических кампаний второй половины 1940-х гг. Они последовательно охватили литературу, философию, музыку, историю, экономические науки, естествознание, живопись. Некоторые исследователи приходят к мнению о том, что на появление идеологических кампаний большое влияние оказал внешнеполитический фактор, с которым можно связать и психологические изменения в сознании советского человека⁴¹⁰. Война инициировала процесс психологической переориентации личности в сторону вариативного мышления, критической оценки ситуации, ее сравнительного анализа. При этом в обществе все популярнее становилась мысль о внутренних переменах, затрагивающих само существо советского политического строя. Перечисляя социально-политические и экономические «болезни» страны (обнищание населения, отсутствие гражданских свобод, засилье чиновников, диспропорция между

⁴⁰⁹ См., напр.: Александров Д.А. Почему советские ученые... С. 3–24.

⁴¹⁰ Гижов В.А. Идеологические кампании 1946–1953 гг. в российской провинции (По материалам Саратовской и Куйбышевской областей). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. С. 3–4; Корзун В.П., Колеватов Д.М. Социальный заказ и трансформация образа... С. 203; Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1989. С. 309.

промышленностью и сельским хозяйством⁴¹¹) представители интеллигенции надеялись на демократизацию внутренней политики, расширение народного участия в государственном управлении, неподцензурную свободу в творчестве: журналист С.Т. Морозов ждал политического заявления власти о переменах, литературный критик П.А. Кузько – «уничтожения сегодняшнего аппарата чиновников, сегодняшней партийной иерархии», Б.Л. Пастернак жаждал «свободы слова», А.Н. Толстой допускал «новый НЭП»⁴¹².

Такие ожидания и изменения представляли потенциальную опасность для политического режима СССР того времени, который был рассчитан на субъекта, мыслящего в ограниченных пределах дозволенного. К тому же соприкосновение с западной культурой – политической, духовной, экономической – для миллионов воевавших людей, говоря словами советского писателя К.М. Симонова, стало «нравственным и психологическим ударом»⁴¹³. И власти об этом знали. Примечательны слова члена Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданова: «Миллионы побывали за границей, во многих странах. Они видели не только плохое, но и кое-что такое, что заставило их задуматься. А многое из виденного преломилось в головах неправильно, односторонне... Среди части интеллигенции и не только интеллигенции бродят такие настроения, пропади она пропадом, всякая политика. Хотим просто хорошо жить. Зарабатывать. Свободно дышать. Хорошо отдыхать... Поэтому настроения аполитичности, безыдейности очень опасны для судеб нашей страны...»⁴¹⁴. И конечно же, при оценке идеологических кампаний второй половины 1940-х гг. нельзя забывать и о

⁴¹¹ См., напр.: Спецсообщение Управления контрразведки НКГБ СССР «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов» // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике, 1917–1953 гг. Под ред. А. Н. Яковлева. М: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 487–499.

⁴¹² Спецсообщение Управления контрразведки НКГБ СССР... С. 492, 493, 495, 497.

⁴¹³ Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В.Сталине. М. Изд-во Агентства печати «Новости», 1988. С. 48.

⁴¹⁴ Шепилов Д. Не примкнувший. М.: ВАГРИУС, 2001. С. 89.

политических интригах в высших эшелонах советской власти⁴¹⁵. Но так или иначе, идеологические постановления ЦК ВКП(б) по вопросам науки и культуры были направлены на повышение идейности произведений научного и творческого труда. Под идейностью в них понимались осуждение «растленной» западной культуры и прославление существующего политического строя, утверждение советского образа жизни, патриотизма и единомыслия⁴¹⁶.

Началась борьба против «низкопоклонства и раболепия перед Западом», «угодничества перед капиталистической культурой» – эти советские идеологические клише активно употреблялись первыми лицами советского государства⁴¹⁷. Исторической науке настойчиво навязывались не только общие принципы функционирования, но и формировалось исследовательское поле, выделялись приоритетные с точки зрения советского историзма темы. От историков требовалось исследование актуальных тем сквозь призму текущего политического момента. К числу таких относилось: возвеличивание русского народа и его героев, прославление национальных достижений советской страны в различных областях науки и культуры, изображение истории народов СССР как единого процесса, освещение дружеского тяготения народов СССР к русскому народу⁴¹⁸. В Татарской АССР труды историков, языковедов, литературоведов, деятелей национального искусства должны были строго следовать подобной тематике с показом прогрессивного влияния России, не выставя значимость мусульманского Востока. Главный критерий деятельности в условиях войны – патриотическая направленность произведений, идеологический контекст которых основывался на русских

⁴¹⁵ Байрау Д. Предисловие // Литературный фронт. История политической цензуры 1932–1946 гг.: Сб. документов / Сост. Д. Л. Бабиченко. М.: Энциклопедия российских деревень, 1994. С. 4.

⁴¹⁶ Сонин А.С. ВАК СССР в послевоенные годы: наука, идеология, политика // ВИЕТ. 2004. № 1. С. 18.

⁴¹⁷ Молотов В.М. Тридцатилетие Великой Октябрьской Социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1947 года // Большевик. 1947. № 21. С. 16.

⁴¹⁸ Кныш Н.А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие. Автореф. дисс... к.и.н. Барнаул, 2009. С. 15.

ценностях и примерах из русской истории⁴¹⁹. В этом и заключалась практическая польза науки – реагировать и осмысливать новые требования, выдвигаемые интересами развития советского государства в конкретный исторический период.

Другие тенденции в развитии исторической и археологической науки, отчетливо проявившиеся во второй половине 1930-х гг., в дальнейшем получили свое продолжение, но уже в новой общественно-политической обстановке. Развернулись исследования по истории древних славян, проводились регулярные конференции по этногенезу народов СССР, создавались комиссии по изучению проблем этногенеза и этнической истории. Нарастающую интенсивность научных конференций в научной жизни 1940-х гг. отмечает В.П. Корзун⁴²⁰. В связи с этим выросло значение археологических изысканий и публикаций, имеющих в своем материале большие объективные возможности для разработки подобных проблем. Тем более что в научном сообществе советских археологов продолжало присутствовать понимание недостаточной роли, которую играла их наука в системе исторического знания⁴²¹.

III.2. Развитие археологических исследований в Татарской АССР в 1940-е гг.

С появлением специализированного института, перед которым ставилась задача написания истории Татарии, для археологической науки открылись новые возможности и перспективы развития. Связаны они с именем Н.Ф. Калинина, который в 1939 г. приходит в ТНИИЯЛИ на должность научного сотрудника. Единственный сотрудник-археолог, он

⁴¹⁹ Кабирова А.Ш. Сороковые – роковые: Татарстан в годы военного лихолетья. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 156.

⁴²⁰ Корзун В.П., Колеватов Д.М. Социальный заказ и трансформация образа... С. 203.

⁴²¹ Наши задачи в области археологических исследований... С. 8.

создал развернутую программу археологических и эпиграфических исследований, оформив ее в виде комиссии по болгаро-татарской эпиграфике⁴²². Однако его активная научная деятельность проходила в стенах музея.

С 1941 г. по 1957 г. ученый преподавал в Казанском университете, где он вел занятия по археологии, истории античного искусства и истории Татарстана до XIX в. Огромную роль в подготовке молодых археологов сыграл археологический кружок, созданный по инициативе Н.Ф. Калинина и подготовивший многие поколения археологов-профессионалов, среди которых А.Х. Халиков, Т.А. Хлебникова и др. Студенты готовили доклады, писали дипломные и курсовые работы, участвовали в научных конференциях, а также выезжали на экскурсии по археологическим памятникам, в полноценные экспедиции. В частности, наиболее способных из них А.П. Смирнов привлекал к полевым работам на Болгарском городище. Через эту планомерную работу Н.Ф. Калинин стремился реализовать идеи своих предшественников – создать археологическую карту республики, исследовать Болгарское городище, изучить древнюю Казань⁴²³. Совместная работа института и археологического кружка, по мнению известного советского археолога А.Х. Халикова, «представляли хороший научный симбиоз»⁴²⁴.

С началом Великой Отечественной войны деятельность сотрудников института была прервана, многие из них ушли на фронт, в том числе заведующий сектором истории А.Н. Григорьев. Несмотря на приостановку научных исследований, начавшаяся война способствовала выходу местной исторической и археологической науки на новый уровень развития. В июле 1941 г. в ТНИИЯЛИ разместился эвакуированный из Москвы Институт

⁴²² Халиков А.Х. Археология в ИЯЛИ КФАН СССР. С. 150.

⁴²³ Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. С. 127; Ситдилов А.Г., Старостин П.Н. Николай Филиппович Калинин. С.8.

⁴²⁴ Халиков А.Х. Археология в ИЯЛИ КФАН СССР. С. 151.

истории АН СССР. На объединенном заседании сотрудников двух институтов в присутствии академиков О.Ю. Шмидта, Е.В. Тарле, Б.Д. Грекова, членкоров А.Ф. Ефимова, Е.А. Косминского обсуждались задачи в условиях военного времени. Штат был сокращен, остались лишь директор института Х. Шабанов и по одному научному сотруднику в каждом из четырех секторов. В секторе истории вся работа велась А.А. Тарасовым⁴²⁵. В конце 1941 г. в Казани оказались руководство и часть сотрудников ИИМК АН СССР во главе с М.И. Артамоновым. Вообще стоит отметить, что в 1941 г. в Казань были эвакуированы 33 академических института, в городе разместились треть научных сил АН СССР. Это стало возможно благодаря высокому научному потенциалу республики, где до войны функционировало 14 вузов и до 30 научно-исследовательских учреждений⁴²⁶.

В годы войны перед сектором истории стояли три основные задачи:

- 1) выявление и исследование источников и литературы по истории Татарии, разработка истории республики;
- 2) выявление, учет, описание и исследование памятников материальной и духовной культуры;
- 3) связь с фронтом и сбор, систематизация источников по истории Великой Отечественной войны⁴²⁷.

Несмотря на войну, археологические исследования продолжались. Осуществлялись они в форме археологических разведок, которые проводились силами не только местных археологов, но и эвакуированных из Ленинграда и Москвы ученых. В 1942 г. комиссия по болгаро-татарской эпиграфике осуществила несколько выездов на памятники в районы Татарской и Чувашской АССР, в том числе и на Булгарское городище. Летом

⁴²⁵ Файзрахманов Г.Л. Развитие гуманитарных исследований в сороковые – восьмидесятые годы (К 50-летию Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР) // Великий Октябрь и некоторые вопросы формирования татарской социалистической нации. Казань, 1989. С. 99.

⁴²⁶ Каримов И.Р. Из истории организационного становления академической науки в Татарстане // Из истории Татарстана и татарского народа. Сб. статей молодых ученых и аспирантов Института татарской энциклопедии АН РТ. Казань, 2003. С. 152.

⁴²⁷ Файзрахманов Г.Л. Указ. соч. С 100–101.

этого же года в республику была эвакуирована большая группа археологов – работников ИИМК во главе с признанным специалистом археологии каменного века С.Н. Бибиковым (1908–1988), которому поручалось «по особому заданию Наркомата обороны» провести «специальные исследования на территории Татарской, Башкирской АССР и Куйбышевской области»⁴²⁸. Так была сформирована Елабужская экспедиция особого назначения, которая обнаружила и обследовала поселения и могильники разных исторических эпох на территории Татарской АССР.

Также столичных ученых привлекали к разработке отдельных проблем истории края. Именно в это время началось тесное и плодотворное сотрудничество с Б.Д. Грековым, который осенью 1942 г. к 25-летию Октябрьской революции подготовил доклад «Волжские болгары IX–X вв.», а Н.Ф. Калинин рассказал о результатах экспедиций в сообщении «О болгаро-татарской эпиграфике»⁴²⁹.

В 1945 г. первые разведочные маршруты проложила Татарская экспедиция, которой вплоть до 1957 г. руководил Н.Ф. Калинин и в которой принимали участие научные сотрудники Государственного музея Татарской АССР и студенты казанских вузов. После войны возобновились подготовительные работы по сооружению основных объектов Куйбышевского гидроузла, и археологическое обследование затопляемых территорий возглавил А.П. Смирнов, чьи отряды Куйбышевской экспедиции изучали памятники, относящиеся ко времени от палеолита до позднего средневековья. Болгарское городище в этих работах занимало особое место, предопределенное первоочередными задачами, которые сформулировал московский археолог на первом этапе изучения памятника (1938 –

⁴²⁸ Цит. по: Мыц В.Л. К 100-летию со дня рождения Сергея Николаевича Бибикова. Штрихи к портрету: взгляд в прошлое // Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы: сборник статей. Археологический Альманах. Донецк: «Донбас», 2009. № 20. С. 13.

⁴²⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф 7571. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

1949 гг.)⁴³⁰. Участие в археологическом изучении памятников принимали те же коллективы казанских археологов, работавших с А.П. Смирновым ранее. Тема о непростых отношениях между двумя крупнейшими исследователями казанской археологии 1940-х гг. пока только входит в орбиту научного интереса ученых, становится объектом специального исследования⁴³¹.

В целом высокий научный статус республики в конце войны был воплощен в создании филиала АН СССР с отдельным институтом языка, литературы и истории. В 1944 г. была создана специальная комиссия по организации Казанского филиала АН СССР, а 13 апреля 1945 г. вышло постановление СНК СССР № 745 «Об открытии филиала Академии наук СССР в г. Казани». Таким образом, помимо вузовской науки научные силы республики получили возможность развиваться в русле академического учреждения. В целом, филиал АН СССР, который сыграл положительную роль в организационном и исследовательском планах.

Проведение новостроечных экспедиций с привлечением столичных ученых создало источниковую основу и ядро кадрового потенциала формирующейся казанской археологии. И в будущей перспективе идейное и методико-методологическое руководство способствовало активному обобщению имеющегося материала в виде археологической карты республики, монографий и многочисленных тематических сборников статей по древней и средневековой истории⁴³².

Ближе к концу войны и в послевоенные годы активизируется археологическое изучение республики, вызванное необходимостью учета археологического фонда и составления археологической карты, а также –

⁴³⁰ Федоров-Давыдов Г.А. Памяти Алексея Петровича Смирнова // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 3, 4; Мухаметшин Д.Г., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., Шрифуллин Р.Ф. Итоги и задачи исследования Болгара // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет археологического изучения: итоги и перспективы. Тезисы науч. конф. Болгар, 1998. С. 5; Смирнов К.А. А.П. Смирнов и исследование Булгарского городища в период строительства Кубышевской ГЭС // Татарская археология. 1999. № 1–2. С. 5; Руденко К.А. Казанские археологи... С. 358.

⁴³¹ Руденко К.А. Казанские археологи... С. 356–361; Его же. Археология XX века: две жизни – две судьбы: О.С. Хованская и А.М. Ефимова. Казань: Изд-во МОиНТ РТ, 2010. 176 с.

⁴³² Обыденнова Г.Т. История развития археологических исследований в Урало-Поволжье, XVIII в. – конец XX в. Дисс... д.и.н. Уфа, 2002. С. 284, 285.

качественного изучения фактического материала. Под руководством Н.Ф. Калинина усиливается разведочная и раскопная деятельность во многих районах Татарской АССР, что позволило не только привлечь к работам молодые кадры археологов, но и ввести в научный оборот обширный материал, который в свою очередь требовал новых подходов к анализу данных. Впоследствии открытые памятники позволили установить более точную картину развития культуры и этноса местного населения края от каменного века до средневековья. Задача научных обобщений ставилась и научным сообществом советских археологов в целом. На Всесоюзном археологическом совещании в марте 1945 г. отмечалось, что история страны предстает уже не в виде существования отдельных археологических культур, а как стройная и закономерно связанная цепь последовательных этапов развития... — от древнекаменного века (палеолита) до средневековья. Б.Д. Греков (1882 – 1953) среди актуальных задач советской археологии отмечал расширение археологических изысканий на территории СССР (особенно в районах, до сих пор недостаточно обследованных) на основе единого общесоюзного археологического плана⁴³³. К выполнению задач совещания казанские археологи приступили сразу. В плане научно-исследовательских работ ИЯЛИ КФАН СССР на 1946 г. под вторым пунктом значилось «выявление и изучение памятников культуры края различных эпох и составление Археологической карты ТАССР... Необходимо сплошное обследование территории ТАССР»⁴³⁴.

Война сказалась и на научной работе — не доставало квалифицированных кадров, в ТНИИЯЛИ отсутствовало электроснабжение, кабинеты не оттапливались, «некоторые сотрудники института совершенно не были обеспечены дровами»⁴³⁵. Поэтому неудивительно, что планы научных исследований военных лет выполнялись не полностью. В январе

⁴³³ Всесоюзное археологическое совещание // Вестник АН СССР. 1945. № 4. С. 88, 93.

⁴³⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 398. Л. 25.

⁴³⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 7571. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

1944 г. на общем отчетно-перевыборном собрании парторганизации при ТНИИЯЛИ директор института Х.Х. Ярмухаметов (1904 – 1981) признавался, что не сумел правильно организовать научную работу и изучение трудов марксизма-ленинизма. На собрании отмечалось, что несмотря на военную перестройку планов научных исследований, они оказались не по силам институту, который к слову являлся «большим помощником ОК ВКП(б) и правительства Татарской Республики в разработке проблем культуры татарского народа»⁴³⁶. Серьезной проблемой института оставался недостаток квалифицированных кадров, на что в начале 1944 г. обращали внимание в партийной ячейке, отмечая что «ни дирекция, ни парторганизация не сумели еще практически и конкретно организовать авторские коллективы», «что институт вынужден поручать научно-исследовательские работы недостаточно подготовленным, неопытным научным кадрам»⁴³⁷. Даже к 1946 г. из 7 научных сотрудников сектора истории только один имел степень кандидата исторических наук⁴³⁸.

Связь ученых с партийными структурами республики прослеживается и по формируемой научной повестке дня. Надо отметить, что на протяжении конца 1930-х – начала 1940-х гг. менялись функции и методика планирования партийными органами научных исследований: из инструмента контроля и учета они превращались в инструмент развития научного потенциала и его эффективного использования. С появлением ТНИИЯЛИ усилия ученых, финансовые и материальные средства концентрируются на решении ведущих научных проблем (сплошное археологическое обследование региона, составление археологической карты, создание цельной картины древней и средневековой истории ТАССР), хотя ряд условий препятствовал этому. В частности, парторганизация ТНИИЯЛИ, созданная в августе 1942 г., устанавливала научные планы, формировала авторские коллективы для

⁴³⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф 7571. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

⁴³⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф 7571. Оп. 1. Д. 3. Л. 12, 14.

⁴³⁸ Гильманов З.И. Развитие исторической науки. С. 128.

выполнения работ научно-исследовательского характера. На одном из партсобраний 17 марта 1944 г. было решено об издании в 1944 г. «Истории Татарии» в виде очерков, поскольку «при существующих научных силах, недостаточно квалифицированных, а также неразработанности ряда принципиальных вопросов, невозможно подготовить полный курс «Гражданской истории Татарии», в котором предполагалось осветить и темы, связанные с археологическим изучением региона. Данное предложение нашло поддержку в Академии Наук и в Обкоме ВКП(б)⁴³⁹. Парторганизация ТНИИЯЛИ, секретарем которой был историк, старший научный сотрудник сектора истории Х.Г. Гимади (1912 – 1961), играла определяющую роль в постановке научных проблем местной исторической науки на фоне слабой работы научного органа управления ТНИИЯЛИ – Ученого совета, который редко созывался и имел «самый главный недостаток... – это отсутствие на повестке дня... вопросов научно-исследовательского характера, обсуждение актуальных и дискуссионных тем, которые значительно бы оживили работу института»⁴⁴⁰. Подтверждением координирующей и регулирующей функции партийной ячейки научного учреждения можно считать описание трудностей, с которыми пришлось столкнуться партийно-научным функционерам в военные годы:

«1. Парторганизация не сумела систематически контролировать и проверять выполнение планов научно-исследовательской работы.

2. Не сумела возглавить и подлинную научную критику работ как готовых, так и подготавливаемых к печати.

3. Не сумела добиться систематической работы Ученого Совета института. Ученый Совет не стал подлинным организатором научных работ в институте, он проходит по существу мимо важнейших вопросов научной работы.

⁴³⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1389. Л. 11.

⁴⁴⁰ Там же. Л. 12.

4. Мы не сумели также обеспечить укрепление научного руководства института, прежде всего за счет квалифицированных сотрудников»⁴⁴¹.

Планы научно-исследовательских работ института затем представлялись в Татарский обком ВКП(б), а после 1944 г., когда самостоятельность казанских историков в разработке научных проблем была ограничена, помимо этого подавались в Управление пропаганды ЦК ВКП(б) и в специальную комиссию АН СССР⁴⁴².

В целом ТНИИЯЛИ являлся постоянным консультантом партийных, советских органов ТАССР в вопросах истории, языка, литературы и искусства татарского народа.

Упомянутый 1944 г. оказался важным для местной исторической науки как с точки зрения освещения дискуссионных проблем истории татарского народа, так и с точки зрения взаимодействия партийно-государственных органов с научными учреждениями республики.

III.3. Значение идеологических кампаний для разработки проблематики татарской исторической науки

С конца 1930-х гг. в советской науке были развернуты исследования по истории славян, началось проведение регулярных конференций по этногенезу народов СССР, создавались комиссии по изучению проблем этногенеза и этнической истории. Особенно это было заметно на волне патриотизма, вызванного победой в Великой Отечественной войне. Историческая наука была призвана помочь в воспитании миллионов советских граждан в духе исторических традиций героического прошлого страны. В 1943 г. сектором истории ТНИИЯЛИ были разработаны предложения по популяризации боевых традиций татарского народа. В своих

⁴⁴¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1389. Л. 13.

⁴⁴² ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1834. Л. 84.

исследованиях татарские историки, писатели обращались, в том числе, и к периоду существования Золотой Орды. Еще перед войной, в 1940 г. фольклорист Н. Исанбет (1899 – 1992) в татарском журнале «Совет эдэбияты» опубликовал текст татарского эпоса «Идегей»⁴⁴³ с комментариями, в которых Улус Джучи (Золотая Орда) изображался как яркий и прогрессивный период в истории татарского народа. Впоследствии изучение традиции народного поэтического творчества было продолжено в институте, не только как источника по истории Золотой Орды как таковой, а «в основном с точки зрения религиозной оценки принятия веры и значения [фольклора] для идентичности общества»⁴⁴⁴. В 1942 г. казанский историк Х.Г. Гимади подготовил и опубликовал сообщения «Из истории борьбы народов Среднего Поволжья против татаро-монгольского ига»⁴⁴⁵, «Биография Идегея»⁴⁴⁶, в которых дастаны и баиты рассматриваются в качестве важного исторического источника. Такой подход, по словам Д.В. Мухетдинова и А.Ю. Хабутдинова, продолжал исследовательскую традицию репрессированных в 1937–1938 гг. татарских литературоведов, писателей Г.С. Газиза (Г.С. Губайдуллина) и А. Рахима, указывающих на потребность общества в легендарной истории и ее героях, на ее связь с традицией народного эпоса⁴⁴⁷. Однако на подобные исследования был наложен официальный запрет, который партийные органы обосновывали необходимостью повышения уровня идеологической и массово-политической работы партии среди населения, а в отношении истории – борьбой с буржуазно-националистическими взглядами, пренебрежительным

⁴⁴³ Идегей (1352 – 1419) – правитель (эмир) Золотой Орды с 1399 г. С его правлением связаны следующие события: восстановление единства Золотой Орды после поражения Тохтамыша, победа над войском великого князя литовского Витавтаса (1399), набег на Москву, Нижний Новгород, Ростов, Рязань (1408) и сожжение Киева (1416). Правление Идегея в историографии считается последним эпизодом единства Золотой Орды. См.: Идегей // Татарская энциклопедия. Т. 2. Казань, 2005. С. 529

⁴⁴⁴ De Weese D. Islamization and native religion in the Golden Horde: Baba Turkles and conversion to Islam in historical and epic tradition. Pennsylvania: University Park, 1994. P. 12.

⁴⁴⁵ Гыймади Х. Урта Идел буе халыкларынын татар монголлар игосына каршы кюреше тарихыннан // Совет эдэбияты. 1943. № 5. С. 70–84.

⁴⁴⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1389. Л. 10.

⁴⁴⁷ Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А. Ю. Ислам в России в XVIII — начале XXI вв.: модернизация и традиции. Нижний Новгород: Издательство ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2011. С. 203.

отношением к истории русского народа. В ТАССР началом такого запрета стало принятое 9 августа 1944 г. постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации»⁴⁴⁸. В нем отмечалась запущенность массово-политической и идеологической работы в Татарской АССР, крупные недостатки в идейно-политическом воспитании ученых и творческой интеллигенции, что привело к серьезным ошибкам националистического характера в освещении истории татарского народа (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодалного эпоса об Идигее). Позже историк Х.Г. Гимади отметил связь науки с текущими вопросами политической жизни: «наши историки чрезмерно увлекались седой древностью и отходили от актуальных вопросов современности», а литературовед Г.М. Халитов сказал, что институт с первых дней своего возникновения взялся сразу за создание капитальных работ по истории Татарии, каждый год повторяя эти нереальные планы, упуская при этом актуальные вопросы⁴⁴⁹. Татарскому обкому ВКП(б) в этой связи поручалось «тщательно проверить работу Татарского института языка, литературы и истории и в соответствии с результатами проверки принять необходимые меры»⁴⁵⁰. Подобный документ появился и в других национальных республиках – Белоруссии, Башкирии⁴⁵¹,

⁴⁴⁸ Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» от 9 августа 1944 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т.7 (1938–1945). М.: Политиздат, 1985. С.513–520.

⁴⁴⁹ Гимади Х.Г. Изучение истории Татарии в Казанском филиале Академии наук СССР // Известия Казанского филиала Академии наук СССР. Казань, 1957. С. 155; Протокол № 20 закрытого партсобрании института языка, литературы и истории от 29/XI–1944 г. // ЦГА ИПД РТ. Ф. 7571. Оп. 1. Д. 3. Л. 83.

⁴⁵⁰ Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения... С. 515, 518–519.

⁴⁵¹ Постановление ЦК ВКП(б) «О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т.7 (1938–1945). М.: Политиздат, 1985. С.506–512; Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации» от 27 января 1945 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т.7 (1938–1945). М.: Политиздат, 1985. С.539–543.

и сыграл первостепенную роль в развертывании идеологической работы в тыловых и освобожденных районах⁴⁵².

Современные исследователи по-разному оценивают данное постановление, зачастую уходя от объективного изучения не столько его последствий, сколько той исторической обстановки, в которой он возник. Между тем это было довольно сложное время не только для татарской науки, но и для всей страны в целом. В годы войны партийным органам, руководившим тыловой работой, приходилось терпеть недостаток в информации, кадрах, средствах, времени. В частности, еще до упомянутого постановления 1944 г. Татарский обком ВКП(б) обращал внимание низовых звеньев партийных органов на изъяны в кадровой работе, недостаточный уровень всей организационно-партийной и особенно пропагандистской работы. Именно на исправление отмеченных недостатков направлено постановление XII Пленума Обкома ВКП(б) ТАССР от 5–9 июля 1944 г., отметившее возросшую потребность в руководящих и учительских кадрах, необходимость повышения их квалификации⁴⁵³. Кроме того, как уже отмечалось ранее, при разработке многих ключевых вопросов истории Татарии ощущалась потребность в квалифицированных научных кадрах.

Прелюдией к появлению августовского постановления стала оценка бригадой Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) уровня агитационно-пропагандистской и культурной работы в Татарской партийной организации. Эта структура в аппарате ЦК ВКП(б), созданная в августе 1939 г. по инициативе И.В. Сталина, отвечала за сферу идеологии, сосредотачивая в себе «всю работу по печатной и устной пропаганде и

⁴⁵² История Второй мировой войны 1939–1945 в двенадцати томах. Т. 10. Завершение разгрома фашистской Германии. М.: Военное Издательство Министерства Обороны СССР, 1979. С. 423; Зинич М.С. Трудовой подвиг рабочего класса в 1941–1945 гг.: по материалам отраслевой промышленности. М.: Наука, 1984. С. 160.

⁴⁵³ ЦГА ИПД. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1015 а. Л. 35, 41.

агитации»,⁴⁵⁴ которая осуществлялась посредством СМИ, издательской деятельности, радиовещания, киноискусства и научно-популярной литературы⁴⁵⁵. Подобная проверка была частью систематической работы Управления в годы войны⁴⁵⁶. По ее итогам заместитель начальника Управления М.Т. Иовчук (1908–1990) и заведующий одним из отделов И.И. Цветков составили обширную докладную записку секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову. В части II, озаглавленной «Вопросы идеологии», ими отмечались недостатки в научно-исследовательской работе историков ТНИИЯЛИ. Эти «ошибки и извращения» состояли в популяризации народного эпоса «Идегей», приукрашивании роли Золотой Орды и недооценки значения присоединения Казанского ханства к Русскому государству в XVI в.⁴⁵⁷. Основанием для подобных оценок послужил июльский отчет Татарского обкома ВКП(б), в котором местные партийные функционеры упрекали в свою очередь ТНИИЯЛИ в некритическом отношении к историческим источникам, «многие из которых тенденциозны, носят на себе печать мусульманского фанатизма, национализма». Основную задачу татарской историографии в обкоме партии видели в «укреплении дружбы между русским и татарским народом, и с этой целью – в показе влияния русской культуры и государства на историческое развитие татарского народа, показе совместной борьбы этих народов во главе с русским за свободу и независимость единого государства»⁴⁵⁸.

Сотрудникам ТНИИЯЛИ ничего не оставалось делать, как признать свою «тяжкую политическую ошибку». На закрытом собрании парторганизации института 30 сентября 1944 г. А.А. Тарасов признавался,

⁴⁵⁴ Восемнадцатый съезд ВКП(б). Москва. 10–21 марта 1939 г. Резолюции съезда // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. и испр. Т.7 (1938–1945). М.: Политиздат, 1985. С. 86.

⁴⁵⁵ См.: Невежин В.А. «Если завтра в поход...». М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 54–55; Зеленов М.В. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г., в июле 1948 и октябре 1952 г.: структура, кадры и функции (источники для изучения) // Новейшая история России. 2011. № 1. С. 99.

⁴⁵⁶ Леушин М. История татар перед судом ЦК ВКП(б) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. № 3–4. С. 84.

⁴⁵⁷ Там же. С. 89–90.

⁴⁵⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1384. Л. 9.

что «у нас не было до сих пор политической заостренности в постановке серьезных научных вопросов», отмечая при этом поворот в сознании местных историков в сторону важного вопроса для понимания истории татарского народа – вопроса «создания централизованного русского государства»⁴⁵⁹.

Позже в предисловии и введении исторических исследований послевоенного десятилетия (статей, монографий, учебников) хорошим тоном считалось упоминать руководящую роль данного постановления, давать краткую характеристику допущенных историками ТАССР ошибок, как например, высказывал свои замечания к первому тому «Истории Татарской АССР» в январе 1955 г. заведующий отделом науки и культуры Татарского обком КПСС К.Ф. Фасеев⁴⁶⁰. Но иногда дело доходило до смешного, как например, на одном из заседаний Ученого совета историко-филологического факультета КГУ в 1946 г. декан факультета профессор А.Н. Вознесенский призывал коллег «при изложении исторического материала подчеркивать отрицательные стороны нашего исторического прошлого с указанием их и в других государствах Европы и Америки»⁴⁶¹. Ситуация вынуждала историков быть осторожными в оценках, в проведении грани между «героическим прошлым» народа и «идеализацией» его исторического прошлого, а также не допускать безразличия к местности, где геройствовали «славные предки»⁴⁶².

Важно напомнить, что патриотическая тематика становится основной в исторических исследованиях в период Великой Отечественной войны, а в коммунистическую идеологию внедрялись национально-патриотические лозунги, популяризировались национальные герои, мифы прошлого, важным достоянием страны признавались духовные и культурные ценности

⁴⁵⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 7571. Оп. 1. Д. 3. Л. 71–72.

⁴⁶⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 4379. Л. 14.

⁴⁶¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 1337. Оп. 2. Д. 45. Л. 3 об.

⁴⁶² Вдовин А.И. Национальный вопрос и национальная политика в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): мифы и реалии (часть 2) // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2005. № 2 (62). С. 7.

дореволюционной России. Для национальных территорий предпочтительными считались темы, раскрывающие исторические связи русского и других народов СССР, их совместную борьбу против чужеземных захватчиков. Подобная ситуация в исторической литературе даже получила название «националистический нэп»⁴⁶³, и она была оформлена в виде единой, целостной господствующей партийной линии в последние два года войны⁴⁶⁴. В 1944 г. в ЦК ВКП(б) состоялось совещание историков, на котором были осуждены крайности в освещении национальных историй, в том числе русского народа. Именно это событие некоторые современные исследователи считают важным этапом по возвращению партийного контроля над исторической наукой⁴⁶⁵. Повестка совещания и принятые на нем решения во многом были подготовлены майским письмом «О серьезных недостатках и антиленинских ошибках в работе некоторых советских историков», подписанным и отправленным Г.Ф. Александровым, П.Н. Пospelовым и П.Н. Федосеевым на имя секретарей ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова и А.С. Щербакова. В нем перечисляются такие узловые вопросы исторических исследований советских историков, как происхождение государства древних славян, роль крупных исторических деятелей, проблемы русской культуры и науки, национальная политика царской России⁴⁶⁶. Через эту проблематику партия оценивала труды советских историков, подвергнув критике Н.Л. Рубинштейна, А.М. Панкратову, А.И. Яковлева и других крупных ученых.

Последствием августовского постановления для Татарского обкома ВКП(б) стала смена первого секретаря. Через несколько дней, 12 августа

⁴⁶³ Верт А. Россия в войне 1941—1945. М., 1965. Вып. 1. С. 247.

⁴⁶⁴ Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб.: Академический проект, 2009. 416 с.

⁴⁶⁵ Бранденбергер Д.Л., Дубровский А.М. Итоговый документ совещания историков в ЦК ВКП (б) в 1944 г. // Археографический ежегодник 1998. М., 1999. С. 148–163; Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб.: Академический проект, 2009. 416 с.

⁴⁶⁶ См. текст: Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП (б)(1944 г.) // ВИ. 1991. № 1. С. 190–201.

1944 г., вместо В.Д. Никитина им был утвержден З.И. Муратов (1905–1988), первый руководитель областной организации из числа татар. Некоторые историки данное назначение оценивают как изменение вектора кадровой политике партии, уделяющей повышенное внимание продвижению лиц коренной национальности в руководящие структуры, как результат эволюции политического режима⁴⁶⁷.

Руководство республики получило строгие указания с требованием проводить тщательную работу по отслеживанию и недопущению проявлений национализма в деятельности творческой интеллигенции. Первые официальные отклики на ситуацию относятся к 6 октября 1944 г., когда на специальном заседании бюро обкома ВКП(б) было принято постановление «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории». В данном документе содержатся четкие научные ориентиры и указания: запрет на изучение периода Золотой Орды, поощрение изучения прогрессивного влияния присоединения Казанского ханства к русскому государству, участия татар в народных восстаниях против царизма, прославление достижений Татарии советского периода⁴⁶⁸. И что интересно, запрещалось «полное отождествление истории Золотой Орды с историей современного татарского народа», что сужало спектр этногенетических построений историков и археологов, актуальность которых особенно выросла в этот период. Отмечая отсутствие должного руководства ТНИИЯЛИ, слабую научную квалификацию части его научных работников, низкий уровень их научно-исследовательских работ, замкнутость и оторванность института от общественности, от научных сил Казани, отсутствие квалифицированного обсуждения научных работ на

⁴⁶⁷ Кабирова А.Ш. Воздействие власти на деятельность татарской гуманитарной интеллигенции в 1941–1945 гг. // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа: материалы научной конференции. Казань: Изд-во «Матбугат йорты», 2000. С. 129; Ее же. Влияние властных структур на массовое сознание населения в Татарстане в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Научный Татарстан. 2009. № 2. С. 164.

⁴⁶⁸ Постановление Татарского областного комитета ВКП(б) «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» от 6 октября 1944 г. // Эхо веков. Гасырлар авазы, № 3/4, 1996. С. 102.

Ученом совете института, Татарский обком ВКП(б) постановил снять с работы директора ТНИИЯЛИ Х.Х. Ярмухаметова, коренным образом перестроить научно-исследовательскую работу института, привлечь к этой работы не только татарских ученых, но и исследователей центральных научных учреждений страны.

Директором учреждения был назначен литературовед М.Х. Гайнуллин (1903–1985), его заместителем по научной работе стал профессор Н.И. Воробьев, в качестве внештатных научных сотрудников привлечены историки Е.И. Чернышев, Р.М. Раимов, московский археолог А.П. Смирнов⁴⁶⁹. Кроме того, местный обком ВКП(б) выступил инициатором постоянной комиссии по истории Татарии при институте истории АН СССР, на которую возлагалась разработка наиболее сложных и неизученных вопросов истории татарской истории, редактирование научных и научно-популярных трудов ТНИИЯЛИ и составление проекта «Истории Татарской АССР» в виде очерков⁴⁷⁰. Данный факт можно расценить как своеобразное научное руководство, которое имело свои традиции, в частности, в организации центральными научными учреждениями масштабных археологических исследований края 1930-х – 1940-х гг. Т.И. Оконникова усматривает в этом результат жесткой централизации во всех сферах жизни советского общества, проявившейся и в организации археологической науки Прикамья⁴⁷¹.

В октябрьском постановлении присутствуют и указания СНК ТАССР «разрешить вопрос об улучшении материально-бытовых условий для научных работников института», и Наркомпросу ТАССР – «усилить контроль за его работой и заботу об удовлетворении нужд института и научных сотрудников». Поскольку ученые того времени вынуждены были помимо своей непосредственной работы заниматься и другой деятельностью

⁴⁶⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 1834. Л. 84.

⁴⁷⁰ Постановление Татарского областного комитета ВКП(б) «Об ошибках и недостатках... С. 103, 104.

⁴⁷¹ Оконникова Т.И. Указ. соч. С. 103.

чтобы удовлетворить хотя бы минимальные материальные и духовные потребности, то внимание партии к социально-бытовым условиям их существования выглядит вполне оправданным. В подтверждение этого, Х.Г. Гимади на очередном закрытом собрании парторганизации ТНИИЯЛИ в конце октября 1944 г. сетовал на то, что работники института занимались всевозможными второстепенными делами, замыкаясь в стенах учреждения и не расширяя свои научные связи, не развивая собственные научные интересы и проблематику исследований⁴⁷².

А между тем под «второстепенными делами» понималась и преподавательская деятельность в вузах республики. Так же как и в научных учреждениях, здесь с середины 1940-х гг. тоже проводилась серьезная работа среди преподавателей и студентов, направленная на укрепление их идейно-политических взглядов, возрастает и партийно-государственный контроль за работой вузов, что отражает общесоюзные тенденции этого времени⁴⁷³. Причем проводимые идеологические кампании были направлены на две главные составляющие вузовской жизни – на образовательный процесс и научную деятельность. В итоге были пересмотрены и изменены учебные программы в основном гуманитарных и общественно-научных кафедр КГУ, КГПИ. Такие повышенные требования партийных структур объяснялись по мнению секретаря Татарского обкома ВКП(б) С.Г. Батыева тем, что кафедрам общественных наук принадлежала важная роль в формировании мировоззрения молодых специалистов⁴⁷⁴. Поэтому активную роль в вузах играли партийные организации и комсомольские бюро. Планирование мероприятий по усилению идеологической работы среди преподавателей,

⁴⁷² ЦГА ИПД РТ. Ф. 7571. Оп. 1. Д. 3. Л. 81.

⁴⁷³ Хамянов Д.В. Общественно-политическая жизнь и идеологические кампании на историко-филологическом факультете Томского государственного университета во второй половине 1940-х – 1950-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347 (июнь). С. 88.

⁴⁷⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 2339. Л. 5.

научных работников, учителей и студентов проходило практически во всех вузах СССР во второй половине 1940-х гг.⁴⁷⁵.

В последующие годы комиссия содействия написанию «Истории Татарии» при Институте истории АН СССР и под председательством А.П. Кучкина (1888–1973) организовала обсуждение разработанного сотрудниками сектора истории ИЯЛИ КФАН СССР проспекта «Истории Татарии» с древнейших времен до наших дней. В 1946 г. «написание и выпуск в свет «Очерков» становится первейшей задачей ТНИИЯЛИ*»⁴⁷⁶, которые должны стать номенклатурной историей, образцово показательной для последующих научных работ⁴⁷⁷. Составление данного труда было включено в план научно-исследовательских работ института на 1946 г., работы по его написанию планировалось закончить в мае 1947 г. и на них потратить 60 тыс. рублей⁴⁷⁸. В обсуждении приняли участие крупнейшие историки страны — академики А.М. Панкратова, Н.М. Дружинин, М.Н. Тихомиров, члены-корреспонденты АН СССР С.К. Богоявленский, С.В. Бахрушин, проф. А.П. Смирнов и другие. К разработке целого ряда вопросов, до этого не рассматривавшихся на высоком уровне местной наукой, были подключены историки и археологи из Москвы. В частности, первую главу «Древнейшее население Волжско-Камского края» поручено написать заслуженному деятелю науки ТАССР археологу Н.Ф. Калинин с рецензированием А.П. Смирновым. Вторая глава, посвященная Волжско-Камской Булгарии, была написана Б.Д. Грековым (с определенными доработками по проблемам социально-экономического строя, образования государства и его внутренней истории). Третья глава под названием

⁴⁷⁵ См.: Сизов С.Г. Идеологические кампании 1947–1953 гг. и вузовская интеллигенция Западной Сибири // ВИ. 2004. № 7. С. 95–103; Хаминов Д.В. Указ. соч. С. 89; Сонин А.С. Указ. соч. С. 18–63.

* Очевидно, что в архивных документах, датированных 25.11.1946 г., институт ошибочно упомянут как «ТНИИЯЛИ», вместо «ИЯЛИ КФАН СССР».

⁴⁷⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 399. Л. 10.

⁴⁷⁷ Измайлов И.Л. Не дано марксистской оценки Золотой Орде // Эхо веков. Гасырлар авазы. 1996. № 3/4. С. 98.

⁴⁷⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 398. Л. 23.

«Волжско-Камская Болгария под властью Золотой орды»^{*} была подготовлена Х.Г. Гимади. К написанию остальных десяти глав было решено привлечь столичных ученых – М.Н. Тихомирова, Л.В. Черепнина, И.Н. Фирсова и местных – Е.И. Чернышева, А.Н. Григорьева, А.А. Тарасова, Р.М. Раимова⁴⁸⁰. Несмотря на благоприятное впечатление, которое произвели научные планы на столичных ученых, Татарский обком ВКП(б) отмечал их неудовлетворительную реализацию из-за медленной перестройки институтом своей деятельности и отсутствия систематического квалифицированного руководства работой историков⁴⁸¹.

Несмотря на разработанность проблематики древней и средневековой истории края относительно более позднего времени, интерес к вопросам происхождения татар не ослабел у местных специалистов, партийных работников. Данная тенденция наблюдалась и в других регионах Прикамья с начала 1940-х гг. Вкупе с организационной перестройкой местной археологической науки (появление региональных филиалов АН СССР, регулярных экспедиций) это означало возврат к этнологической парадигме, который выражался в исследовательском интересе к вычленению локальных групп памятников – археологических культур, их периодизации и культурно-хронологической характеристике⁴⁸².

Насколько эта проблема волновала умы далеких от непосредственных этногенетических исследований людей, свидетельствует письмо преподавателя Московского областного пединститута Н. Бахтиярова секретарю Татарского обкома ВКП(б) З.И. Муратову накануне знаменательного события для татарской исторической науки – объединенной научной сессии 1946 г. Уроженец Татарии, работавший некоторое время

^{*} В дальнейшем название третьей главы несколько раз менялось, например, так: «Народы Среднего Поволжья под властью монгольских завоевателей»

⁴⁸⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 399. Л. 14, 15.

⁴⁸¹ Постановление Татарского областного комитета ВКП(б) «О состоянии работы по составлению «Очерков по истории Татарской АССР» от 21 апреля 1946 г. // Эхо веков. Гасырлар авазы, № 3/4, 1996. С. 113.

⁴⁸² Оконникова Т.И. Указ. соч. С. 125.

заведующим кафедрой основ марксизма-ленинизма Казанского мединститута, раскрывает читателю ошибочные представления русских и местных историков о казанских татарах, как «отколовшейся части монголо-татарского нашествия, угнетателей русских». В качестве противовеса точке зрения «фальсификаторов истории казанских татар» автор предлагает считать неоспоримым фактом, что «предки казанских татар жили еще, примерно за 6 веков до прихода монголов на Средней Волге в совместной жизни с восточными славянами, чувашами, марийцами и другими народами». Автор письма главным итогом решения ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. считает решение вопроса происхождения казанских татар, и основным инструментом для этого является, по его мнению, филиал АН СССР⁴⁸³.

Период второй половины 1940-х гг. для казанской исторической науки многими современными историками охарактеризован как утверждение концепции болгарского автохтонизма в качестве официальной. 25–26 апреля 1946 г. в Москве в Отделении истории и философии АН СССР состоялась сессия по вопросу этногенеза волжских татар. На ней с докладами и сообщениями выступили крупные историки, лингвисты, этнографы, археологи и антропологи Москвы, Ленинграда, Казани и других городов. В целом проблему происхождения казанских татар затронул в своем докладе А.П. Смирнов, сквозь призму антропологии этот вопрос рассмотрела Т.А. Трофимова, а казанские ученые Н.И. Воробьев, Л.З. Заляй сформулировали свои выводы по этнографическим и лингвистическим данным. Содоклады были сделаны Н.Ф. Калинин и Х.Г. Гимади. С сообщениями также выступили М.Н. Тихомиров, С.П. Толстов, Н.К. Дмитриев, А.Ю. Якубовский, С.Е. Малов, В.В. Богданов, Р.М. Раимов, Ш.И. Типеев, А.Б. Булатов.

⁴⁸³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 6. Д. 399. Л. 21–22.

Участники сессии, несмотря на ряд полемических вопросов, опираясь на выводы археологии, этнографии, лингвистики, антропологии и других смежных дисциплин, пришли к выводу о том, что «на формирование и развитие современных татар решающее влияние оказали, прежде всего, местные племена и тюрко-язычные булгары, которые затем, как и другие народности, были покорены ханами Золотой Орды...»⁴⁸⁴, «казанские татары, как и всякая народность, есть результат длительного общения и взаимосвязей с другими народностями и этническими группами», и в их формировании значительное участие приняли тюркоязычные племена Поволжья, прежде всего булгары и отчасти кипчаки. При этом не отрицалось влияние других местных и пришлых этнических групп, с которыми взаимодействовали татары⁴⁸⁵. Хотя Золотая Орда не оказала сколь-нибудь существенного влияния на формирование местных культур и рассматривалась в качестве чисто внешнего явления для этнической истории татарского народа⁴⁸⁶. Правда, М.Н. Тихомиров считал при этом, что период Золотой Орды, «как явление общемирового порядка» должен «найти какое-то отражение в истории Татарии, нельзя его пропустить, отталкиваясь от Золотой Орды, как от чего-то несуществующего»⁴⁸⁷.

Данные и другие материалы дискуссии были опубликованы в 1946 г. в журнале «Советская этнография» и в сборниках «Происхождение казанских

⁴⁸⁴ Материалы по истории Татарии. Вып. I. Казань: Татгосиздат, 1948. С. 3–4.

⁴⁸⁵ Происхождение казанских татар. Материалы сессии Отделения истории и философии АН СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, 25–26 апреля 1946 г. Казань: Татгосиздат, 1948. С. 4; Гимади Х.Г. Изучение истории Татарии в Казанском филиале Академии наук СССР // Известия Казанского филиала Академии наук СССР. 1957. Юбилейный сборник. С. 156–157.

⁴⁸⁶ Смирнов А.П. К вопросу о происхождении татар Поволжья // Происхождение казанских татар. Материалы сессии Отделения истории и философии АН СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, 25–26 апреля 1946 г. Казань: Татгосиздат, 1948. С. 16.

⁴⁸⁷ Выступления. Проф. М.Н. Тихомиров // Происхождение казанских татар. Материалы сессии Отделения истории и философии АН СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, 25–26 апреля 1946 г. Казань: Татгосиздат, 1948. С. 120, 122.

татар», «Материалы по истории Татарии» (1948 г.)⁴⁸⁸. Что интересно, активная научно-исследовательская и публикаторская деятельность историков, археологов, выполнение ими плана научно-исследовательских работ за 1948 г. принесло сектору истории ИЯЛИ КФАН СССР определенные плоды. В мае 1949 г. его представителям было передано переходящее знамя института⁴⁸⁹.

Значение проведенной в 1946 г. научной сессии заключалось в выработке единого научного подхода к изучению истоков татарского народа, что утвердило определенный взгляд на характер и природу этнокультурных контактов, социально-экономических отношений, становления государства предков современных татар.

Таким образом, постановление от 9 августа 1944 г. оказало важное влияние не только на научную жизнь, но и на общественно-политическую обстановку в ТАССР в целом, изменив условия жизнедеятельности национальной интеллигенции. Реализация постановления привела к ограничению ряда научных тем в национальной истории, произведений литературы и искусства. Постановление ЦК ВКП(б) для татарских историков явилось своеобразной программой действий, воплотившейся в различных каналах научной коммуникации (публикации, дискуссии, конференции). Говоря словами крупного историка того времени А.М. Панкратовой, под давлением идеологов ЦК ВКП(б) вынужденной признать «ошибки и недостатки» своей исторической концепции, создание истории национальной республики – вопрос не только научный, но прежде всего политический⁴⁹⁰. Причем появление данного документа стояло в одном ряду с

⁴⁸⁸ Смирнов А.П. К вопросу о происхождении татар Поволжья // СЭ. 1946. № 3. С. 37–50; Трофимова Т.А. Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии // Там же. С. 51–74; Воробьев Н.И. Происхождение казанских татар по данным этнографии // Там же. С. 75–86; Заляй Л.К. вопросу о происхождении татар Поволжья (по материалам языка) // Там же. С. 87–92; Происхождение казанских татар. Материалы сессии Отделения истории и философии АН СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, 25–26 апреля 1946 г. Казань: Татгосиздат, 1948. 160 с.; Материалы по истории Татарии. Вып. I. Казань: Татгосиздат, 1948. 488 с.

⁴⁸⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 7571. Оп. 1. Д. 8. Л. 30.

⁴⁹⁰ Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП (б)(1944 г.) // ВИ. 1991. № 1. С. 190.

идеологическими кампаниями в духовной жизни советского общества середины 1940-х гг., только в ТАССР это произошло раньше, чем в целом в СССР.

Для археологической науки ТАССР 1940-е гг. оказались исключительно значимым этапом, в ходе которого расширился ареал исследуемых памятников, в научный оборот вводились новые материалы, требующие осмысления и постановки новых задач, наконец, появилась официальная версия происхождения татарского народа. Вместе с развитием потенциала исследовательских учреждений республики появились условия для формирования собственных национальных кадров историков и археологов, занимающихся разработкой проблем этнической истории татар, перенимая эстафетную палочку у столичных исследователей⁴⁹¹. Постановление 1944 г. напрямую не повлияло на исследуемую проблематику и не сказалось на изучении конкретных археологических памятников. Программные установки казанских археологов исходили прежде всего от внутринаучных задач, поставленных I Всесоюзным археологическим совещанием в 1945 г.

⁴⁹¹ См., напр.: Уяма Т. От «булгаризма» через «марризм» к националистическим мифам: дискурсы о татарском, чувашском и башкирском этногенезе // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Саппоро: Центр славянских исследований, 2003. С. 16–51.

Заключение

Изучение опыта взаимодействия науки с социально-политическими институтами общества на разных этапах исторического развития России сегодня все чаще становится объектом исследовательского интереса. Наука рассматривается как сложный, саморазвивающийся социальный институт, непосредственно включенный в процессы социального и политического развития. В научном сообществе археологов исследование институциональных и организационных основ отечественной археологии, внутренних и внешних факторов ее развития происходит в рамках самопознания науки.

Особое место в историографии занимает период становления и развития советской археологии в 1917 – конце 1940-х гг., когда масштабные преобразования затронули все сферы общества, в том числе социально-культурную сферу. В том числе они были значимы и для многонациональной Татарской АССР, образованной в мае 1920 г. Последовавшее строительство научных учреждений, постановка принципиально новых задач перед казанской археологией играли исключительную роль. При этом процесс взаимодействия власти и науки был чрезвычайно сложным и многоплановым, и его изучение позволяет обобщить опыт советского этапа истории местной археологии, составить целостное представление об общественно-политических процессах, политике к научной интеллигенции Татарстана.

Обращение к данной теме особенно в ее региональном разрезе было продиктовано достаточно слабой степенью научной разработанности ее различных аспектов. Несмотря на усиливающееся внимание к теме, в научной литературе пока еще редки попытки целостного, всестороннего изучения взаимоотношений властных структур и археологической науки. Существующая историография поставленной проблемы условно прошла в

своем развитии два основных периода: советский (с разделением на два этапа с водоразделом в середине 1950-х гг.) и постсоветский. За все это время появилось множество публикаций на тему воздействия советских политических институтов на археологическую науку, научное сообщество, однако комплексного исследования до сих пор не было проведено.

Поставленная в качестве цели диссертационного исследования попытка комплексного изучения социально-политических факторов развития археологической науки Татарской АССР в 1917 – конце 1940-х гг. распадается на ряд задач, которые были решены в ходе работы.

При решении первой задачи определены социально-политические факторы, которые оказали большое влияние на развитие казанской науки, деятельность представителей научного сообщества археологов и историков в 1917 – конце 1940-х гг.

Отвечая на социальные потребности, наука предстает как инструмент политики, а с другой стороны, является одним из активных акторов на политической арене. Проведение и интенсивность научных исследований, формирование научных направлений зависят от тех социальных и финансовых ресурсов, которые выделяются на самом высоком уровне политической власти, и от решений которой зависят организационные основы науки, система профессиональной подготовки и переподготовки кадров.

Советское государство влияло не только на материально-ресурсное обеспечение, институциональное оформление, подготовку кадров и формулирование исследовательских приоритетов исторической науки, но также на ее методологию, теорию и тематику исследований.

Характерной особенностью взаимодействия археологической науки с трансформирующимися социальными и политическими институтами советского общества является специфика самих археологических исследований, в которых значительное место занимает источниковедческий

материал. Первое время у ученых существовала возможность ограничиться публикацией результатов раскопок отдельных памятников, избегая социологических и исторических интерпретаций. Это приводило ко второму обстоятельству – вынужденной «миграции» историков в далекие от политики области науки – древнюю историю, археологию, этнографию, что освобождало от жесткого идеологического контроля. Другая особенность, связанная с моделями поведения ученых-археологов, заключалась в некоторой опосредованности взаимоотношений с существующей властью, касающихся оценки и выполнения целевых установок самим научным сообществом.

В работе конкретизированы параметры взаимодействия археологической науки с другими институтами советского общества, властью на следующих уровнях:

- 1) государственная идеология и научная политика;
- 2) взаимоотношения партийно-государственных органов власти с научными учреждениями и отдельными учеными, ведущими исследования по местной археологии и истории;
- 3) подготовка кадров для археологической науки;
- 4) социальная политика в отношении научной интеллигенции;
- 5) общественный интерес к местной истории.

В работе также изучены особенности развития дореволюционной местной археологии. Этот период характеризуется противоречивыми тенденциями, которые сказались на ее последующем развитии. Факторы, способствующие становлению и развитию дореволюционной местной археологии, касались открытия Императорского Казанского университета в 1804 г., общественных реформ 1860-х гг., активной роли центральных учреждений (государственные органы в виде статистических комитетов, министерств; общественные организации в виде Археологической комиссии, МАО), проведения в Казани в 1878 г. IV археологического съезда. Наконец,

благодаря познавательной активности местных археологов были выделены приоритетные направления исследований: составление археологической карты; изучение памятников «болгарской культуры»; городская археология Казани; охрана памятников истории и культуры, популяризация идей об археологическом прошлом края через публикацию работ, публичные лекции, организацию выставок.

При этом существовал ряд тенденций, тормозящих развитие науки, и одновременно выступающих в качестве ее характерных особенностей. Во-первых, это долгое отсутствие четкой программы археологического изучения края, и как следствие, бессистемность изысканий, которые определялись личными интересами отдельных ученых. Во-вторых, отсутствие системы подготовки археологов сказывалось на преемственности в разработке научных проблем. Как следствие, замедляется изучение некоторых периодов истории края. Кроме того в дореволюционное время казанская археологическая наука столкнулась с проблемой недостатка кадров для научных изысканий. Приходилось даже привлекать к полевым работам археологов со стороны, либо ученых смежных специальностей. В целом, смена поколений казанских археологов и совпавшие с ней Первая мировая война и революции, не могли не сказаться на научных изысканиях, объем которых в те годы резко сокращается.

После 1917 г. на первый план выходят социально-политические факторы развития казанской археологической науки. Они касались изменений в идеологическом, институциональном, социальном аспектах.

В первые годы советской власти в структурах и формах организации казанской археологической науки происходят существенные изменения. Советское государство через Наркомпрос и партийные органы старалось контролировать все стороны научной жизни. Ими определялись и утверждались планы работ, финансирование, подбирались и назначались руководящие кадры, принимались отчеты, устанавливались штатное

расписание, оклады, система оплаты труда, звания и степени. Организующим элементом в развитии научных исследований был Наркомпрос ТАССР, при котором существовал Академический центр. Перед ним ставились общие задачи в сфере планирования деятельности образовательных и научных учреждений, разработки проектов по организации научных экспедиций, исследований и созыва научных конференций и т.д. Реализация задач Академцентра проходила в тесном взаимодействии с партийной организацией Татарской АССР.

В Татарии продолжали развитие прежние и появлялись новые научные организации, занимавшиеся археологическими изысканиями – вузы, музеи, научные и краеведческие общества. Это происходило в русле оживившегося в 1920-е гг. краеведческого движения.

Кроме того, 1920-е гг. были временем поиска рациональных организационных форм научных исследований в Татарской АССР. Научная работа строилась на основе взаимодействия историко-краеведческих обществ, местных музеев и государственных органов. В это время складывается региональная централизованная система управления исторической и археологической наукой, которая характеризовалась всесторонним контролем партийных и государственных органов за деятельностью научных учреждений. Однако кризис исторического образования, неудачные попытки подготовки археологов, сужение образовательных задач новых вузов Татарской АССР, недостаток финансирования научных исследований и в целом, активное вмешательство государственно-партийных структур в деятельность вузов и научных обществ, привели к тому, что приток археологов в местную науку иссяк и возобновился лишь в конце 1930-х гг.

Одной из тенденций этого времени было возрастание объемов археологических работ, организованных столичными учреждениями. Это

выступало мобилизующим фактором, способствующим развитию местной археологии.

Одновременно с институциональными процессами трансформацию в интеллектуальный слой нового типа переживает казанская научная интеллигенция. Сдержанное, а подчас враждебное, отношение преподавателей и ученых к новой власти постепенно сменяется поддержкой проводимых ею общественных преобразований. Казанские историки и археологи активно участвовали в создании новых научно-просветительских учреждений, в реформировании существующей структуры науки и образования, в административно-хозяйственной деятельности организаций. При этом взаимоотношения казанских археологов с властью постоянно развивались, приобретая характер то благоприятствующих в 1920-е гг., то ужесточаясь к середине 1930-х гг. Это серьезно затормозило процесс поиска наиболее эффективных форм организации исследований как гуманитарного направления в целом, так и археологических, в частности.

Факторами, непосредственно влиявшими на жизнь и научную деятельность казанских историков и археологов, являлись тяготы гражданской войны, голод, коренные сдвиги в экономике. Они вынуждали представителей интеллигенции довольствоваться скудным питанием, мизерными окладами, отсутствием элементарных бытовых условий.

Для казанской научной интеллигенции период 1920-х гг. складывался противоречиво: с одной стороны, лишения гражданской войны сопровождались структурными изменениями в науке и образовании, что давало многим надежду на улучшение условий научной деятельности и подготовки новых кадров археологов и историков. С другой стороны, оживление научной жизни и археологических изысканий соседствовало с разрушением исторического образования и бесплодными попытками создания археологического направления подготовки молодых специалистов для оживившегося историко-краеведческого движения.

Вторая задача, решаемая в настоящем исследовании, касалась определения основных особенностей развития казанской археологии в условиях модернизации советского общества 1930-х гг.

С изменением государственных задач по развитию конкретных отраслей народного хозяйства региона организационное многообразие местной археологии в начале 1930-х гг. сужается до единичных структур, где ученые могли продолжать свои изыскания. С конца 1920-х гг. и на протяжении двух десятилетий в Татарской АССР постоянно работали всего два археолога – Н.Ф. Калинин и А.П. Смирнов, которые в своем сотрудничестве и взаимодействии заложили основы многих направлений региональной археологии.

В этом периоде выделяются два качественно отличающиеся друг от друга этапа. Основные тенденции первого из них (начало – середина 1930-х гг.) состояли в резком уменьшении историко-археологических исследований, численности научных учреждений, ведущих археологические изыскания.

На втором этапе (вторая половина 1930-х – начало 1940-х гг.) активизируются археологические исследования региона силами столичных организаций и Центрального музея ТАССР, возобновляется историческое образование в Казанском университете и возникает Татарский научно-исследовательский институт языка и литературы (ТНИИЯЛ), взявший на себя разработку исторической проблематики. В конце 1930-х гг. расширяется археологическое изучение республики, что связано с увеличением капитального строительства и потребностью проведения предварительного археологического изучения памятников, находившихся в зоне новостроек. Восстанавливается важная роль Центрального музея ТАССР в проведении полевых и камеральных археологических исследований, что связывают с активизировавшимися научными контактами с местными и столичными учеными.

Третья задача касалась определения основных особенностей взаимодействия партийно-государственных органов власти и археологической науки ТАССР в 1940-е гг. Дана характеристика общего состояния археологических исследований, прерванных Великой Отечественной войной. С появлением ТНИИЯЛИ, перед которым ставилась задача написания истории Татарии, для археологической науки открылись новые возможности и перспективы развития. Связаны они с именем Н.Ф. Калинина, который в 1939 г. приходит в ТНИИЯЛИ на должность научного сотрудника. Единственный сотрудник-археолог, он создал развернутую программу археологических и эпиграфических исследований республики. Большую роль в подготовке молодых археологов сыграл археологический кружок, созданный по инициативе Н.Ф. Калинина и подготовивший многие поколения археологов-профессионалов, среди которых А.Х. Халиков, Т.А. Хлебникова и др.

В дальнейшем высокий научный статус республики в конце войны был воплощен в создании филиала АН СССР с отдельным институтом языка, литературы и истории. Именно здесь стала концентрироваться местная археологическая наука. Проведение новостроечных экспедиций создало источниковую основу и ядро кадрового потенциала формирующейся казанской археологии. И в будущей перспективе идейное и методико-методологическое руководство способствовало активному обобщению имеющегося материала в виде археологической карты республики, монографий и многочисленных тематических сборников статей по древней и средневековой истории

Связь ученых с партийными структурами республики прослеживается и по формируемой научной повестке дня. Надо отметить, что на протяжении конца 1930-х – начала 1940-х гг. менялись функции и методика планирования партийными органами научных исследований: из инструмента контроля и учета они превращались в инструмент развития научного потенциала и его

эффективного использования. Однако существовали объективные условия, связанные с тенденциями предшествующих десятилетий и ограничивающие возможности казанских археологов и историков в создании обобщающих трудов по истории татарского народа. Они связаны с недостатком квалифицированных кадров, социальными трудностями военного времени.

Важным годом для исторической и археологической науки ТАССР был 1944 г., как с точки зрения освещения дискуссионных проблем истории татарского народа, так и с точки зрения взаимодействия партийно-государственных органов с научными учреждениями республики. Связан он с выходом постановления ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» от 9 августа 1944 г. Этот документ стоял в одном ряду с подобными официальными актами в других национальных республиках СССР, и первостепенную роль в развертывании идеологической работы в тыловых и освобожденных районах. В результате был усилен идеологический нажим на исследователей, и что важно, деятельность государственно-партийных органов привела к внешнему изменению итогов научного труда ученых ТАССР. Период второй половины 1940-х гг. для татарской науки многими современными историками охарактеризован как утверждение концепции болгарского автохтонизма в качестве официальной в результате проведенной в апреле 1946 г. в Москве сессии по вопросу этногенеза волжских татар. Ее значение заключалось в выработке единого научного подхода к изучению истоков татарского народа, что утвердило определенный взгляд на характер и природу этнокультурных контактов, социально-экономических отношений, становления государства предков современных татар.

Таким образом, постановление от 9 августа 1944 г. оказало важное влияние не только на научную жизнь, но и на общественно-политическую обстановку в ТАССР в целом, изменив условия жизнедеятельности

национальной интеллигенции. Реализация постановления привела к ограничению ряда научных тем в национальной истории, произведений литературы и искусства. Постановление ЦК ВКП(б) для татарских историков явилось своеобразной программой действий, воплотившейся в различных каналах научной коммуникации (публикации, дискуссии, конференции). Причем появление данного документа стояло в одном ряду с идеологическими кампаниями в духовной жизни советского общества середины 1940-х гг., только в ТАССР это произошло раньше, чем в целом в СССР.

Для археологической науки ТАССР 1940-е гг. оказались исключительно значимым этапом, в ходе которого расширился ареал исследуемых памятников, в научный оборот вводились новые материалы, требующие осмысления и постановки новых задач, наконец, появилась официальная версия происхождения татарского народа. Вместе с развитием потенциала исследовательских учреждений республики появились условия для формирования собственных национальных кадров историков и археологов, занимающихся разработкой проблем этнической истории татар, перенимая эстафетную палочку у столичных исследователей. Постановление 1944 г. напрямую не повлияло на исследуемую проблематику и не сказалось на изучении конкретных археологических памятников. Программные установки казанских археологов исходили прежде всего от внутринаучных задач, поставленных I Всесоюзным археологическим совещанием в 1945 г.

Подводя итог, следует отметить, что взаимодействие археологической науки Татарской АССР с социально-политическими институтами в 1917 – конце 1940-х гг. носило противоречивый и многофакторный характер. С одной стороны, большой ущерб нанесло насаждение административно-командных методов управления научной сферой и идеологизация науки, монопольное положение марксистской методологии в научных трудах, репрессии в отношении неугодных исследователей. С другой стороны,

научная мысль в этих сложных условиях сумела отстоять свое право на существование, а созданная система научно-образовательных учреждений республики сумела мобилизовать и умело использовать научные силы для изучения истории татарского народа.

Список использованных источников и литературы

Неопубликованные источники

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ)

1. **Ф. Р-1334 – Казанский институт усовершенствования учителей Министерства просвещения РСФСР.** Оп. 2. Д. 8.
2. **Ф. Р-1339 – Северо-Восточный археологический и этнографический институт.** Оп. 1. Д. 2, Д. 3, Д. 11, Д. 18, Д. 26, Д. 36, Д. 37; Оп. 2л. Д. 12, Д. 16.
3. **Ф. Р-3682 – Министерство просвещения ТАССР.** Оп. 2. Д. 1512; Оп. 39. Д. 15.
4. **Ф. Р-439 – Дом татарской культуры (ДТК).** Оп. 1. Д. 25, Д. 29, Д. 30, Д. 33.
5. **Ф. Р-447 – Общество изучения Татарстана (ОИТ).** Оп. 1. Д. 2, Д. 16, Д. 20, Д. 40, Д. 42, Д. 43, Д. 44, Д. 45, Д. 46, Д. 49.
6. **Ф. Р-1337 – Казанский государственный университет.** Оп. 2. Д. 1, Д. 4; Оп. 18л. Д. 1, Д. 7.
7. **Ф. Р-1487 – Восточно-педагогический институт (Государственный педагогический институт г. Казани).** Оп. 1. Д. 279.
8. **Ф. Р-2021. – Казанский губернский музей.** Оп. 1. Д. 5; Оп. 2л. Д. 10.

Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ)

9. **Ф. 15 – Татарский республиканский комитет (РЕСКОМ), г.Казань (1920–1991 гг.).** Оп. 2. Д. 175; Оп. 3. Д. 397, Д. 854, Д. 1257; Оп. 5. Д. 1015 а, Д. 1384, Д. 1389, Д. 1834; Оп. 6. Д. 398, Д. 399, Д. 2339, Д. 4379.
10. **Ф. 7571 – Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР.** Оп. 1. Д. 1, Д. 3, Д. 8.

11. Ф 1337 – Казанский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина Министерства высшего и среднего специального образования СССР. Оп. 2. Д. 45.

Опубликованные источники

Нормативно-правовые акты и официальные документы

12. I Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы, 6–11 апреля 1931 г. Стенографический отчет. М.–Л.: Соцэкгиз, 1931. 431 с.

13. Восемнадцатый съезд ВКП(б). Москва. 10–21 марта 1939 г. Резолюции съезда // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. И испр. Т.7 (1938–1945). М.: Политиздат, 1985. С. 49–108.

14. Восьмой съезд РКП(б). Программа партии // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1983. Т. 2. 1917–1922.

15. Декрет СНК «О Народном комиссариате по просвещению (Положение)» от 11 февраля 1921 г. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л.: Наука, 1968. С. 38–40.

16. Из постановления XIII Всероссийского съезда Советов по докладу А. В. Луначарского «Состояние народного просвещения в РСФСР» об укреплении связи науки с производством и внесении в работу элементов плановости от 16 апреля 1927 г. // Организация советской науки в 1926–1932 гг. Сборник документов. Л.: Наука, 1974. С. 24–25.

17. Из резолюции VI съезда заведующих отделами народного образования по докладу А. В. Луначарского «XV съезд Компартии и очередные задачи народного образования об улучшении организации

научной работы» от 10 мая 1928 г. // Организация советской науки в 1926–1932 гг. Сборник документов. Л.: Наука, 1974. С. 137–138.

18. Информация Комиссариата по просвещению СКСО о деятельности его Научного отдела // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л.: Наука, 1968. С. 28–29.

19. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 8 изд. Т. 4. М., 1970.

20. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 2. М.: Политиздат, 1983. 606 с.

21. Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л.: Наука, 1968. 420 с.

22. Организация советской науки (1926–1932). Сборник документов. Л.: Наука, 1974. 408 с.

23. Положение о Государственном ученом совете от 15 марта 1923 г. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л.: Наука, 1968. С. 41–43.

24. Постановление Совнаркома РСФСР о рационализации сети научно-исследовательских учреждений РСФСР от 29 октября 1931 г. // Организация советской науки в 1926–1932 гг. Сборник документов. Л.: Наука, 1974. С. 50–52.

25. Постановление Татарского областного комитета ВКП(б) «О состоянии работы по составлению «Очерков по истории Татарской АССР» от 21 апреля 1946 г. // Эхо веков. Гасырлар авазы, № 3/4, 1996. С. 112–114.

26. Постановление Татарского областного комитета ВКП(б) «Об ошибках и недостатках в работе Татарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории» от 6 октября 1944 г. // Эхо веков. Гасырлар авазы, № 3/4, 1996. С. 101–104.

27. Постановление ЦК ВКП(б) «О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-политической и культурно-просветительной работы среди населения» // КПСС в резолюциях

и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. И испр. Т.7 (1938–1945). М.: Политиздат, 1985. С.506–512;

28. Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации» от 27 января 1945 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. И испр. Т.7 (1938–1945). М.: Политиздат, 1985. С.539–543.

29. Постановление ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» от 9 августа 1944 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е, доп. И испр. Т.7 (1938–1945). М.: Политиздат, 1985. С.513–520.

30. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М., 1974.

31. Спецсообщение Управления контрразведки НКГБ СССР «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов» // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. Под ред. А. Н. Яковлева. М: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 487–499.

32. Циркуляр Министерства внутренних дел по Центральному статистическому комитету от 27 апреля 1863 г. «О доставлении сведений о памятниках, древностей российских, к отечественной истории и жизни народов относящихся» // Охрана культурного наследия России XVII — XX вв. Хрестоматия. Том 1. М., 2000. С. 201.

Публикации и выступления официальных лиц

33. Бухарин Н.И. Ленинизм и проблема культурной революции // Бухарин Н.И. Избранные произведения. М., 1988. С.368–390.

34. Из доклада заместителя наркома просвещения В.Н. Яковлевой на собрании ячейки ВКП(б) Наркомпроса о необходимости усилить отражение задач социалистического строительства в научной и музейной деятельности от 22 мая 1929 г. // Организация советской науки в 1926–1932 гг. Сборник документов. Л.: Наука, 1974. С. 141.

35. Из доклада Ф.Н. Петрова на I Всероссийском съезде научных работников о перспективах деятельности Главнауки от 27 ноября 1923 г. // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л.: Наука, 1968. С. 46–51.

36. Ленин В.И. Доклад о партийной программе // Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1967. Т. 38. С. 151–173.

37. Ленин В.И. Задачи союзов молодежи (речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического союза молодежи 2 октября 1920 г.) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. 5-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1981. Т. 41 (Май–ноябрь 1920). С. 300–318.

38. Ленин В.И. Доклад о продовольственном налоге. X Всероссийская конференция РКП (б) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. в 55 т. 5-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1970. Т. 43 (Март – июнь 1921). С. 297–316.

39. Молотов В.М. Тридцатилетие Великой Октябрьской Социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1947 года // Большевик. 1947. №21. С. 16.

40. Обращение народного комиссара по просвещению А.В. Луначарского ко всем учащимся // Культурное строительство в РСФСР 1917–1927. Т.1. Документы и материалы 1917–1920. М., 1983. С. 71–89.

41. Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 года // Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. М.: Издательство «Писатель», 1997. С. 151–173.

42. Сталин И.В. Речь на VIII съезде ВЛКСМ 16 мая 1928 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 66–77.

Делопроизводственные документы научных обществ, НИИ и вузов ТАССР

43. Производственный план Общества Татароведения за 1925 год // Вестник научного общества татароведения. 1925. №1–2. С. 59–60.

44. Протоколы Общества археологии, истории и этнографии с докладами об ученых трудах В.В. Латышева // Известия ОАИЭ. 1908. Т. 23. Вып. 6. С. 32–34.

45. Устав НОТ // Вестник Научного общества татароведения. 1925. №1 – 2. С. 70.

46. Устав Общества // Известия ОАИЭ. Казань, 1878. Т.1. С. 7–10.

47. Устав Общества изучения Татарстана // НА РТ. Ф.447. Оп.1. Д. 18. Л. 111.

Материалы методологических дискуссий

48. Арциховский А.В. Новые методы в археологии // Историк-марксист. Т. 14. М., 1929. С. 136–155.

49. Арциховский А.В. Социологическое значение эволюции земледельческих орудий // Труды Секции социологии РАНИОН. Вып. I. М., 1927 С. 123–135.

50. Арциховский А.В., Киселев С.В., Смирнов А.П. Возникновение, развитие и исчезновение «марксистской археологии» // Сообщения ГАИМК. 1932. №1–2. С. 46–48.

51. Быковский С.Н. К итогам Всероссийского археолого-этнографического совещания // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1932. №11–12. С. 7–11.

52. Быковский С.Н. Какие цели преследуются некоторыми археологическими исследованиями? // Сообщения ГАИМК. 1931. №4–5. С. 20–22.

53. Быковский С.Н. О классовых корнях старой археологии // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. №9–10. С. 2–5.

54. Луппол И.К. Диалектический материализм и музейное строительство. Доклад на 1-м музейном съезде. М., 1931. 32 с.

55. Максимов Л. О журнале «Вопросы истории» // Большевик. 1952. № 13. С. 60 –70.

56. Мещанинов И.И. Теория миграции и археология // Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. 1931. №9–10. С. 33–39.

57. Марр Н.Я. Что дает яфетическая теория истории материальной культуры // Сообщения ГАИМК. 1931. №11–12. С. 7–21.

58. Равдоникас В.И. О применении метода диалектического материализма к истории доклассового общества // Сообщения ГАИМК. 1931. №9–10. С.5–32.

59. Равдоникас В.И. На новый этап // Сообщения ГАИМК. 1932. №1–2. С. 49–60.

Программные документы исторической и археологической науки

60. Всероссийское археолого-этнографическое совещание // Сообщения ГАИМК. 1932. №7–8. С. 1–6.
61. Всесоюзное археологическое совещание // Вестник АН СССР. 1945. № 4. С. 88–96.
62. Задачи «Советской археологии» // СА. 1936. Вып. I. С. 1–6.
63. Задачи советских археологов в свете трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания и экономическим проблемам // СА. 1953. XVII. С. 9–22.
64. Записка 342-х ученых // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2005. № 6. С. 88–89.
65. Наши задачи в области археологических исследований в связи с решениями ЦК ВКП(б) и Совнаркома Союза ССР об учебниках по истории // СА. 1937. Вып. II. С. 1–15.
66. Наши задачи в связи с Постановлением ЦК ВКП (б) от 15 марта 1931 // Сообщения ГАИМК. 1931. №6. С. 2–5.
67. О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // ВИ. 1949. №2. С.3–13.
68. О новых и старых кадрах // Сообщения ГАИМК. 1932. №5–6. С. 4–5.
69. Целевая установка и новые задачи ГАИМК // Сообщения ГАИМК. 1931. №2. С. 1–4.

Публикации историков и археологов 1920-х – 1940-х гг.

70. Арбатов С. Общество изучения Татарстана на новых путях. Казань, 1930. 32 с.
71. Башкиров А.С. Экспедиция по изучению болгаро-татарской культуры летом 1928 г. // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТАССР. Т. III. Казань, 1929. С. 27–36.

72. Бочаров Н. Об участии Губернских статистических комитетов в разработке отечественной археологии // Труды I Археологического съезда. Т. I. М., 1871. С. 124–129.
73. Воробьев Н.И. Происхождение казанских татар по данным этнографии // СЭ. 1946. №3. С. 75–86.
74. Выступления. Проф. М.Н. Тихомиров // Происхождение казанских татар. Материалы сессии Отделения истории и философии АН СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, 25–26 апреля 1946 г. Казань: Татгосиздат, 1948. С. 119–123.
75. ГАИМК и музеи // Сообщения ГАИМК. 1931. №7. С. 2–3.
76. Гимади Х.Г. Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды // Материалы по истории Татарии. Вып. I. Казань: Татгосиздат, 1948. С. 185–224.
77. Губайдуллин Г. С. Что сделано в области социальных наук в Татарской республике в течение пяти лет // За 5 лет: к V годовщине провозглашения Татарской социалистической советской республики. Казань, 1925. С. 167–176.
78. Калинин Н.Ф. Город Казань // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. М. – Л., 1941. С. 104–106.
79. Калинин Н.Ф. Казанская стоянка // Историко-археологический сборник. М., 1948. С. 179–186.
80. Калинин Н.Ф. От Сюкеева к Камскому Устью // Записки Тетюшского музея. Т. III. Казань, 1928. С. 8–13.
81. Малахов М.В. К антропологии Вятского края // Известия Русского географического общества. СПб., 1882. Т. XVIII. Вып. 4. С. 199–228.
82. Миронец Г. Институт музееведения // Сообщения ГАИМК. 1932. №7–8. С. 71–76.

83. Обзор деятельности научного Общества Татароведения (1923–1929 гг.) // Вестник Научного Общества Татароведения. №9/10. Казань: Изд-во Дома татарской культуры, 1930.

84. Покровский И. М. Памяти проф. Н.Ф. Катанова // Известия ОАИЭ. 1923 Т.32. Вып. 2. С. 245–259.

85. Смирнов А.П. К вопросу о происхождении татар Поволжья // Происхождение казанских татар. Материалы сессии Отделения истории и философии АН СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, 25–26 апреля 1946 г. Казань: Татгосиздат, 1948. С. 5–26.

86. Смирнов А.П. К вопросу о происхождении татар Поволжья // СЭ. 1946. №3. С. 37–50.

87. Смолин В.Ф. Археологические заметки // Вестник Научного общества татароведения. 1926. №4–5. С. 72–76.

88. Фирсов Н.Н. Изучение Татарии в историческом, археологическом и этнографическом отношении // Новый Восток. М., 1928. Книга 20–21. С. 324–332.

89. Фирсов Н.Н. Восстановить краеведческую работу // Красная Татария. 1937. 28 июля.

90. Худяков М.Г. Очерк истории первобытного общества на территории Марийской области (Введение в историю народа мари) // Известия ГАИМК. М. – Л., 1935. Вып. 141. 132 с.

Обобщающие издания

91. История Татарии в материалах и документах. М.: Институт истории АН и Татарский научно-исследовательский институт марксизма-ленинизма, 1937. 504 с.

92. Материалы по истории Татарии. Вып. I. Казань: Татгосиздат, 1948. 488 с.

93. Происхождение казанских татар. Материалы сессии Отделения истории и философии АН СССР, организованной совместно с Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР, 25–26 апреля 1946 г. Казань: Татгосиздат, 1948. 160 с.

Литература

1. Абдрашитова И.М. Из истории Научного общества татароведения (1923 – 1929 гг.) // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. – Вып. 150, сб. 7. Казань, 1975. С. 101–111.
2. Абдрашитова И.М. Из истории создания Общества изучения Татарстана (1928–1930 гг.) // Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Вып. 145, сб. VI. Казань, 1975. С. 63–72.
3. Абдрашитова И.М. Научные общества по изучению истории Татарстана (1923–1930 гг.) // Вестник ТГГПУ. 2006. №5. С. 37–56.
4. Авдулов А. Н. Процесс институционализации науки в России и его особенности: // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2001. №4. С. 24–47 .
5. Алавердов К. Практика яфетидологов и современность // Революция и язык. М., 1931. №1. С. 50–55.
6. Александров Д.А. Наука и кризисы XX века: Россия, Германия и США между двумя мировыми войнами // Наука и безопасность России: историко-научные, методологические, историко-технические аспекты / ред. А.Г. Назаров. М.: Наука, 2000. С. 288–325.
7. Александров Д.А. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // ВИЕТ. 1996. №3. С. 3–24.
8. Алексеева Г.Д. История. Идеология. Политика (20–30-е гг.) // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 79–167.

9. Алексеева Г.Д. Предисловие // Историческая наука России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 3–12.
10. Алексеева С.В. Краеведческие музеи как форма культуры российской провинции // Триумф музея? СПб.: «Осипов», 2005. С. 377–400.
11. Амирханов Р.У., Гарипова З.Г. Некоторые проблемы становления гуманитарных наук в Татарии в 20–30-е годы и развитие национальной культуры // Великий Октябрь и некоторые вопросы формирования татарской социалистической нации. Казань, 1989. С. 81–96.
12. Артизов А.Н. Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // ВИ. 1994. С. 34–48.
13. Афанасьев Ю.Н. Феномен советской историографии // Отечественная история. М., 1996. №5. С. 146–168.
14. Ахундов М.Д., Баженов Л.Б. У истоков идеологизированной науки // Природа. 1989. №2. С. 90–99.
15. Байрау Д. Предисловие // Литературный фронт. История политической цензуры 1932–1946 гг.: Сб. документов / Сост. Д. Л. Бабиченко. М.: Энциклопедия российских деревень, 1994. С. 3–5.
16. Баранец Н.Г., Ершова О.В., Кудряшова Е.В. Значение власти для выработки норм в научном сообществе // Власть. 2011. №7. С. 55–57.
17. Баранов Д.А. Этнографический музей и «рационализация системы» // ЭО. 2010. №4. С. 26–43.
18. Барсенков А.С., Вдовин А.И., Корецкий В.А. Русский вопрос в национальной политике. XX век. М, 1993. 163 с.
19. Бастракова М.С. Становление советской системы организации науки (1917–1922). М.: Наука, 1973. 294 с.
20. Бахта В.М. Краеведение и музейное дело в СССР. Учебное пособие. М.: МГИК, 1977. 68 с.
21. Беляев Е.А. КПСС и организация науки в СССР. М.: Политиздат, 1982. 143 с.

22. Бердяев Н.А. Духовный кризис интеллигенции. М.: Канон, 1998. 398 с.
23. Бернал Дж. Наука в истории общества. М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. 735 с.
24. Бехманн Г., Горохов В.Г. Изменение роли науки в обществе: поиск новых идеалов в научной системе Германии // Вестник РАН. 2010. Т. 80. № 3. С. 258–266.
25. Бранденберг Д.Л., Дубровский А.М. Итоговый документ совещания историков в ЦК ВКП (б) в 1944 г. // Археографический ежегодник 1998. М., 1999. С. 148–163.
26. Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб.: Академический проект, 2009. 416 с.
27. Бурханов А.А. Золотоордынские памятники Поволжья: итоги и перспективы изучения, сохранения и использования (по материалам исследований поселений XIII–XVI вв. в Среднем и Нижнем Поволжье в 1995–2004 гг.) // История и современность. 2007. №1. С. 85–108.
28. Вайнгарт П. Момент истины для науки. Последствия «общества знания» для общества и наук // Российская наука и СМИ. Сборник статей международной интернет-конференции (5 ноября – 23 декабря 2003 года). М., 2004. С. 318–327.
29. Валеева Г.А. Деятельность кантонных краеведческих организации в Татарии в 20-е годы XX в. // Вестник ТГГПУ. 2008. №3 (14). С. 18–20.
30. Вангенгейм А.Ф. Краеведение и борьба за урожай // Известия ЦБК. 1929. №4. С. 2–4.
31. Ванюшева К.В. Коммуникативные практики в истории отечественной археологии (XVIII – конец 80-х гг. XX в.) // Вестник Удмуртского университета. 2011. Вып. 3. С. 93–98.

32. Вдовин А.И. Национальный вопрос и национальная политика в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): мифы и реалии (часть 2) // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2005. №2 (62). С. 3–7.
33. Вебер М. О некоторых категориях «понимающей» социологии. Смысл «понимающей» социологии // Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. Ред. И послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. С. 495–546.
34. Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд. М.: Наука, 1988. 336 с.
35. Верт А. Россия в войне 1941—1945. М., 1965. Вып. 1. 351 с.
36. Волков В.А., Куликова М.В. Российская профессура: «под колпаком» у власти // ВИЕТ. 1994. №2. С. 65–75.
37. Волкогонов Д. Сталинизм, сущность, генезис, эволюция // ВИ. 1990. № 3. С. 3–17.
38. Волобуев П.В. Русская наука накануне Октябрьской революции // ВИЕТ. 1987. № 3. С. 3–17.
39. Галямова А.Г. Переосмысливая советский период в истории татарского народа // Научный Татарстан. 1998. №3. С. 58–61.
40. Ганжа А.И. Этнические реконструкции в советской археологии 40–60 гг. как историко-научная проблема // Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев, 1987. С. 137–158.
41. Генинг В.Ф. Очерки истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х гг.). Киев: Наукова Думка, 1982. 226 с.
42. Генинг В.Ф. Проблемные ситуации и научные революции в археологии // Проблемная ситуация в современной археологии. Киев, 1988. С. 26–84.

43. Гильманов З.И. Развитие исторической науки // 50 лет поисков и открытий. Казань: Татарское книжное издательство, 1989. С. 127–148.
44. Гимади Х.Г. Изучение истории Татарии в Казанском филиале Академии наук СССР // Известия Казанского филиала Академии наук СССР. 1957. Юбилейный сборник. С. 155–161.
45. Гимади Х.Г. Монгольское иго и вопрос о происхождении казанских татар // Происхождение казанских татар. Казань, 1948. С. 108–115.
46. Гладарев Б.С., Карпенко О.В., Цинман Ж.М., Чикадзе Е.С. Роль краеведения в гражданском воспитании молодежи // Краеведение и гражданское общество. СПб: Издательство журнала «Звезда», 2004. С. 9–104.
47. Голуб Ю.Г., Баринов Д.Б. Судьбы российской художественной интеллигенции в условиях сталинского режима. Саратов : Изд-во Саратов. Ун-та, 2002. 192 с.
48. Гордина Е.Д. История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе. 2010. № 3. С. 9–13.
49. Городецкий, Е. Н. Историография как специальная отрасль знания // История СССР. 1974. № 4. С. 96–116.
50. Гришанин П.И. Проблема структуризации советской исторической науки на примере изучения историографии гражданской войны и белого движения (1917–1922 гг.) // Aus Sibirien – 2008. Научно-инф. Сборник. Тюмень, 2008. С. 52–56.
51. Дмитриенко А.В. Методологические проблемы науковедения. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1977. 176 с.
52. Доде З. В. Об одном аспекте изучения тюркской проблематики в советской исторической науке // XIX Крупновские чтения. Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (Москва, апрель 1996 г.): тезисы докладов. Москва, 1996. С. 67–70.

53. Емтыль З.Я. Адыгская интеллигенция: формирование и деятельность в исторической динамике конца XIX в. – начала 30-х гг. XX в. Краснодар: Издательский Дом–Юг, 2010. С. 18–66.
54. Емтыль З.Я. Политический курс советской власти в отношении старой интеллигенции (1917–20-е гг. XX в.) // Теория и практика общественного развития. 2010. №4. С. 234–238.
55. Ермолаев И.П., Шамов Г.Ф. Вопросы истории местного края периода феодализма в трудах ученых Татарии (20-е – начало 30-х годов XX в.) // Некоторые вопросы отечественной истории в трудах В.И. Ленина. Казань: Издательство Казанского ун-та, 1971. С. 128–141.
56. Зайцев А.В. Исторические учреждения Республики Татарстан в 20-30-е годы XX века. Казань, 1998. 122 с.
57. Закиев М.З. Происхождение Тюрков и Татар. М.: Издательство «Инсан», 2002. 496 с.
58. Закс А.Б. Всероссийский музейный съезд // ВИ. 1980. № 12. С. 164–167.
59. Заляй Л. К вопросу о происхождении татар Поволжья (по материалам языка) // СЭ. 1946. №3. С. 87–92.
60. Замошкин Ю.А. Взаимоотношение идеологии и науки // Социологические проблемы науки. М, 1974. С. 87–110.
61. Зеленов М.В. Перестройка аппарата ЦК ВКП(б) в 1946 г., в июле 1948 и октябре 1952 г.: структура, кадры и функции (источники для изучения) // Новейшая история России. 2011. №1. С. 97–116.
62. Зинич М.С. Трудовой подвиг рабочего класса в 1941–1945 гг.: по материалам отраслевой промышленности. М.: Наука, 1984. 232 с.
63. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 229 с.

64. Зулкарнеев К.Д. Первая Всетатарская краеведческая конференция и ее роль в учреждении «Общества изучения Татарстана» // Вестник ТГГПУ. 2010. №4(22). С. 117–120.

65. И это всё пройдет... Судьба и время: русские интеллигенты в начале XX в. Переписка Нестора Мемноновича Петровского и Сергея Ивановича Порфирьева (1899–1921 гг.). Казань, 2012. 264 с.

66. Идегей // Татарская энциклопедия. Т. 2. Казань, 2005. С. 529

67. Измайлов И.Л. Историческое прошлое как фактор национальной мобилизации // Единство татарской нации. Материалы науч. конф. АН РТ «Цивилизационные, этнокультурные и политические аспекты единства татарской нации» (Казань, 7–8 июня 2002). Казань, 2002. С. 57–75.

68. Измайлов И.Л. Не дано марксистской оценки Золотой Орде // Эхо веков. Гасырлар авазы. 1996. № 3/4. С. 96–114.

69. Измайлова С.Ю. А.М. Ефимова и ее роль в истории создания исторических экспозиций Национального музея РТ // Краеведческие чтения и среды. Выпуск 3: Материалы заседаний, прошедших в Национальном музее Республики Татарстан в 2002–2003 гг. Казань: РИЦ «Школа», 2003. С. 13–19.

70. Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Воспоминания. Т. II (1917–1930). Нью-Йорк, 1945. 640 с.

71. История Второй мировой войны 1939–1945 в двенадцати томах. Т. 10. Завершение разгрома фашистской Германии. М.: Военное Издательство Министерства Обороны СССР, 1979. 544 с.

72. Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: РИЦ «Школа», 2007. 356 с.

73. Кабирова А.Ш. Влияние властных структур на массовое сознание населения в Татарстане в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Научный Татарстан. 2009. № 2. С. 159–167.

74. Кабирова А.Ш. Воздействие власти на деятельность татарской гуманитарной интеллигенции в 1941–1945 гг. // Актуальные проблемы

истории государственности татарского народа: материалы научной конференции. Казань: Изд-во «Матбугат йорты», 2000. С. 128–138.

75. Кабирова А.Ш. Историография советского периода истории Татарстана (1917–1950-е гг.). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2008. 176 с.

76. Кабирова А.Ш. Сороковые – роковые: Татарстан в годы военного лихолетья. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. 212 с.

77. Караулов С.А. Государственная власть и научная интеллигенция в советской России: эволюция взаимоотношений в 1917–1991 гг. // Вестник МГОУ. Серия История и политические науки. 2009. №2. С. 89–94.

78. Каримов И.Р. Из истории организационного становления академической науки в Татарстане // Из истории Татарстана и татарского народа. Сб-к статей молодых ученых и аспирантов Института татарской энциклопедии АН РТ. Казань, 2003. С. 144–158.

79. Клейн Л. С. Парадигмы и периоды в истории отечественной археологии // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 173–183;

80. Коган Л.А. Выслать за границу безжалостно (Новое об изгнании духовной элиты) // Вопросы философии. 1993. № 9. С. 61–84.

81. Колчинский Э.И. В поисках советского «союза» философии и биологии // Науковедение. 1999. №1. С. 130–143.

82. Колчинский Э.И. Наука и консолидация советской системы в предвоенные годы // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 728–782.

83. Колчинский Э.И. Наука и кризисы в XX веке: некоторые результаты сравнительного анализа // Политическая концептология. М., 2009. №2. С. 29–40.

84. Колчинский Э.И. Создание сети научно-исследовательских учреждений // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 473–480.
85. Константинов С. В. Историческая наука России в идеологии ВКП(б) 30-х гг. // Историческая наука в России в XX веке. М.: Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. С. 217–243.
86. Корбут М.К. Казанский Государственный Университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет. Том 2. 1804/05–1929/30 гг. Казань: Изд-во Казанского университета, 1930. 382 с.
87. Кордонский С. Кризисы науки и научная мифология // Отечественные записки. 2002. №7. С. 71–82.
88. Корзун В.П., Колеватов Д.М. Социальный заказ и трансформация образа исторической науки в первое послевоенное десятилетие («На классиков, ровняйся!») // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 2. Омск, 2006. С. 199–224.
89. Косолапов Н.А. Мечты гуманитария, или Индикатор зрелости общества? (О социальном заказе на общественные науки) // Общественные науки и современность. 2004. №5. С. 32–42.
90. Коэн. С. Переосмысливая советский опыт (Политика и история с 1917 г.) Vermont, 1986. 217 с.
91. Кравец А.С. Наука и идеология // Общественные науки и современность. 1992. №6. С. 114–122.
92. Краеведение за 10 лет Советской власти // Известия Центрального бюро краеведения. 1927. № 8. С. 266–270.
93. Кривоносов Ю.И. Партийные органы и формирование кадровой политики в сфере науки (двадцатые – восьмидесятые годы XX века) // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2003 г. М.: Диполь-Т, 2003. С. 173–176.
94. Кузьминых С.В. Виктор Федорович Смолин, 1890–1932. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. 32 с.

95. Латыпова Г.М. Народный комиссариат просвещения ТАССР в 1920-е гг.: организация, структура, деятельность. Автореф. дисс.... к.и.н. Казань, 2011. 28 с.
96. Лахтин Г.А. Организация советской науки: история и современность. М.: Наука, 1990. 224 с.
97. Ледаев В.Г. Понятие интеллигенции: проблемы концептуализации // Интеллигенция и мир. 2001. №1. С. 12–18.
98. Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб: Изд-во СПбГУ. 1992. 464 с.
99. Лебедев Г.С. Опыт периодизации отечественной археологии // Проблемы истории отечественной археологии. Тезисы докладов конференции (11–13 декабря 1990 г.). СПб., 1993. С. 2–4.
100. Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция 1900–1917 гг. М.: Мысль, 1981. 285 с.
101. Лейман И.И. Наука как социальный институт. Л.: Наука, 1971. 180 с.
102. Леушин М. История татар перед судом ЦК ВКП(б) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1996. №3–4. С. 84–95.
103. Макаренко В.П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1989. 368 с.
104. Макаренко В.П. Этатизация науки: советский опыт // Правоведение. 2006. № 2. С. 207–236.
105. Малов Н.М. Советская археология в Саратовском государственном университете (1918–1940 гг.): организационное становление, развитие и репрессии // Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. Сб. науч. тр. Саратов.: Научная книга, 2006. Вып. 4. С. 4–28.
106. Мельникова О.М. Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. М: Знак, 2004. 320 с. // Вестник Удмуртского университета. 2005. №7. С. 190–196.

107. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: Издательство «Хранитель», 2006. 873 с.
108. Милаева О.В. Модернизация кадрового научного потенциала в системе высших учебных заведений в 1930-е годы // Интеллигенция и власть: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: материалы международной научно-практической конференции 1–2 апреля 2011 года. Пенза–Липецк–Ереван: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. С. 14–21.
109. Монгайт А.Л. Возникновение и первые шаги советской археологии // История СССР. М., 1963. №4. С 75–94.
110. Музей Антропологии и Этнографии (МАЭ). Л., 1925.
111. Мустафина Г.М. Сотрудничество преподавателей кафедры отечественной истории КГПИ с Госмузеем ТАССР // Вестник ТГГПУ. 2008. №3 (14). С. 29–30.
112. Мухаметшин Д.Г., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., Шрифиллин Р.Ф. Итоги и задачи исследования Болгара // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет археологического изучения: итоги и перспективы. Тезисы науч. конф. Болгар, 1998. С. 4–11.
113. Мухарямов М.К. Работа историков Казанского филиала Академии наук СССР // ВИ. № 11. 1950. С. 170–171.
114. Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А. Ю. Ислам в России в XVIII — начале XXI вв.: модернизация и традиции. Нижний Новгород: Издательство ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2011. 282 с.
115. Мухсинов З. Дом татарской культуры // Очерки по изучению местного края. Казань: Издательство ДТК, 1930. Т.1. С. 7–41.
116. Мыц В.Л. К 100-летию со дня рождения Сергея Николаевича Бибикова. Штрихи к портрету: взгляд в прошлое // Актуальные проблемы первобытной археологии Восточной Европы: сборник статей. Археологический Альманах. Донецк: «Донбас», 2009. № 20. С. 9–16.

117. Надеева З.М. Развитие высшего образования в советской Татарии. (1917–1940). Казань. 1974. 30 с.
118. Наумова Т.В. Интеллигенция и пути развития российского общества // Социс. 1995. № 3. С. 39–46.
119. Невежин В.А. «Если завтра в поход...». М.: Яуза, Эксмо, 2007. 320 с.
120. Нечаев Э.В. Принципы управления научными организациями // Социальные факторы деятельности научных организаций. М., 1980. С. 21–36.
121. Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП (б) (1944 г.) // ВИ. 1991. № 1. С.188–205.
122. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 190 с.
123. Овчинников А.В. Подготовка кадров для археологической науки в 20-е годы XX века // Проблема качества исторического образования в системе высшей школы. Сборник науч. статей и сообщений. Казань, 2008. С. 122–126.
124. Оконникова Т.И. Формирование научных традиций в археологии Прикамья (60-е гг. XIX в. – конец 40-х гг. XX в). Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет». 2002. 173 с.
125. Оноприенко В.И. Л. Грэхэм. Очерки истории российской и советской науки (пер. с англ.). М.: Янус-К, 1998. 312 с. // Вестник Российской академии наук. 1999. Том 69. №1. С.83–86.
126. Орлова И.Б. Этнизация исторического знания в постсоветских государствах // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 126–135.
127. Оснос Ю. Из истории советской науки (1917–1920 гг.) // Исторический журнал. 1943. №5–6. С. 18–25.

128. Осуществление политики коренизации в Татарстане в документах. 1920–1930-е гг. / Автор-составитель кандидат исторических наук З.Г. Гарипова. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. 272 с.
129. Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб. : Нестор-История, 2010. 316 с.
130. Платонова Н.И. Российская Академия истории материальной культуры. Этапы становления // СА. 1989. № 4. С. 5–16.
131. Поповский М.А. Управляемая наука. Лондон: OPI, 1978. 319 с.
132. Пряхин А.Д. История советской археологии (1917 – середина 1930-х гг.). Воронеж, 1986. 284 с.
133. Размустова Т.О. Музеи и эволюция российского краеведения // Экология культуры: инф. Бюллетень. Архангельск,. 2004. № 3. С. 45–52.
134. Рахим А. Татарские эпиграфические памятники XVI в. // Труды Общества изучения Татарстана. Т.1. Казань, 1930. С. 145–172.
135. Рейман М. Перестройка и изучение советской истории // ВИ. 1989. №12. С. 145–158.
136. Романовский С.И. «Притащенная» наука. СПб: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2004. 348 с.
137. Руденко К.А. Археология XX века: две жизни – две судьбы: О.С. Хованская и А.М. Ефимова. Казань: Изд-во МОиНТ РТ, 2010. 176 с.
138. Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. Историография и история изучения (X – XX вв.): учебное пособие. Казань, 2008. 264 с.
139. Руденко К.А. Казанские археологи во второй половине 1940-х – начале 1950-х годов: личности, научное творчество и модели поведения (к постановке проблемы) // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 356–361.

140. Руденко К.А. Письма военных лет профессора А.П. Смирнова (1942 год) // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2011. № 3(34). С. 133–135.
141. Руденко К.А. В плену времени [Электронный ресурс] // Тартария.Ру – родовые поместья. URL: <http://www.tartaria.ru/Archive/kalendar/kalendar09.aspx> (дата обращения 18.11.2011).
142. Руденко К.А. Научное наследие А.М. Ефимовой // Краеведческие чтения. Выпуск 3: Материалы заседаний, прошедших в Национальном музее РТ в 2002–2003 гг. Казань: РИЦ «Школа», 2003. С. 4–13.
143. Сидоров А.В. Марксистская историографическая мысль 20-х годов. М.: Университетский гуманитарный лицей, 1998. 230 с.
144. Сидорова И.Б. Поступают «сведения о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете...» (ОАИЭ в первые годы Советской власти. 1917—1924 гг.) // Эхо веков. Гасырлар авазы. 2003. № 3/4 (32/33). С. 65–81.
145. Сидорова И.Б. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете: основные этапы истории // Краеведческие среды. Вып. 4. Материалы заседаний, прошедших в Национальном музее РТ в 2003 г. Казань: РИЦ «Школа», 2004. С. 6–69.
146. Сизов С.Г. Идеологические кампании 1947–1953 гг. и вузовская интеллигенция Западной Сибири // ВИ. 2004. №7. С. 95–103.
147. Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В.Сталине М. Изд-во Агентства печати «Новости», 1988. 478 с.
148. Сеницына К.Р. Полвека музеев Казани и Татарии. Очерки истории 1917 – 1967 годов. Казань, 2002. 280 с.
149. Ситдинов А.Г. Н.Ф. Калинин – исследователь Болгара // Болгар и проблемы исторического развития Западного Закамья. 60 лет

археологического изучения: итоги и перспективы. Тезисы науч. конф. Болгар, 1998. С. 13–16.

150. Ситдигов А.Г. Н.Ф. Калинин – исследователь средневековой Казани // Археологическое изучение болгарских городов. Казань, 1999. С. 41–62.

151. Ситдигов А.Г., Старостин П.Н. Николай Филиппович Калинин, 1888 – 1959. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. 24 с.

152. Слезкин Ю. Н.Я. Марр и национальные корни советской этногенетики // НЛО. 1999. № 36. С. 48—82.

153. Смирнов К.А. А.П. Смирнов и исследование Булгарского городища в период строительства Кубышевской ГЭС // Татарская археология. 1999. № 1–2. С. 5–9.

154. Соболев В.С. Академия Наук и краеведческое движение // Вестник РАН. 2000. Т.70. №6. С. 535–541.

155. Советский музей. 1936. №3.

156. Сокулер З. А. Знание и власть: наука в обществе модерна. СПб. РХГИ, 2001. 240 с.

157. Соловей В.Д. Историческая наука и политика в СССР. 20–30-е годы // Историческое значение НЭПа: Сборник трудов. М., 1990. С. 149–150;

158. Соловей В.Д. Кровь и почва русской истории М.: Издательство «Русский Миръ», 2008. 473 с.

159. Сонин А.С. ВАК СССР в послевоенные годы: наука, идеология, политика // ВИЕТ. 2004. № 1. С. 18–63.

160. Сорокина М.Ю. Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX–XX вв. Материалы научной конференции. СПб: Нестор, 1997. С. 248–254.

161. Султанбеков Б.Ф. Расстрелян как террорист (по страницам следственного дела историка Михаила Худякова) // Эхо веков. Гасырлар авазы. 2002. №1/2. С. 107–125.

162. Тагиров Р.Ш. Из жизни Общества изучения Татарстана // Труд и хозяйство. Казань, 1929. №1–2. С. 151–153.
163. Таиров И.Н. К столетию З.А. Акчуриной // Татарская археология. 2000. № 1–2 (6–7). С. 212–213.
164. Трофимова Т.А. Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии // СЭ. 1946. №3. С. 51–74.
165. Ульяновская В.А. Формирование научной интеллигенции в СССР (1917 – 1937 гг.). М.: Наука, 1966. 216 с.
166. Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Россия/Russia. Вып. 2 (10): Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: История и типология. М., 1999. С. 7–20.
167. Уяма Т. От «булгаризма» через «марризм» к националистическим мифам: дискурсы о татарском, чувашском и башкирском этногенезе // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Саппоро: Центр славянских исследований, 2003. С. 16–51.
168. Файзрахманов Г.Л. Развитие гуманитарных исследований в сороковые – восьмидесятые годы (К 50-летию Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР) // Великий Октябрь и некоторые вопросы формирования татарской социалистической нации. Казань, 1989. С. 96–122.
169. Фаттахова Г.А., Валеев Р.К. Академический центр Татарии: 1920-е годы. Казань: Татарское книжное издательство, 2002. 95 с.
170. Федоров-Давыдов Г.А. Памяти Алексея Петровича Смирнова // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 3–6.
171. Федюкин С.А. Деятельность КПСС по формированию советской интеллигенции. М.: Знание, 1984. 64 с.

172. Филатов В.П. Наука и научное сообщество в период «культурной революции» // Научный прогресс: когнитивные и социальные аспекты. М., 1993. С. 230–259.
173. Формозов А.А. Археология и идеология (20–30-е годы) // Вопросы философии. 1993. №2. С. 70–82.
174. Формозов А.А. О периодизации истории отечественной археологии // РА. 1994. №4. С. 219–226.
175. Формозов А.А. Русские археологи до и после революции. М., 1995. 114 с.
176. Формозов А.А. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг. // РА. 1998. №3. С. 191–206.
177. Формозов А.А. Человек и наука: из записей археолога. М.: Знак, 2005. 224 с.
178. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. М.: Касталь, 1996. 448 с.
179. Хабибрахманова О.А. Научная интеллигенция 20–30-х годов XX века: изменение состава, трансформация идентичности // Ученые записки Казанского государственного университета. 2010. Том 152. Кн. 3. Ч. 2. С. 122–129.
180. Халиков А.Х. Археологические исследования края за 50 лет // Развитие филологических и исторических наук в Татарии. Казань, 1969. С. 123–132.
181. Халиков А.Х. Археология в ИЯЛИ КФАН СССР // 50 лет поисков и открытий. Казань: Татарское книжное издательство, 1989. С. 149–173.
182. Хаминов Д.В. Общественно-политическая жизнь и идеологические кампании на историко-филологическом факультете Томского государственного университета во второй половине 1940-х – 1950-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2011. №347 (июнь). С. 88–91.

183. Хаплехамитов Р.Б. Первые годы постсталинского периода в Татарстане: взаимоотношения власти и творческой интеллигенции // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. №1. С. 136–140.
184. Хлебникова Т.А. А.П. Смирнов и Булгар // Татарская археология. 1999. №1–2 (4–5). С. 10–12.
185. Хлынина Т.П. «Воображаемые миры» национального прошлого: стратегии освоения и конструирования исторической реальности // Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе. – Ростов-на-Дону, 2004. С.180–193.
186. Чеснова Л.В. Наука и власть в Советской России (1918 – начало 1930-х гг.) // Институт истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова РАН. Годичная научная конференция 1998 г. М., 1999. С. 279–282.
187. Чубур А.А. Феномен краеведческой археологии (на примере Брянской области) // Сборник статей сотрудников филиала МГСУ в г. Брянске. Брянск, 2003. С. 77–85.
188. Шекспир У. Гамлет. Трагедия в 5 актах. Перевод А. Кронеберга // Шекспир У. «Гамлет» в русских переводах XIX – XX вв. М.: «Интербук», 1994. С. 164–322.
189. Шепилов Д. Не примкнувший. М.: ВАГРИУС, 2001. 399 с.
190. Шипилов А.В. Зарплата российского профессора в ее настоящем, прошлом и будущем // Alma mater. Вестник высшей школы. 2003. №4. С. 33–42.
191. Шеуджен Э.А. Историография: История исторической науки. Курс лекций. Майкоп, 1999. 256 с.
192. Шнирельман В. Очарование седой древности: мифы о происхождении в современных школьных учебниках // Неприкосновенный запас. 2004. № 37. С. 79–87.
193. Штернберг Л.Я. Этнографический музей Академии наук СССР // Огонек. Специальный номер. 1925. С. 14–16.

194. Юдин Б.Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования: наука и тоталитарная власть. 1993. №3. С. 83–106.
195. Юдин Б.Г. Методологический анализ как направление изучения науки. М.: Наука, 1986. 262 с.
196. Гыймади Х. Урта Идел буе халыкларынын татар монголлар игосына каршы кюреше тарихыннан // Совет эдэбияты. 1943. № 5. С. 70–84.
197. De Weese D. Islamization and native religion in the Golden Horde: Baba Turkles and conversion to Islam in historical and epic tradition. Pennsylvania: University Park, 1994. 656 p.
198. Elkana Y. A programmatic attempt at an anthropology of knowledge // Sciences and cultures. L., 1981. Pp. 1–76.
199. Ito T. Preface // Facing Up to the Past: Soviet Historiography under Perestroika. – Edited by Takayuki Ito. – Sapporo, Japan: Slavic Research Center, Hokkaido University, 1989. Pp. 3–6.
200. Polanyi M. The Republic of Science: Its Political and Economic Theory // Minerva. 1962. Vol. I(1). Pp.54–74.
201. Shils E. Science and scientists in the public arena // The American Scholar. 1987. № 65. Pp. 185–202.

Диссертации и авторефераты диссертаций

202. Гижов В.А. Идеологические кампании 1946–1953 гг. в российской провинции (По материалам Саратовской и Куйбышевской областей). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. 22 с.
203. Демидова Е.И. Становление и развитие советской высшей школы в 1920–1930 гг. Автореф. дисс... д.и.н. Саратов, 2007. 44 с.
204. Кныш Н.А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие. Автореф. дисс... к.и.н. Барнаул, 2009. 23 с.

205. Малышева О.Л. Борьба партийной организации Татарии за идеологическое завоевание высшей школы в период социалистического строительства (1917–1927 гг.). Автореф. дисс.... к.и.н. Челябинск, 1985. 21 с.

206. Морозова С.В. Деятельность КПСС по формированию советской интеллигенции в период строительства социализма (на материалах рабочих факультетов Татарской АССР). Автореф. дисс. ... к.и.н. Казань, 1974. 30 с.

207. Обыденнова Г.Т. История развития археологических исследований в Урало-Поволжье, XVIII в. – конец XX в. Дисс... д.и.н. Уфа, 2002. 334 с.

208. Пропп О.В. Высшая школа Урала и власть в условиях нэпа: опыт взаимоотношений (1921 – 1925 гг.). Автореф. дисс. ... к.и.н. Екатеринбург, 2002. 24 с.

209. Смирнова М.А. Краеведческое движение на Европейском Севере России в 1921–1937 гг. Автореф. дисс. ... к.и.н. – Архангельск, 2011. 26 с.

210. Сюков А.В. Власть и наука в Среднем Поволжье в конце 1920-х – 1930-е гг. Автореферат дисс... к.и.н. Самара, 2009. 22 с.

211. Тацис Н.А. Государственная политика СССР в сфере науки (1929–1941 гг.). Автореф. дисс... к.и.н. М., 2007. 29 с.

212. Хакимова А.З. Роль краеведческой работы в изучении и популяризации историко-культурного наследия Татарстана в 1920–2000-е гг. Автореф. дисс... к.и.н. Казань, 2011. С. 28 с.

Ресурсы сети Интернет

213. Вдовин А. И. Русский народ в национальной политике и идеологии 1917 – начала 30-х годов [Электронный ресурс] // Православный образовательный портал «Слово». 27.06.2009. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/41144.php> (дата обращения: 26.11.2010 г.).

214. Дубровский А.М. От проблем исторического образования к новому облику исторической науки [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Открытый текст». – URL:

http://www.opentextnn.ru/history/historiografy/?id=2991#_ftnref53 (дата обращения: 10.11.2011 г.).

215. Историческая справка [Электронный ресурс] // Сайт археологического кружка Казанского университета. URL: <http://www.ksu.ru/f4/arxkrug/s01.htm> (дата обращения: 19.12.2011).

216. Рубан Н.И. Первый всероссийский музейный съезд, его влияние на развитие дальневосточных музеев [Электронный ресурс] // Информационно-образовательный портал «Российское музееведение». URL: http://www.museumstudy.ru/content/files/ruban_1_s_ezd.pdf (дата обращения: 14.12.2011 г.).

217. Рубан Н.И. Становление краеведения на Дальнем Востоке России [Электронный ресурс] // Сайт Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова. URL: <http://hkm.ru/wp-content/uploads/2011/04/ruban7.pdf> (дата обращения: 12.12.2011 г.).

218. Руденко К.А. В плену времени [Электронный ресурс] // Тартария.Ру – родовые поместья. URL: <http://www.tartaria.ru/Archive/kalendar/kalendar09.aspx> (дата обращения 18.11.2011).

219. Юсуфов М.М. Концептуализация понятия «социальный институт» в современной социологии [Электронный ресурс] // Электронная версия журнала «Историческая и социально-образовательная мысль». 2011. № 4. URL: <http://www.hist-edu.ru/hist/book8/usufov.pdf> (дата обращения: 06.12.11).

220. Schott T. Science, Technology, Education and Economy in Centers and Peripheries [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Университета Торонто (Канада), 2001. URL: http://www.utoronto.ca/ethnicstudies/schott_paper.pdf (дата обращения 25.10.2011 г.).

Список сокращений

ВИ	–	Вопросы истории
ВИЕТ	–	Вопросы истории естествознания и техники
ВЦИК	–	Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ГАИМК	–	Государственная академия истории материальной культуры
ДТК	–	Дом татарской культуры
ИИЕТ РАН	–	Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской Академии наук
ИЯЛИ КФАН СССР	–	Институт языка, литературы и истории Казанского филиала Академии Наук Союза советских социалистических республик
КГУ	–	Казанский государственный университет
КОЕ	–	Казанское общество естествоиспытателей
ОАИЭ	–	Общество археологии, истории и этнографии
ОГПУ	–	Областное Государственное политическое управление
ОИТ	–	Общество изучения Татарстана
ОК ВКП(б)	–	Областной комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
ОК ВЛКСМ	–	Областной комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи

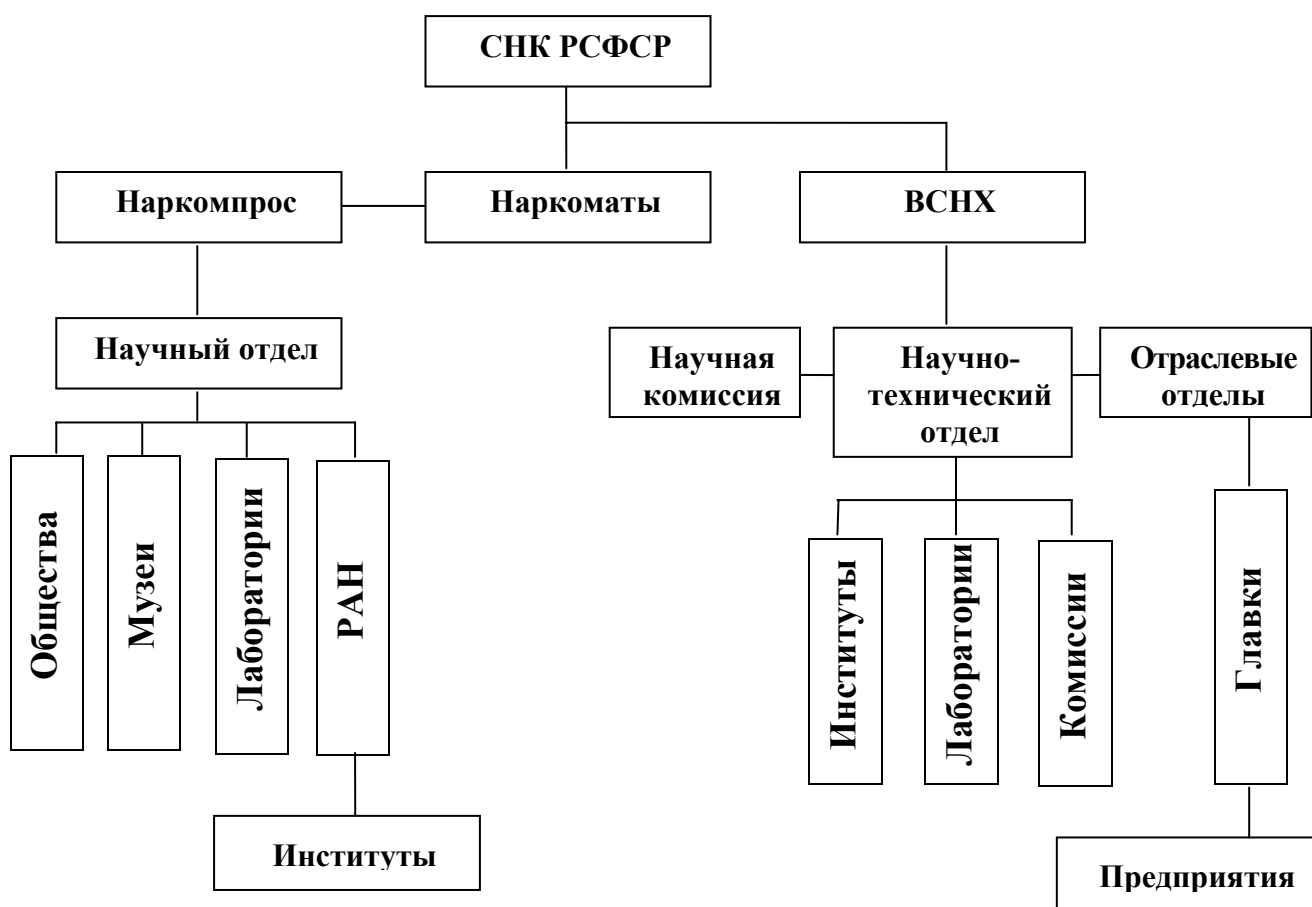
МАО	–	Московское Археологическое общество
НА РТ	–	Национальный архив Республики Татарстан
НИИ	–	Научно-исследовательский институт
НОТ	–	Научное общество татароведения
РА	–	Российская археология
РАНИОН	–	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА	–	Советская археология
Совнарком РСФСР	–	Совет народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
СЭ	–	Советская этнография
ТАССР	–	Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
ТГГПУ	–	Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет
ТНИИЯЛИ	–	Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
ФОН	–	Факультет общественных наук
ЦБК	–	Центральное Бюро Краеведения
ЦГА ИПД РТ	–	Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан
ЦК ВКП(б)	–	Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Схема 1. Элементы идеологии науки (по А.С. Кравцу).

Схема 2. Структура управления советской наукой до 1921–1922 гг.

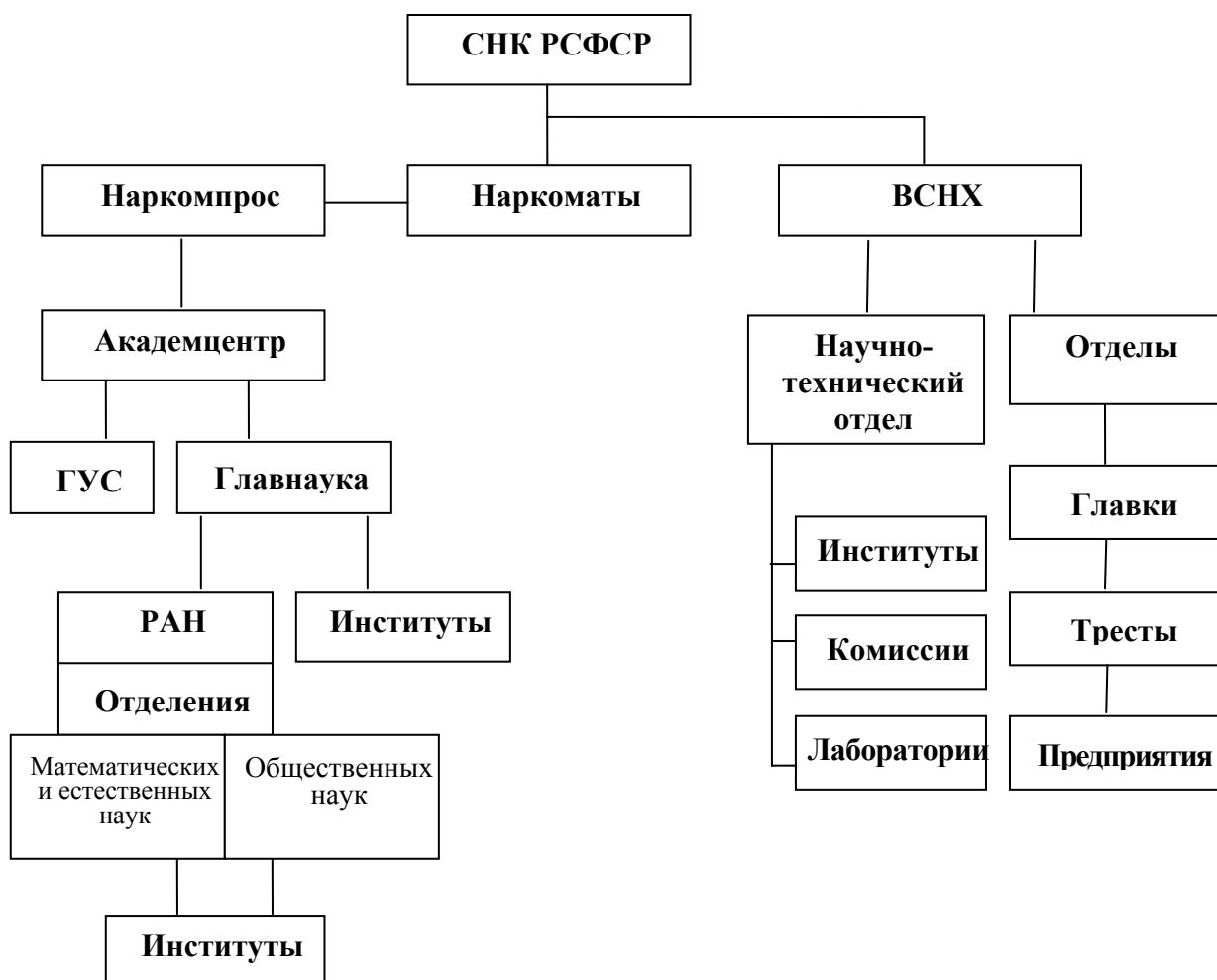

⁴⁹² Схемы 5, 6 составлены автором.

Схема 3. Иерархическая структура управления общественными науками

Схема 4. Структура управления наукой к 1922 г.

**Схема 5. Организационная структура Северо-Восточного
археологического и этнографического института (1917–1921).**

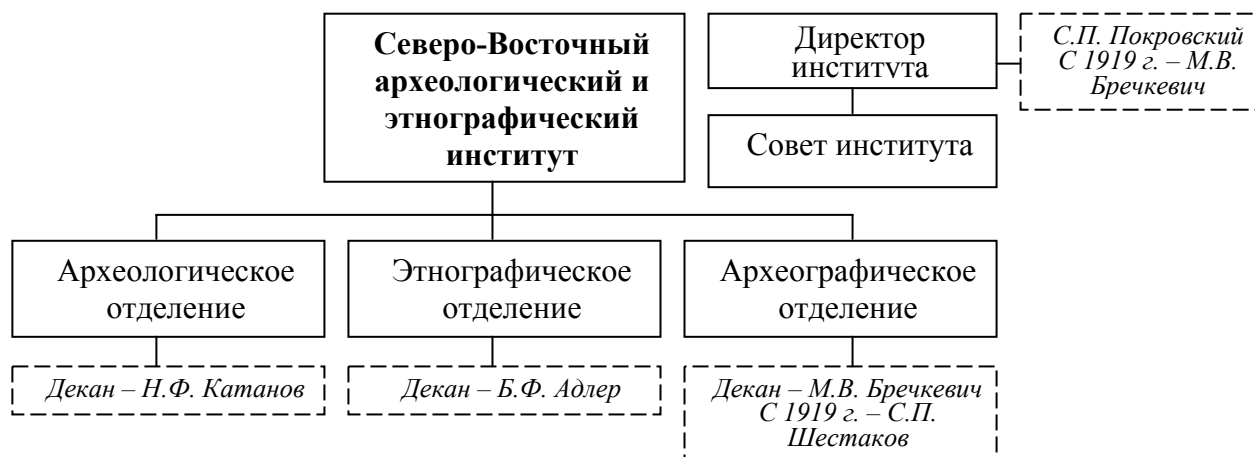

Схема 6. Организационная структура ОИТ в 1930 г.

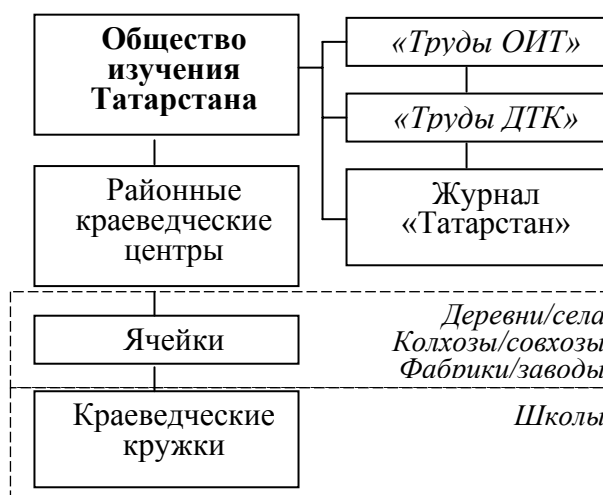
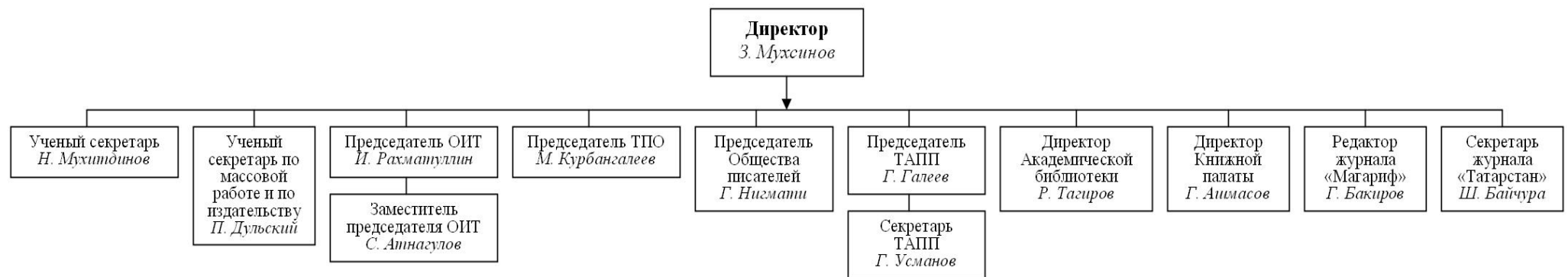

Схема 7. Структура Дома татарской культуры к 1 марта 1930 г.⁴⁹³.

⁴⁹³ Фаттахова Г.А., Валеев Р.К. Указ. соч. С. 21.

Таблица 1. Соотношение периодов и этапов в развитии советской археологии в 1917 – середине 1930-х гг. в историографии науки.

Годы	В.Ф. Генинг ⁴⁹⁴	А.Д. Пряхин ⁴⁹⁵	Г.С. Лебедев ⁴⁹⁶	Н.И. Платонова ⁴⁹⁷
1917	Формирование советской археологии на новых организационных началах и собирание основных научных сил	Становление советской археологической науки	—	Организационный период
1918			Организационное преобразование археологии в советское время	
1920				
1921				
1922				
1923				
1924				
1925		Дискуссии по теоретическим проблемам археологической науки	Период обозначившихся противоречий	
1926				Период усиления противоречий
1927				
1928				
1929	Разработка методологических проблем и постановка вопросов по изучению общественно-экономических структур обществ прошлого (до середины 1930-х гг.)	Утверждение «социологического метода» в археологии	Господство стадияльной концепции (до 1951 г.)	—
1930				
1931				
1932				

Таблица 2. Распределение членов партии среди научных работников по отдельным специальностям в 1929 г.⁴⁹⁸.

№№	Научные специальности	Количество членов партии, %
1.	Социально-экономические	13,9
2.	Универсальные	11,3
3.	Педагогические	11,0
4.	Медицинские	10,6

⁴⁹⁴ Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии. С. 14–16.

⁴⁹⁵ Пряхин А.Д. Указ. соч. С. 9, 10–23.

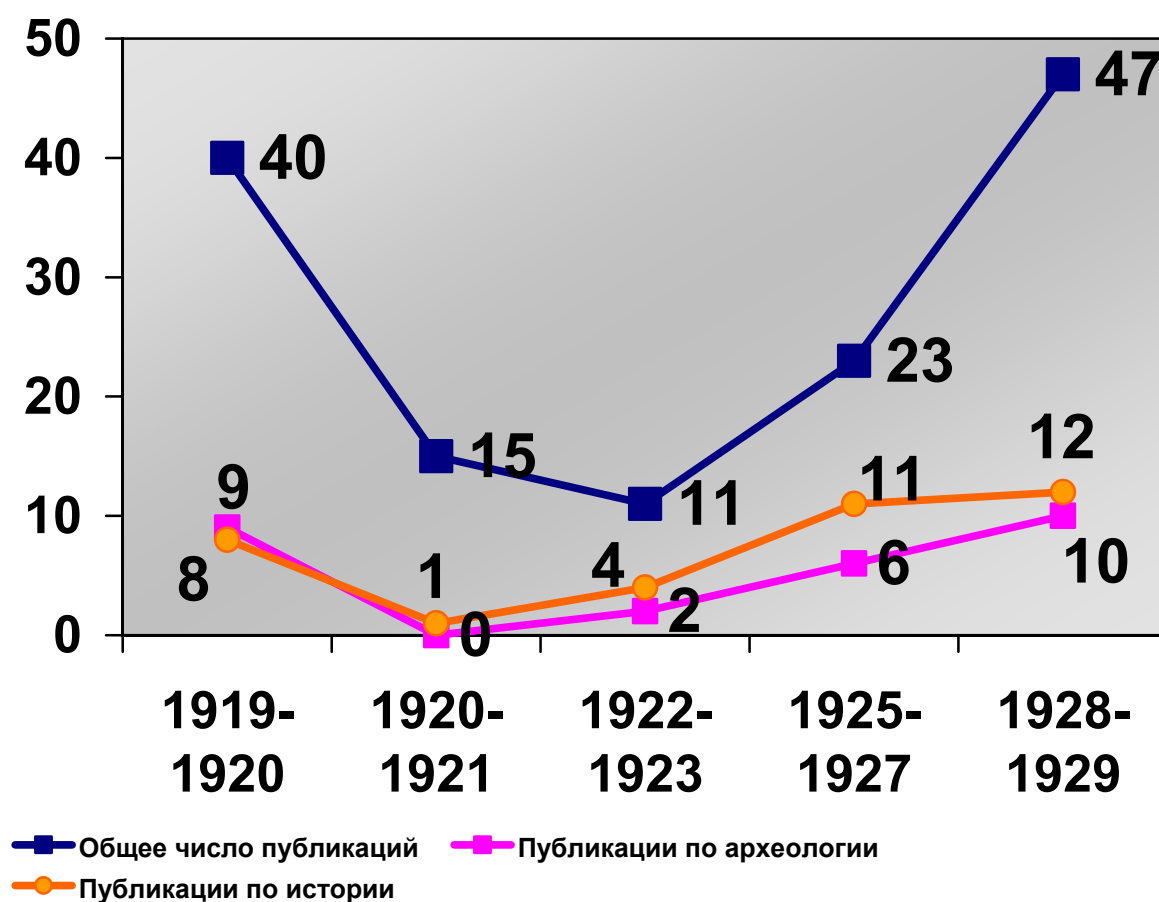
⁴⁹⁶ Лебедев Г.С. История отечественной археологии. С. 421–432; Лебедев Г.С. Опыт периодизации... С. 2–4.

⁴⁹⁷ Платонова Н.И. История археологической мысли... С. 215–219.

⁴⁹⁸ Милаева О.В. Модернизация кадрового научного потенциала в системе высших учебных заведений в 1930-е годы // Интеллигенция и власть: переосмысливая прошлое, задумываясь о будущем: материалы международной научно-практической конференции 1–2 апреля 2011 года. Пенза–Липецк–Ереван: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. С. 15.

№№	Научные специальности	Количество членов партии, %
5.	Индустриально-технические	7,8
6.	Литература и искусство	6,7
7.	Сельскохозяйственные	6,2
8.	Транспорт	4,4

Рисунок 1. Динамика числа публикаций в «Известиях ОАИЭ» (1919–1929)⁴⁹⁹.

⁴⁹⁹ Зайцев А.В. Исторические учреждения Республики Татарстан в 20–30-е годы XX века. Казань, 1998. С. 78.

**Таблица 3. Число публикаций в «Вестнике НОТ» за 1925–1930 гг.
по направлениям**

Год	История	Археология	Этнография	Литература	Искусство	Лингвистика	Другое	Всего
1925	9	1	–	1	–	1	2	14
1926	3	4	1	1	–	2	3	14
1927	4	1	5	2	1	9	–	22
1928	3	–	3	3	2	3	2	16
1930	4	–	–	–	4	3	2	13
Всего	23	6	9	7	7	18	9	79

Таблица 4. Анализ отношения профессорско-преподавательского состава СВАЭИ к реформе вузов Казани в 1919 г.

Основные тезисы реформы ⁵⁰⁰	Отношение ученых СВАЭИ ⁵⁰¹	Оценка
1. Координированность работы всех высших учебных заведений, уничтожение частно-хозяйственной организации высших учебных заведений. Объединение в одно целое под наименованием «Казанский Советский Университет»	Тезис о координированности работы вузов принят как «желательный», вторая часть об устранении частно-хозяйственных отношений не вызывала возражений. Третий тезис о слиянии всех вузов в единый Советский Университет вызвал решительные возражения, связанные с самобытностью СВАЭИ, его особыми задачами в изучении Северо-восточного края.	Положительная Положительная Отрицательная
2. Деление на три ассоциации (научную, учебную и просветительскую) согласно трем главнейшим проявлениям как теоретического, так и прикладного знания	Тезис решено принять, но данное разделение следует признать трудно осуществимым в текущих условиях	Положительная
3. Связь высших учебных заведений с жизнью государства и страны, отпадение вопроса об автономии, представительство Советских учреждений	Связь университета с жизнью государства признавалась желательной. Автономия должна быть сохранена как «условие жизненности	Положительная Отрицательная Отрицательная

⁵⁰⁰ НА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 18. Л. 14.

⁵⁰¹ НА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 3. Л. 77об–79.

в советах ассоциаций, факультетов, отделений	учебного заведения». Тезис об участии представителей власти в факультетах и советах вузов признан нецелесообразным ввиду того, что там обсуждаются вопросы, требующие особой подготовки	
4. Социальное обеспечение учащихся высших учебных заведений (бесплатное обучение, учебные пособия, пища, одежда, жилище)	Этот тезис решено приветствовать как весьма желательную меру в интересах учащихся	Положительная
5. Уничтожение дипломов. Учет и правильное распределение окончивших высшие учебные заведения	Отмена дипломов признана желательной, однако механический учет вызвал возражения	Положительная Неоднозначная
6. Уничтожение ученых степеней. Обязательный, открытый для всех конкурс при замещении кафедр и участие в избрании профессоров и преподавателей университета заинтересованных Советских учреждений и общественных организаций	Уничтожение ученых степеней требует отмены, тезис об открытом конкурсе встречен одобрительно. Утверждение об участии представителей советской власти в выборах профессоров и преподавателей вызвало возражения, признано, что достаточным является для органов советской власти право veto на решения советов вузов	Отрицательная Положительная Отрицательная
7. Выборность профессуры и преподавателей на короткий срок (не более 5-ти лет)	Тезис вызвал возражения в виду чрезвычайной краткости срока, т.к. «не дает научным работникам времени для полного развития знаний», предложено увеличить срок до 15 лет	Отрицательная
8. Коллегиальность управления университета	Тезис решено одобрить	Положительная
9. Обязательное участие университета в распространении образования среди широких	Тезис решено одобрить	Положительная

народных и пролетарских масс		
10.Создание факультета общественных наук, ставящего себе задачей распространение и разработку идей научного социализма и приложение материалистического метода во всех областях обществоведения	Создание нового факультета не вызвало возражений, однако вторая часть предложения встречена прохладно, т.к. свобода в методологии исследований не должна ограничиваться	Положительная Отрицательная
11.Пересмотр и преобразование учебных планов всех высших учебных заведений гор. Казани и всех факультетов, особенно юридического и историко-филологического в направлении согласования этих планов с новыми требованиями государства и народного хозяйства, общими началами единой трудовой школы и теми переменами, которые произошли в политической организации страны	Признано, что реформирование высшей школы имеет все основания, однако привязка к трудовой средней школе оценена осторожно в виду ее неэффективности	Неоднозначная
12.Широкий обмен учеными и учебными силами между университетскими объединениями	Тезис принят при условии свободного обмена, в соответствии с потребностями вузов	Положительная
Итого: 11 положительных оценок в отношении тезисов реформы вузов Казани; 7 отрицательных отзывов о реформировании системы высшей школы в Казани и крае; 2 неоднозначные оценки в отношении реформы.		

Таблица 5. Соотношение оценок идеологической кампании 1944 г. в ТАССР в отечественной историографии 1940-х – 2000-х гг.

Исследователь	Оценка	Итоги
<i>1940-е – 1980-е гг.</i>		
Х.Г. Гимади	Вскрыло недостатки и серьезные ошибки наших историков при освещении истории татарского народа (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодалного эпоса об Едигее), которые «чрезмерно увлекались седой древностью и отходили от актуальных вопросов современности» ⁵⁰² .	Постановление явилось программой действия для историков Татарии и вооружило их новым идейным оружием в деле научного освещения важнейших проблем исторической науки, подготовило проведение научной сессии Отделения истории и философии АН СССР по вопросам этногенеза казанских татар в апреле 1946 г. ⁵⁰³ .
М.К. Мухарямов	Постановление ставило перед историками задачу создания научной истории Татарии ⁵⁰⁴ .	–
<i>1990-е – 2000-е гг.</i>		
А.Ш. Кабирова	Предшествующие идеологические послабления, имевшие место в годы войны, оказались непродолжительны, и ближе к Победе «власти с прежним рвением взялись за «закручивание гаек». В отношении татарского народа явственно проявилась жесткая линия, направленная на его	В чем-то и справедливая критика... вышестоящих органов... обернулась огульным отрицанием всего достигнутого в области изучения огромной сокровищницы татарского национального наследия. Самое страшное, что это постановление на долгие годы определило национальную

	духовное порабощение, уничтожение национальной истории и культуры» ⁵⁰⁵ . В постановлении «местные партийные организации были фактически обвинены в преувеличенном внимании к национальным вопросам» ⁵⁰⁶ .	политику в отношении татарского народа... Национальная история представала по идеологизированной схеме, утвержденной высокими инстанциями. Под запретом оказались целые пласты истории и культуры татарского этноса... Малейшие попытки отклонения от официально принятой линии сразу же пресекались и жестоко карались» ⁵⁰⁷ .
Уяма Т.	Государственная идеология в последние годы войны становилась все более руссоцентричной, она привела к появлению « кампании, начатой в 1944 г. против воспевания Золотой Орды и популяризации эпоса об Идее – герое Золотой Орды, который руководил осадой Москвы».	Кампания против Золотой Орды вкупе с марристской теорией этногенеза повлияли на работу конференции по истории Татарстана, прошедшей в Москве в 1946 г., и закрепившей «советскую (прорусскую и антимонгольскую) версию булгаризма» ⁵⁰⁸ .
М.З. Закиев	Решение притормозить дело удревнения истории нерусских народов, поскольку создание этнической истории малых народов непосредственно связано с политикой возрождения и развития наций. В постановлении «основной упор делается на то, чтобы ни историки, ни литераторы не занимались приукрашиванием Золотой Орды, популяризацией ханско-феодального эпоса об Идее, рекомендуется заниматься лишь более поздней историей, а именно — периодами, наступившими	Возобновление булгаро-татарской концепции в изучении этногенеза татар. Чтобы выйти из сложившегося трудного положения, в республике было решено привлечь к этногенетическим исследованиям и русских специалистов из Москвы. Поэтому Институт языка, литературы и истории обратился в отделение истории и философии АН СССР с просьбой провести в Москве специальную сессию, посвященную этногенезу казанских татар.

	после присоединения Казанского ханства к Русскому государству» ⁵⁰⁹ .	
Измайлов И.Л.	Печально знаменитое постановление ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. и научная сессия по происхождению татарского народа 1946 г. являлись активной попыткой «переосмыслить татарскую историю и через это раздробить единую татарскую нацию». «Основная проблема была... в насильственных партийно-административных методах ее утверждения» ⁵¹⁰ .	«Были подвергнуты пересмотру программы вузов, средних школ, из которых изъяли упоминания об эпосе и Золотой Орде». «... Запрет на изучение Улуса Джучи в Татарстане (и вообще упоминание этого государства и его культурных достижений в положительном смысле), добро на изучение участия татар в народных восстаниях против царизма, но отрицательное – к национально-освободительным выступлениям... Деятели татарской истории, особенно средневековой – отрицательные персонажи, а русские князья – положительные». «Целью этой оголтелой кампании было низвержение с «пьедестала истории» Идегея, а вслед за ним целого пласта татарской истории» ⁵¹¹ .
Д.М. Исхаков	Постановление и другие документы, «направленные на полное уничтожение самостоятельной мысли в исторической науке Татарстана в 1940 – начале 1950-х гг.»..., «били» весьма прицельно: часть из них была направлена против таких исторических исследований, которые показывали бы былую государственную самостоятельность татарского народа (через	Утверждение с 1946 г. официальной для историографии Татарстана – болгарской – теории происхождения татар. Позднее, в начале 1960-х и до конца 1980-х гг. эта концепция, пользовавшаяся официальной поддержкой, активно разрабатывалась в советской историографии и даже приобрела вид стройной научной теории в трудах Г.В. Юсупова, А.Х.

	интеграцию в национальную историческую науку историй Золотой Орды и поздних татарских ханство)...» ⁵¹² .	Халикова, М.З. Закиева, А.Г. Каримуллина, С.Х. Алишева, Р.Х. Бариева ⁵¹³ .
Ю.Г. Голуб, Д.Б. Баринев	Лишнее доказательство «закручивания гаек» властью по отношению к российской многонациональной художественной интеллигенции». Попытка притормозить процесс «сохранения и развития в военный период традиций национальной культуры, своего языка и обычаев, отражающих рост национального самосознания и самостоятельности татарского народа» ⁵¹⁴ .	—
З.В. Доде	Идеологическое обоснование нового взгляда на изучение истории и культуры тюркских народов. Постановления... «должны были сориентировать ученых и творческую интеллигенцию на «идейно-политическое» освещение истории, литературы и искусства татарского и башкирского народов» ⁵¹⁵ .	«Исследователей ориентировали главным образом на изучение «цивилизующей роли Российского государства» в истории других народов, населявших территорию Советского Союза, отрицание созидательной роли тюрков и Золотой Орды в мировой цивилизации. История татарского народа в эпоху Золотой Орды советской идеологической системой подавалась в свете исключительно завоевательного и регрессивного характера этого государства, разрушительных набегов татарских ханов. Тем самым формировался исторический образ врага в лице тюркских народов» «Мероприятия советской

		идеологической системы вели к последовательному уничтожению культурно-исторического наследия тюркских народов» ⁵¹⁶ .
Р.Б. Хаплехамитов	Постановление «положило начало восстановлению идеологических позиций коммунистической партии в системе репрессивной национальной политики и острием своим было направлено прежде всего против возрождения национального самосознания в послевоенный период» ⁵¹⁷ .	Данное постановление «способствовало перманентной реанимации сталинских подходов к национальной интеллигенции и результатам их деятельности, грубого диктата властных органов по отношению к ним».
А.Г. Галямова	Благодаря известному августовскому постановлению «...татарская интеллигенция испытывала жесткий идеологический контроль со стороны официальных органов. Труды историков, языковедов, литературоведов, деятелей национального искусства должны были строго следовать коммунистической рецептуре на показ прогрессивного влияния России, не выпячивая значения мусульманского Востока» ⁵¹⁸ .	«...это существенно влияло на социокультурную динамику всего татарского народа. Его вековая культура оказалась невостребованной наиболее образованной частью татарского общества, духовный мир которой все более формировался под влиянием русской и зарубежной культуры, пропущенной к тому же через сито официальной идеологии» ⁵¹⁹ .
А.А. Бурханов	«... с принятием одиозного Постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. «О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы в Татарской партийной организации» тематика, связанная с Золотой Ордой, была полузапретной».	«Археология Золотой Орды до 1950-х гг. была в зачаточном состоянии». На сессии Отделения истории и философии АН СССР 1946 г. в Казани, посвященной этногенезу татарского народа, золотоордынский период предавался забвению, упор делался на

		болгарский домонгольский компонент в сложении татарского этноса в Среднем Поволжье. Однако до сих пор исследование памятников эпохи Улуса Джучи и позднесолотоордынских (татарских) государств XV–XVIII вв. остается слабым звеном. Это связано как с объективными, так и с субъективными причинами⁵²⁰.
--	--	---

Учебный план археологического отделения Северо-Восточного археологического и этнографического института г. Казани⁵²¹.

История искусств (древний период), 3 ч. – 1 и 2 сем.

История русского языка, 2 ч. – 1 и 2 сем.

Геология (общий курс), 3 ч. – 1 сем.

Геология (практ. занятия), 1 ч. – 2 сем.

Антропология (общий курс), 2 ч. – 1 и 2 сем.

Антропология (практические занятия), 2 ч. – 1 и 2 сем.

География, 2 ч. – 1 и 2 сем.

География (практ. занятия), 1 ч. – 3 сем.

Введение в общее языкознание, 1 ч. – 1 сем.

Введение в финно-угорское языкознание, 3 ч. – 2 сем.

Введение в тюрко-монгольское языкознание, 3 ч. – 2 сем.

Юридические древности, 2 ч. – 1 и 2 сем.

Русская история, 2 ч. – 1 и 2 сем.

История политических учений, 2 ч. – 1 сем.

История международных отношений, 2 ч. – 2 сем.

Первобытная археология, 4 ч. – 2 и 3 сем.

Первобытная археология (практ. занятия), 2 ч. – 4 сем.

История русского искусства, 2 ч. – 3 и 4 сем.

История религии (?), 2 ч. – 4 сем.

Русская палеография, 2 ч. – 3 и 4 сем.

Общая палеография, 2 ч. – 3 и 4 сем.

История древнерусской литературы (?), 2 ч. – 3 и 4 сем.

История искусств (с эпохи Возрождения), 2 ч. – 5 и 6 сем.

Монгольский и арабский языки, 4 ч. – 3–6 сем.

Финские наречия, 2 ч. – 3–6 сем.

Турецкие наречия, 2 ч. – 3–6 сем.
Мусульмановедение, 2 ч. – 3 и 4 сем.
История Золотой Орды, 1 ч. – 3 и 4 сем.
Обзор источников местного края, 3 ч. – 3 и 4 сем.
Христианская археология, 2 ч. – 5 и 6 сем.
Общая этнография, 4 ч. – 4 и 5 сем.
Славянские древности, 2 ч. – 5 сем.
Тюрко-монгольские древности, 2 ч. – 6 сем.
Финно-угорские древности, 2 ч. – 6 сем.
Палеография Востока, 2 ч. – 5 и 6 сем.
Славянская этнография, 2 ч. – 5 и 6 сем.
История русской церкви, 2 ч. – 5 и 6 сем.
История просвещения в России, 1 ч. – 5 и 6 сем.
Музееведение, 2 ч. – 5 сем.
Историческая география, 4 ч. – 6 сем.
Архивоведение, 3 ч. – 5 сем.
Мусульманское искусство, 1 ч. – 5 и 6 сем.
География Поволжья, 2 ч. – 5 сем.
Этнография Поволжья, 4 ч. – 6 сем.
Нумизматика, 1 ч. – 5 сем.
Сфрагистика, 1 ч. – 5 сем.
Хронология, 1 ч. – 5 сем.
Метрология, 1 ч. – 5 сем.
Дипломатика, 1 ч. – 5 сем.
Греко-римская археология, 2 ч. – 5 и 6 сем.